ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО»
Таврическая академия
Исторический факультет
Кафедра истории древнего мира и средних веков

На правах рукописи

Лейбенсон Юлия Тарасовна

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(история Древнего мира)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Петрова Элеонора Борисовна

Симферополь – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ 14

1.1. Историография вопроса 14

1.2. Обзор источников 30

ГЛАВА II. ФИЛОСОФЫ И РИТОРЫ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 45

2.1. Просопография философов Северного Причерноморья по сообщениям античных и средневековых авторов 47

2.2. Просопография философов античных городов Северного Причерноморья по эпиграфическим источникам 76

2.3. Риторы античных городов Северного Причерноморья 87

ГЛАВА III. АВТОРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ 91

3.1. Просопография авторов исторических и географических сочинений 91

3.2. Анонимные авторы античных городов Северного Причерноморья 97

ГЛАВА IV. ПОЭТЫ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 107

4.1. Поэзия в интеллектуальной жизни Северного Причерноморья 108

4.2. Просопография авторов метрических текстов Северного Причерноморья 111

4.3. Творчество анонимных поэтов по данным эпиграфических памятников Северного Причерноморья 124

ГЛАВА V. ТИП ИЗОБРАЖЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В МЕМОРИАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 135

ГЛАВА VI. МЕСТО И РОЛЬ СЕВЕРОПОНТИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЭЛЛАДЫ И ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 157

6.1. Место и роль интеллектуалов в истории и культуре античных государств Северного Причерноморья 160

6.2. Место и роль выходцев из античных колоний Северного Понта в истории и культуре античного мира 171

6.3. Интеллектуалы античных городов Северного Причерноморья и рецепция античности 175

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 179

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 185

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 228

ПРИЛОЖЕНИЯ 230

Приложение I. Изображения интеллектуалов в мемориальной скульптуре античных городов Северного Причерноморья 230

Приложение II. Иконография интеллектуалов в памятниках античного искусства и аналоги северопричерноморским портретам 270

ВВЕДЕНИЕ

Античные государства Северного Причерноморья, будучи регионом периферийным, отдаленным от важнейших центров античного мира, представляют несомненный интерес для изучения античной эпохи в целом. Исследования, посвященные античным государствам Северного Причерноморья, прежде всего, затрагивали вопросы военно-политической и экономической истории. В меньшей мере изучались вопросы истории культуры и образования в северопонтийских государствах. При этом рассматривались, главным образом, явления и процессы культуры и только отчасти – те исторические личности, которые их воплощали. Что касается общих работ, посвященных античным философам и ученым, в них редко представлены имена интеллектуалов из периферийных регионов из-за ограниченности источниковой базы. Поскольку в научной литературе вопросы об интеллектуальной жизни и особенно об интеллектуалах северопричерноморских колоний мало освещены, они практически не затрагивались и в общих трудах по истории античного Северного Причерноморья, учебных пособиях и научно-популярных изданиях. Таким образом, специальное исследование, посвященное интеллектуалам Северного Причерноморья, на сегодня отсутствует.

Этим обуславливается **актуальность** исследования биографий и особенностей деятельности носителей и творцов интеллектуальной культуры в античных государствах Северного Понта. Такое исследование позволит дополнить и уточнить общую картину интеллектуальной жизни как в данном регионе, так и в античном мире в целом.

Историография вопроса. В отечественной и зарубежной научной литературе уделялось внимание различным институтам культуры античного Северного Причерноморья. Однако сведения об интеллектуалах привлекались в качестве второстепенных материалов, поскольку объектом исследования авторы избирали поэзию, философию, образование в Северном Причерноморье или в

отдельных его колониях, но не биографии творцов этих сфер культуры [например: Каллистов, 1952, с. 83, 183; Шелов, 1956, с. 109, 139–141; Блаватский, 1964, с. 92–93, 111, 112, 193; Блаватский, 1985а; Кадеев, 1996, с. 40, 106, 109, 116–122, с.187, с. 194; Петрова, 2000и, с. 62–80; Молев, 2003, с. 336; Скржинская, 2014б].

Другая группа исследований освещает биографии отдельных интеллектуалов Северного Причерноморья. Наибольшим исследовательским интересом отмечены те из них, биографии которых достаточно известны по античным литературным памятникам, а именно: Бион Борисфенит, Сфер Боспорский, Дифил Боспорский, поэт Исилл. Изучение избранных биографий философов-выходцев из северопричерноморских колоний началось еще в первой трети XIX в. [Стемпковский, 1828]. Можно констатировать, что и в дальнейшем интерес к этой теме не ослабевал. Среди наиболее важных работ следует выделить монографию У. фон Виламовица-Мёллендорфа «Исилл Эпидаврский» (1886), статью Д. С. Спиридонова «Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли» (1918), вступительную статью и филологический разбор источников Я. Ф. Кинстранда в книге «Bion of Borysthenes» (1976), статью А. Л. Верлинского «К боспорской просопографии: стоик Сфер» (1992).

Сведения о причерноморских интеллектуалах привлекались для исследования общих вопросов античной истории, главным образом, культурной, но также и политической. Выходец из Боспора, стоический философ Сфер рассматривался в качестве участника спартанских реформ III в. до н. э. [например: Ollier, 1936, p. 565–566; Печатнова, 2013, с. 284–285, 321–323, 346–347]; Бион, выходец из Ольвии, ставший видным философом-эклектиком и ритором – в качестве иллюстрации истории кинической школы [например: Гомперц, 1912, с. 147; Нахов, 1982, с. 194–195; Лосев, 1969, с. 152; Целлер, 1996, с. 97; Тронский, 1988, с. 235–236; Burns, 2015, p. 9–15]. Закономерно, что в подобных работах то или иное интересующее нас лицо рассматривалось односторонне, зачастую привлекались далеко не все источники.

Историография, касающаяся интеллектуалов Северного Причерноморья, достаточно обширна и разнообразна (Гл. 1). Однако на сегодня отсутствует исследование, которое бы обобщило и проанализировало все имеющиеся сведения о северопонтийских интеллектуалах.

Целью данной работы является исследование биографий и особенностей деятельности интеллектуалов античных государств Северного Причерноморья, определение их места и роли в истории и культуре северопонтийского региона и античного мира в целом. В **задачи** входит:

1. выявление и изучение различных типов источников, содержащих сведения об интеллектуалах Северного Причерноморья;

2. установление основных черт биографии и творческого наследия северопричерноморских философов, поэтов, авторов научных сочинений;

3. выявление связей между городами Северного Причерноморья и общегреческими культурными центрами;

4. выявление типа изображения интеллектуала для городов Северного Причерноморья, а также аналогов и источников этого типа в искусстве Греции, Малой Азии и Рима; исследование особенностей иконографического типа интеллектуала.

В качестве **объекта** исследования рассматривается культурная жизнь античных северопонтийских городов. **Предмет** исследования – биографии интеллектуалов Северного Причерноморья, их деятельность и особенности творчества, связи с различными культурными центрами, а также иконография интеллектуалов, представленная, главным образом, в мемориальной скульптуре.

Представляется важным уточнить, кого именно следует считать интеллектуалом в античную эпоху. Это понятие в русскоязычных текстах зачастую смешивается с термином «интеллигенция»; к нему относят и так называемую творческую интеллигенцию. Ряд исследователей говорит об «античной интеллигенции», относя к этой группе поэтов, философов, врачей, художников «в широком смысле» (включая архитекторов, скульпторов, даже землемеров), то есть любые «образованные слои» общества [Блаватская, 1983;

Фролов, 2004]. Столь широкая трактовка представляется не совсем корректной: если под интеллектуалами понимать образованных людей вообще, то следует признать греческими интеллектуалами едва ли не все свободное городское население, поскольку оно получало стандартное начальное и среднее образование. Неоднократно предпринимались попытки представить античных интеллектуалов как особый слой или класс, сохранявший свои наиболее значимые характеристики на протяжении всей античной эпохи. За точку отсчета для появления этой социальной группы принимались эллинистический период [Кузищин, 1999, с. 32–33], период Римской республики [Утченко, 1972, с. 365–366] и даже крито-микенское время [Фролов, 2004, с. 298–302]. Существует и подход, при котором античный интеллектуал противопоставляется «обычному гражданину», поскольку первого отличает «интенсивное интеллектуальное творчество» [Довженко, 1995; Куле, 2004, с. 88]. Характерно, что П. Занкер в своем исследовании античного портрета интеллектуала отказался давать определение термину «интеллектуалы», оговорив, что это слово может служить технической заменой выражению «поэты и мыслители, философы и ораторы» [Zanker, 1995, p. 1–2].

Определение круга занятий, которые следует отнести к специфическим занятиям интеллектуалов, осложняется и тем, что в древности не существовало единого и точного определения интеллектуального труда. Деятельность философа, медика, ученого могла рассматриваться и как искусство (*τέχνη/ars* – термин, которым обозначали и мастерство софиста, и ловкость рыбака в его ремесле [Вейсман, 1899, с. 1240; Дворецкий, 1958, с. 1662; Shantraiine, 1977, p. 1112]), и как наука (*ἐπιστήμη/sciencia* [Вейсман, 1899, с. 507; Дворецкий, 1958, с. 637; Shantraiine, 1970, p. 360]). Определения *παιδεία* и *σχολή* могут быть привлечены со значительными оговорками: они подразумевают воспитание и досуг гражданина, содержание которых шире, нежели интеллектуальные штудии.

Судя по сообщениям античных авторов, интеллектуальными считались преимущественно те занятия, которые имели отношение к сфере слова, а именно: занятия грамматикой, риторикой, философией. Особенно высоким был статус

философии, при этом к ней причисляли различные науки, в частности, географию, медицину. Такие профессии как художник, скульптор не считались интеллектуальными, поскольку имели дело с визуальными образами и материальными объектами, а не со звучащей или записанной речью [Йегер, 2001, с. 29]. Ремесло художника и скульптора в ряде случаев рассматривалось как работа по найму, что считалось недостойным гражданина. Восхищаясь произведениями искусства, древние авторы не говорили о достоинствах профессий их создателей; искусство скульпторов и художников воспринималось как немое – в отличие от мастерства слова, которое демонстрировали поэты, философы, риторы (Plut. Per. 2. 1) [Герцман, 1995, с. 248–249; Йегер, 2001, с. 25–27; Молева, 2016, с. 44]. Не существовало в античности и какого-либо общепринятого списка интеллектуальных занятий. Интересными, но не проясняющими вопроса примерами могут служить перечень «свободных искусств», которые «одеваются в философский плащ» у Тертуллиана (философия, софистика, риторика, поэзия, медицина, музыка, астрономия, магия – Tert. De pall. VI. 2) и перечисление наук, необходимых для изучения архитектору-универсалу в сочинении Витрувия (философия, история, геометрия, музыка, медицина, юриспруденция, астрономия –Vitr. 1. 1. 3). Примечательно, что оба перечня появились довольно поздно и у латинских, а не греческих авторов; у Тертуллиана среди свободных искусств появляется занятие магией (что, возможно, восходит к перечислению демиургов у Гомера – Od. XVII. 384–385). При этом как в греческой, так и в римской литературе сохранялась мысль о том, что все свободные искусства так или иначе восходят (или являются пропедевтикой) к философии [Йегер, 2001, с. 134].

Исходя из сказанного, наиболее приемлемым представляется подход, при котором в качестве интеллектуалов следует рассматривать тех лиц, которые не просто получили образование и располагали досугом, но и являлись творцами собственных текстов – философских и исторических сочинений, ораторской прозы, поэзии. Особенное внимание следует уделить представителям философских школ: даже в тех случаях, когда от их произведений до нас не

дошло ни единой цитаты, очевидно, что деятельность этой категории интеллектуалов проходила в атмосфере постоянного словесного творчества. Таким образом, в качестве главных критериев античного интеллектуала выступают отношение к тексту (наличие собственных произведений) и отношение к философской школе. Этот подход (близкий к позициям Ю. С. Довженко и П. Занкера) позволяет приблизиться к собственно античному пониманию того, что в современной литературе называется «интеллектуалом», «интеллектуальной деятельностью» [Лейбенсон, 2015а; Лейбенсон, 2015в]. Отметим, что в данной работе интеллектуалы не рассматриваются как специфический слой общества, поскольку античность такой общности не знала; можно говорить только о профессиональной общности или общности философов.

Хронологические рамки исследования охватывают временной промежуток с рубежа VII–VI вв. до н. э. (время появления первых метрических надписей в северопричерноморских колониях) до второй половины IV–V в. н. э. (к этому периоду относится последний надгробный памятник, отразивший античную иконографию интеллектуала, а также составление текста херсонесской истории, вошедшей в «De administrando imperio»).

Территориально в данной работе представлен северопричерноморский регион: территории Боспорского и Херсонесского государств, Ольвия, Тира. Также в территориальные рамки исследования включены Афины, отдельные центры Малой Азии, Рима, что вызвано особенностями биографий философов-выходцев из Северного Причерноморья и наличием аналогий для иконографического типа интеллектуала в различных регионах античного мира.

В качестве **источников** рассмотрены письменные памятники: свидетельства античных писателей, сообщения средневековых авторов, которые содержат биографические сведения об интеллектуалах Северного Причерноморья; фрагменты трудов северопонтийских авторов, сохранившиеся в сочинениях античных и средневековых писателей; эпиграфические источники, в которых сообщаются имена интеллектуалов, имеются сведения об их деятельности (или, по крайней мере, о связи умершего с науками и образованием)

и содержатся образцы их творчества: поэтические эпитафии, образцы риторской и документальной прозы. С эпиграфическими источниками тесно связаны также источники вещественные и изобразительные: стелы, содержащие текст и портрет, рассматриваются как единый комплекс.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности и комплексного подхода к источникам. В ходе работы применен историко-сравнительный метод, позволивший обнаружить аналогии (топосы) для северопричерноморской поэзии, совпадающие с топосами, использовавшимися известными греческими поэтами архаики, классики и эллинизма; риторические приемы в эпиграфических памятниках Херсонеса, перекликающиеся с приемами риторской прозы классических Афин. Историко-типологический метод позволил выявить иконографический тип гражданина-интеллектуала в скульптуре Северного Причерноморья. Иконологический анализ и историко-хронологический метод были привлечены для уточнения истории бытования портрета интеллектуала в Северном Причерноморье. При работе с сохранившимися нарративными и эпиграфическими источниками использовался герменевтический метод, позволивший интерпретировать исторические факты на основе филологических данных. Особенное внимание уделялось терминологическому и лексическому анализу текстов, что способствовало выявлению специфических характеристик интеллектуалов и интеллектуальной деятельности (определений и характеристик философа; описаний внешнего вида философа), а также позволило уточнить вопрос об уровне профессионализма северопонтийских авторов метрических и прозаических текстов.

Научная новизна работы состоит в том, что в ее рамках создана наиболее полная просопографическая база представителей интеллектуальных занятий в античных центрах Северного Причерноморья; установлены, дополнены и в ряде случаев уточнены основные черты биографий и особенностей творчества интеллектуалов-выходцев из городов Северного Понта; расширены и углублены представления о научной и практической деятельности интеллектуалов, представлена новая интерпретация их научных и философских взглядов;

выявлены общие для древнегреческой литературы топосы в северопричерноморских текстах; выделен и подробно рассмотрен иконографический тип интеллектуала в скульптуре Северного Причерноморья; этот тип сопоставлен с общегреческими нарративными и художественными памятниками. Региональные особенности интеллектуальной истории рассмотрены как составляющая общего для античного мира процесса развития культуры. Настоящее исследование вводит в широкий оборот малоиспользуемые источники (письменные и изобразительные) и способствует заполнению лакун, существующих в отечественной и мировой историографии.

Положения, выносимые на защиту.

1. В античных государствах Северного Причерноморья во все периоды их истории были известны интеллектуалы, являвшиеся гражданами этих государств или приезжими специалистами. Интеллектуалы способствовали сохранению и распространению греческого образования (пайдейи) и культурной идентичности в северопонтийских колониях.

2. Популярность греческой пайдейи привела к появлению типа изображения интеллектуала в литературе, скульптуре, живописи. Этот тип получил широкое распространение в эллинистическое и римское время. Он использовался не только в портретах философов, ученых и поэтов, но и в мемориальной скульптуре свободных граждан различных занятий, чтобы подчеркнуть образованность и любовь умершего к наукам. Боспорские и херсонесские надгробные стелы римского времени дают основание заключить, что тип портретного изображения интеллектуала приобрел широкую известность в Северном Причерноморье.

3. Определяющей для деятельности интеллектуалов греческих государств Северного Причерноморья являлась тесная связь с целым рядом античных центров культуры и образования. Первоначально эту связь обеспечивали метрополии, в классический и эллинистический периоды – Афины и образовательные центры Малой Азии. Начиная с I в. до н. э. обнаруживается влияние Рима.

Практическое значение диссертационного исследования. Материалы данного исследования могут быть использованы в учебно-методической работе при разработке учебных курсов для образовательных программ средней и высшей школы (по специальностям «История», «Философия», «Культурология», «Филология»); при составлении учебных пособий. Они могут быть полезны в работе сотрудников музеев, экскурсоводов, краеведов, популяризаторов истории Крыма, а также для написания научных и научно-популярных работ, посвященных истории культуры античных государств Северного Причерноморья, а также античной науке и культуре в целом.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты работы были представлены на региональных, всероссийских и международных научных конференциях: VIII, XI, XIII Международных научных конференциях «Лазаревские чтения: Причерноморье. История, политика, география, культура» (г. Севастополь, 2010, 2013, 2015 гг.); III, IV Международных научно-практических конференциях «Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме» (г. Ялта, 2011, 2013 гг.); I Всероссийской научно-практической заочной конференции (г. Казань, 2015 г.); Международной научно-практической конференции «Археология и история Боспора» (г. Керчь, 2015 г.); II научной конференции профессорско-преподавательского состава аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь, 2015 г.); XII Международной научной конференции «Античный мир и современность» (г. Алматы, 2015 г.); Международной научной конференции «Источниковедение и историография истории Крыма (XV–XX вв.): проблемы и перспективы» (пгт. Коктебель, 2016 г.); III Международной конференции «Россия и Греция: Диалоги культур» (г. Петрозаводск, 2016 г.); Научной конференции «Ломоносовские чтения 2017 года» (г. Севастополь, 2017 г.); II Научно-практическом форуме «Лингвокультурные пролегомены: мифология, фольклор, религия» (г. Симферополь, 2017 г.); Всероссийской конференции «Клио и Логос: история и культурология в пространстве взаимодействия» (г. Симферополь – г. Алушта, 2017 г.); XXII,

XXIII, XXIV Международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (г. Москва, 2015, 2016, 2017 гг.); Международной научной конференции «Диалог двух культур Востока и Запада через призму единства и многообразия: древний мир, средневековье, новое и новейшее время» (г. Алматы, 2016, 2017 гг.).

Основные результаты диссертационного исследования отражены в 23 публикациях, 4 из которых опубликованы в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

1.1. Историография вопроса

Вопросы, касающиеся представителей интеллектуальной жизни в античных государствах Северного Причерноморья, исследуются на протяжении без малого двух столетий. При этом рассматриваются либо общие вопросы культуры и образования в северопонтийских колониях, либо сведения об отдельных интеллектуалах. Иногда к ним обращаются при характеристике общих или частных вопросов античной истории.

Для историографического обзора, который охватывает работы различных периодов и национальных научных школ, оптимально использовать проблемный подход. Применительно к теме исследования наиболее интересно освещение в историографии следующих проблем:

- культура, интеллектуальная жизнь в северопричерноморских колониях;
- биографии интеллектуалов античного Северного Причерноморья;
- иконография интеллектуалов в античном мире и, в частности, в северопонтийском регионе.

1. *Работы, посвященные истории, культуре, образованию и интеллектуальной жизни в северопричерноморских греческих колониях.* В задачи такого рода исследований не входило ни создание полного перечня лиц, которых можно рассматривать в качестве интеллектуалов, ни подробное исследование их биографий. Напротив, сведения о таких индивидуумах привлекались для создания более или менее полной картины культурной жизни колоний, персонификации деятельности различных античных институтов образования и ученого досуга. Исследователями высказывались две противоположные точки зрения об уровне развития культурной и интеллектуальной жизни в античном Северном Понте. По мнению одних, Северное Причерноморье – это окраина античной ойкумены, для нее характерен невысокий образовательный уровень, периферийный характер

культуры, прогрессирующая варваризация языка и различных сфер искусства. Талантливые поэты и мыслители здесь – исключение; это единицы, которые вынуждены были покидать родину, где не могли ни получить достойного образования, ни найти применения своим способностям [Латышев, 1887, с. 141–144, 182; Варнеке, 1916, с. 24; Варнеке, 1927, с. 28–29]. Другая точка зрения заключается в том, что античные города Северного Понта, хотя и не являлись общегреческими центрами культуры и науки, но поддерживали связь с такими центрами, приглашали к себе известных поэтов, музыкантов, архитекторов. В работах, где высказывается такая точка зрения, сообщения античных авторов о философах-выходцах из Северного Понта, сведения о местных поэтах, философах, авторах исторических и географических произведений привлекаются в качестве подтверждения довольно высокого уровня культурной жизни колоний далекой северной периферии античного мира [Стемпковский, 1828, с. 203–220; Ростовцев, 1925, с. 6, 81–93, 105, 111, 126, 140, 174; Каллистов, 1952, с. 83, 183; Шелов, 1956, с. 109, 139–141; Блаватский, 1964, с. 92–93, 111, 112, 193; Блаватский, 1985, с. 172–182; Кадеев, 1996, с.40, 106, 109, 116–122, с.187, с.194; Петрова, 2000и, с. 62–80; Молев, 2003, с. 336].

На сегодня наиболее полной обобщающей работой подобного рода является монография М. В. Скржинской «Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья» (2014 г.). В ней убедительно показаны как связь северопонтийских государств с общегреческими центрами культуры, так и в целом высокий уровень интереса к умственной жизни в колониях. Рассмотрена древнегреческая система образования, утвердившаяся и в Северном Причерноморье, приведены сведения о грамотности населения; занятия науками понимаются в качестве формы индивидуальной организации досуга (*σχολή*). Но подробное исследование биографий интеллектуалов Северного Причерноморья в задачи автора не входило. Ряд важных имен вовсе не упомянут. Сведения о некоторых лицах содержат неточности, которые не искажают масштабной картины северопонтийской культурной жизни, воссоздаваемой автором, но мешают пониманию частных биографических и просопографических вопросов

(например, об Эвклесе [Скржинская, 2014а, с. 45]). Что до наиболее известных лиц – Биона Борисфенита, Сфера Боспорского, Дифила Боспорского, то их биографии приводятся в самом общем виде. При этом источники использованы выборочно, ничего не сказано о спорном и зачастую противоречивом характере имеющихся в нашем распоряжении свидетельств. Так, о фрагменте из Диогена Лаэртского, посвященном Биону, говорится, что этот текст помещен в раздел с жизнеописаниями киников, в то время как Диоген рассказал о Бионе в перечне академиков [Скржинская, 2014а, с. 35]; тот факт, что ни один античный автор не называл Биона киником, является проблемой при рассмотрении его биографии и особенностей интеллектуального творчества. Отсутствует в работе М. В. Скржинской анализ особенностей учения, творческого наследия философов родом из Северного Причерноморья. Изложение некоторых сведений о философах-выходцах из античных колоний Северного Понта призвано лишь проиллюстрировать особенности древнегреческого философского и риторского образования. В работе рассматриваются также стихотворные надписи, но почти ничего не говорится об авторах этих текстов. Напротив, подробно рассмотрен вопрос авторства сочинения по истории Боспора, послужившего источником для Диодора Сицилийского. М. В. Скржинская высказала собственную оригинальную, но недостаточно аргументированную гипотезу, согласно которой текст Диодора восходит к сочинениям трех боспорских писателей, одним из них можно считать Сопеида, обучавшегося в Афинах в IV в. до н. э. [Скржинская, 2014а, с. 146–147]. В целом, в монографии довольно подробно рассмотрены явления интеллектуальной культуры, но лица, выступавшие проводниками этой культуры, представлены только в качестве примеров.

2. *Исследования, посвященные биографиям северопонтийских интеллектуалов.* Другое направление в историографии – реконструкция биографии и творчества отдельных интеллектуалов Северного Причерноморья. Наибольший исследовательский интерес вызвали те выходцы из северопонтийского региона, которые упомянуты в античных и средневековых письменных источниках.

Первой работой такого рода стала статья И. А. Стемпковского «Исторические изыскания о жизни и писаниях боспорянина Сфера, философа стоической секты», где приведены сведения из нарративных источников о Сфере Боспорском. Внимание акцентировано (как и в большинстве последующих работ) на участии Сфера в реформах спартанского царя Клеомена III [Стемпковский, 1828].

Анализ источников о Бионе Борисфените, Сфере Боспорском и Дифиле Боспорском представлен в статье Д. С. Спиридонова «Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли» [Спиридонов, 1918]. Автор предложил вариант довольно подробной реконструкции биографий и учений философов. Кроме того, использованный им просопографический подход вместе с яркими характеристиками философов показал необходимость и возможность исследования жизни и деятельности северопричерноморских интеллектуалов в качестве темы, имеющей самостоятельное значение. Современные русскоязычные исследователи, касаясь вопросов, связанных со Сфером или Бионом, так или иначе, руководствуются работой Д. С. Спиридонова [например: Верлинский, 1992; Петрова, 2000ж; Шевченко, 2016]. Однако следует отметить, что в ней рассмотрены далеко не все античные и средневековые источники по теме, порой допускаются довольно вольные трактовки фрагментов из сочинения Диогена Лаэртского; некоторые авторские оценки и интерпретации имеют, скорее, литературную, нежели научную ценность [например: Спиридонов, 1918, с. 196–197, 217].

Сообщения античных авторов о Сфере оказались востребованными для исследований по истории Ранней Стои [Целлер, 1996, с.176; Рассел, 1997, с. 190; Столяров, 1995, с. 227, 231; Столяров, 2010, с. 683]. Крупнейший исследователь стоической философии М. Поленц считал пример Сфера иллюстрацией основных тенденций раннестоической школы: интерес к теории познания, физике, проблемам государственного устройства [Поленц, 2015, с. 49–50, 356, 361]. Отдельно М. Поленц отмечал периферийное (и даже зачастую негреческое) происхождение первых философов Стои, в том числе Сфера Боспорского. Но

подробно исследователь на этом вопросе не останавливался, поскольку его интересовали не выходцы из регионов, где греки контактировали со скифским населением, а возможные семитские корни стоической философии [Поленц, 2011; Поленц, 2015, с. 42, 45–47, 60, 135–136, 140]. В связи с этим стоит заметить, что в литературе неоднократно высказывались предположения о варварском или смешанном происхождении Сфера [Стемпковский, 1828, с. 209; Спиридонов, 1918, с. 203], отмечалось его периферийное происхождение как условие, особенным образом повлиявшее на его деятельность [Варнеке, 1916, с. 22; Поленц, 2015, с. 352; Верлинский, 1992, с. 176–177; Шевченко, 2016, с. 178].

Особенное внимание уделялось в историографии вопросу участия Сфера в реформах спартанского царя Клеомена III, предпринимались попытки определить степень влияния философа на царя. В ряде работ высказана точка зрения, согласно которой участие Сфера являлось необходимым условием реформы, поскольку под видом возвращения к законам Ликурга в ней нашла воплощение стоическая идея идеального государства [Дройзен, 1995, с. 364; Латышев, 1887, с. 143–144; Michell, 1964, p. 323–326]. В реформах спартанского царя и даже в его расправе над эфорами видели отражение философской пропаганды стоиков [Васильевский, 1869, с. 139–140], усматривали тесную связь стоической идеи о равенстве всех людей и социальной направленности реформ [Макгаффи, Джилман, 2013, с. 174–175]. Высказывалось мнение, что философ при спартанском царе выполнял куда больше задач, нежели упомянутое в источниках воспитание молодежи: Сфер мог исполнять официальную должность педонома [Ollier, 1936, p. 565–566] или контролировать жизненный уклад взрослого населения Спарты [Поленц, 2011, с. 49–50]. В Сфере даже видели соавтора всех преобразований Клеомена. Л. Константакос назвал Сфера «греческим Геббельсом» – в том смысле, что он «выполнял роль министра пропаганды» [Konstantakos, 2013, p. 74–81]. Боспорскому философу приписывали решающую роль в формировании личности юного спартанского царя, а стоической апологии суицида – влияние на кончину Клеомена [Макгаффи, Джилман, 2013, с. 170–175, 184; Konstantakos, 2013, p. 74]. Еще более значительной роль Сфера в событиях

последних дней Клеомена III находил В. Д. Блаватский: в философе он видел зачинщика восстания, в результате которого плененный царь и его друзья погибли [Блаватский, 1964, с. 112]. О. К. Шевченко предложил «конспирологическую» версию, согласно которой участие Сфера в спартанских реформах было инспирировано заговором Птолемеев: стоического философа, состоявшего при Птолемее II, отправили в Спарту как «агента влияния», а реформы должны были превратить Спарту в силу, подконтрольную Египту и противостоявшую Македонии и Ахейскому союзу [Шевченко, 20164, с. 182]. Другие авторы считают, что сообщения Плутарха не позволяют судить ни о значимом влиянии Сфера на царя, ни о сколько-нибудь явном стоическом характере реформ, а в возвращении спартанцев к отеческим устоям видят исключительно их приверженность древним традициям и мечту о былой славе предков [Africa, 1959, p. 461–469; Тарн, 1949, с. 298–300; Верлинский, 1992, с.156–157; Дарвин, 2003, с. 171–190; Печатнова, 2011, с. 178–179; Печатнова, 2012, с. 71; Печатнова, 2013, с. 368].

Очевидно, что спустя столетие после выхода статьи Д. С. Спиридонова, новой комплексной реконструкции биографии Сфера так и не появилось.

Еще более обширен список работ, касающихся Биона Борисфенита [Лейбенсон, 2017ж]. В Бионе видят кинического философа или кинизирующего оратора, создателя литературного жанра диатрибы [Гомперц, 1912, с. 147; Нахов, 1982, с. 194–195; Анткин, 1996, с. 172–187; Лосев, 1969, с. 152; Целлер, 1996, с. 97; Тронский, 1988, с. 235–236; Burns, 2015, p. 9–15, 106; Desmond, 2008, p. 33–60; Navia, 1996, p. 4, 13, 23, 31, 146–147, 151–156, 159,187–189; Аверинцев, 2004, с. 319]. В таком качестве он представлен и в справочных изданиях, начиная с первой трети XIX в. по сегодняшний день [Baldwin, 1828; A Dict. of Greek and Rom. biogr.., 1867; A new dict. of Greek and Rom. biogr.., 1884; Брокгауз, 1891; Pierer's, 1857; Brockhaus, 1882; Meyers, 1905; Солопова, 2010]. Часто исследователи привлекали особенности философии Борисфенита для освещения различных вопросов античной культуры [например: Доддс, 2000, с. 158]. Поскольку Бион некоторое время пребывал при дворе Антигона Гоната, фигурой философа

заинтересовался В. Тарн, посвятивший раздел своей монографии о македонском царе участию причерноморского философа в философско-литературном кружке при дворе в Пелле; затем ученый упомянул Биона в своем исследовании об эллинистической цивилизации, где отметил значительное влияние Борисфенита на популяризацию философии [Tarn, 1913, p. 225–226, 233–239; Тарн, 1949, с. 294–296]. Сведения о Бионе привлекались для характеристики культуры Северного Причерноморья в эллинистическое время и социального устройства Ольвийского государства в III в. до н. э. [Латышев, 1887, с. 142–143, 182, 218, 284; Яйленко, 1988, с. 276; Яйленко, 1998, с. 121–122; Варнеке, 1916, с. 21–24; Блаватский, 1954, с. 31–56; Петрова, 2000и, с. 62–80].

На сегодня наиболее полным исследованием о Бионе Борисфените является работа шведского ученого Я. Ф. Кинстранда «Bion of Borysthenes» (1976 г.), издавшего все известные письменные источники о философе и предварившего издание статьей, в которой рассмотрены и систематизированы сведения о биографии, учении и стиле Биона. Я. Ф. Кинстранду принадлежит подробный историко-филологический разбор фрагментов сочинений античных авторов, посвященных Биону и содержащих собственно цитаты философа. Он наиболее подробно исследовал стиль бионовых речей – насколько это возможно по сохранившимся небольшим фрагментам [Kinstrand, 1976, p. 31–48]. Но некоторые выводы исследователя нельзя признать бесспорными: так, неубедительной выглядит мысль о принадлежности Биона к «классическому кинизму»; автор почти безусловно доверяет всем биографическим сообщениям о Бионе [Kinstrand, 1976, p. 67]. К сожалению, книга Кинстранда осталась практически неизвестной русскоязычным исследователям. Отдельные положения его работы приведены только в издании источников «Антология кинизма» и энциклопедической заметке о Бионе Борисфените [Анткин, 1996, с. 27–29; Брагинская, 2008, с. 204–207].

Объектом внимания исследователей стала вероятность варварского или смешанного происхождения Биона [Лейбенсон, 2016; Лейбенсон, 2016а; Лейбенсон, 2016б]. Его называли «скифским философом» в некоторых справочных изданиях XIX в. [Baldwin, 1828, p. 71; A Dict. of Greek and Rom.

biogr.., 1867, p. 489]. Позднее Биона считал скифом Л. Соро (1962–1963), но не аргументировал свой тезис и не был поддержан другими исследователями [Kinstrand, 1976, p. 8]. Д. С. Спиридонов объяснял нечистым, варварским произношением первые неудачи Биона в его философской карьере [Спиридонов, 1918, с. 196]. Негреческое происхождение философа было обстоятельно обосновано много позже. В. П. Яйленко считал родителей Биона выходцами из ойкетов ольвийской хоры, происходивших из туземного (скифского) или метисного (эллино-скифского) населения [Яйленко, 1998, с. 119–122]. Тезис о преимущественно варварском и метисном населении ольвийской хоры впоследствии был оспорен [например: Зубарь, Сон, 2007, с. 84, 124]. На недостаточность аргументов в пользу негреческого происхождения Биона специально указывал Я. Ф. Кинстранд [Kinstrand, 1976, p. 7].

Стоит отметить, что особенность историографической традиции о Бионе Борисфените, берущей начало в первой половине XIX в., заключается в том, что интерес исследователей к биографии и фрагментам сочинений Биона зачастую эмоционально окрашен. Немногие уроженцы греческих колоний Северного Понта получили в научной литературе столько ярких характеристик. Его называли «звездою первой величины в небольшой плеяде ольвийских философов и ученых» [Латышев, 1887, с. 142], «одним из самых непоследовательных философов», который «самой этой непоследовательностью приобрел богатейшую эрудицию, огромный опыт и непревзойденную мудрость» [Mullach, 1875, p. 420]; «авантюристом» с «растяжимой моральной личностью» [Спиридонов, 1918, с. 189]. Острый полемический стиль Биона сравнивали со стилем Вольтера и Ж.-Ж. Руссо [Спиридонов, 1918, с. 189; Kinstrand, 1976, p. 16]. Интерес к биографии Биона Борисфенита отразился даже в сочинениях жанра «фольк-хистори». Авторы последних видят в Борисфените греко-скифского или даже праславянского мудреца, аналог Анахарсиса [Шамбаров, 1999; Золин, 2003, с. 3–28].

Значительное число исследований посвящено поэту Исиллу, известному из эпидаврской надписи эллинистического времени, содержащей пеан Аполлону и

Асклепию. Уже в 1886 г., спустя год после находки надписи и первой публикации ее К. Каввадиасом, У. фон Виламовиц издал монографию с подробным разбором текста, а Ф. Ф. Соколов на основании сообщения Исилла о войне царя Филиппа со Спартой составил обобщающий очерк, посвященный военно-политической истории III в. до н. э. [Wilamowitz, 1886; Соколов, 1886].

Датировка эпидаврской надписи и, соответственно, времени жизни Исилла вызвала дискуссию. У. фон Виламовиц отнес надпись к началу III в. до н. э. по характеру шрифта. В таком случае Филиппом, грозившим захватить Спарту, оказывался Филипп II, действительно предпринявший поход на Спарту в 338 г. до н. э. [Wilamowitz, 1886, s. 3, 24, 30–31]. Этой же версии придерживался Б. Н. Граков, называя 338 г. до н. э. датой описанных Исиллом военных событий, а 280 г. до н. э. – датой записи пеана [Граков, 1939, с. 284–285]. Другая предполагаемая дата – время правления Филиппа V (221–179 гг. до н. э.), то есть почти на столетие позднее. Эта версия, высказанная Ф. Блассом, Ф. Ф. Соколовым и В. Диттенбергером, была поддержана С. А. Жебелевым. Ученый считал, что датировка надписи началом III в. до н. э. субъективна и обеспечивается только авторитетом У. Виламовица; на самом же деле текст пеана убедительно соотносится с сообщениями Полибия о событиях с 221 до 218 г. до н. э., а эпиграфические характеристики надписи не должны «обессиливать исторических соображений» [Жебелев, 1929; Соколов, 1886, с. 14–15; Толстой, 1940, с. 166–167]. Доклад С. А. Жебелева с обоснованием датировки пеана опубликован в 1929 г. Из переписки С. А. Жебелева с немецким филологом-классиком, редактором журнала «Philologus» А. Ремом известно, что советский ученый отправлял свою статью о времени составления пеана Исилла для публикации в «Philologus» еще в 1925 г. А. Рем статью отклонил, но С. А. Жебелев был удовлетворен тем, что У. фон Виламовиц лично ознакомился с его доводами: «ибо ясно, что теперь и он склонен допускать возможность, что в пеане говорится о Филиппе V» [Рубан, 2007, с. 221]. Но следует отметить, что Виламовиц так и не высказался в пользу предложенной С. А. Жебелевым версии, а первоначальная датировка надписи была принята большинством исследователей [Радциг, 1982, с. 389; Блаватская,

1983, с. 87; Ярхо, 1988, с. 194; Эллинские поэты, 1999, с. 504; Benedum, 1990, p. 212]. В некоторых работах приводятся обе датировки как равно возможные [The Encycl. Britannica, 1914, p. 887; Антология.., 2000, с. 495; Fantuzzi, 2010, p. 183].

Дискуссионным остается и вопрос о происхождении автора пеана, поскольку Исилл в начале надписи назван Эпидаврянином, но в тексте гимна приводится повествование о юноше с Боспора, получившем исцеление от Асклепия [см.: Лейбенсон, 2018]. У. фон Виламовиц считал родиной Исилла Эпидавр, ссылаясь на преимущественно дорийский диалект надписи. В Боспоре он видел некий населенный пункт эпидаврской хоры, не известный в других источниках [Wilamowitz, 1886, s. 19–20, 25–27]. Такую позицию разделили большинство исследователей античной истории и литературы [Ярхо, 1988, с. 181–198; Лосев, 1957, с. 291; Эллинские поэты.., 1999, с. 394–395; Соколов, 1886; Benedum, 1990; Sheppard, 2013]. Специалисты по истории и культуре Северного Причерноморья, напротив, преимущественно видели в Исилле выходца из Боспорского царства. Эти авторы указывали на то, что из всех известных античных Боспоров только один является населенным пунктом, а доризмы Исилла сочетаются с ионизмами, характерными для боспорян [Граков, 1939, с. 285–286; Штаерман, 1947, с. 51–67; Шелов, 1956, с. 140; Блаватский, 1984, с. 219; Петрова, 2000, с. 157; Скржинская, 2010, с. 291].

Надпись Исилла привлекали для изучения вопросов, имеющих отношение к мифу об Аполлоне и Асклепии [Лосев, 1957, с. 291; Афонасин, Афонасина, 2016; Грейвс, 1992, с. 135, 134–137], поэтической традиции эллинизма [Fantuzzi, 2010; Frangeskou, 1984, p. 26, 145, 154, 278; Sheppard, 2013], пропаганде первенства Эпидаврского святилища в общегреческом культе Аполлона и практики сакральной медицины [Benedum, 1990, s. 212; Эллинские поэты, 1999; Schultz, Wickkiser, 2000; Solin, 2013]. Что касается реконструкции биографии самого Исилла, то она была частично предпринята только Б. Н. Граковым. Большинство же авторов интересовали филологические и стилистические особенности надписи Исилла, а также тот материал, который дает надпись для восстановления и дополнения эпидаврской традиции об Асклепии.

Слабо представлены в научной литературе биографии интеллектуалов из Северного Причерноморья, упоминания о которых содержатся только в каком-то одном письменном источнике (Посидоний Ольвиополит, Дионисий Ольвианский, Дифил Боспорский), и тех, кто известен нам только из северопонтийских эпиграфических памятников (Смикр, Стратоник, Гекатей) [Лейбенсон, 2016а, с. 3–4]. Скудость сведений об этих интеллектуалах делает их объектом внимания почти исключительно исследователей истории и культуры античного Северного Причерноморья [Молев, Матукина, 2016, с. 63–64; Петрова, 2000в; Петрова, 2000г; Петрова, 2000д; Петрова, 2000е; Петрова, 2000и; Петрова, 2000и, с. 67; Русяева, Русяева, 2004, с. 91, 193; Шевченко, 2016, с. 177–178].

Из-за скудости сведений о Посидонии Ольвиополите в историографии даже возникла некоторая путаница. К. Мюллер в издании «Фрагментов греческих историков» (1941 г.) отождествил его с историком Посидонием, писавшем о битве при Пидне (168 г. до н. э.) и упомянутым Плутархом. Этот Посидоний называл себя участником событий и написал историю македонского царя Персея, потерпевшего поражение от римлян. Процитированные Плутархом фрагменты сочинений этого Посидония К. Мюллер атрибутировал и издал как фрагменты сочинений Посидония Ольвиополита (Plut. Aem. Paul. 19, 20) [Fragm. Hist. Grac., 1841, p. 142–143]. Уже В. В. Латышев отмечал, что нет убедительных доводов для приписывания Посидонию Ольвиополиту истории царя Персея [Латышев, 1887, с. 144]. Тем не менее отождествление двух Посидониев принял позднее Г. И. Соколов [Соколов, 1999, с. 150]. Но, несмотря на имя и занятие историописанием, общие для Посидония-придворного историка македонского царя и Посидония-выходца из Ольвии, их отождествление выглядит недостаточно аргументированным. Краевед В. С. Страшный отождествлял Посидония Ольвиополита с философом-стоиком Посидонием из Апамеи (ок. 135 – ок. 51 гг. до н. э.), представителем Средней Стои, на основании совпадения имен и факта написания обоими исторических трудов [Страшный, 1977]. Это связано с неточностью в статье из византийской энциклопедии «Суда», но, нужно отметить, что даже «Суда» передает разные этниконы двух Посидониев [Suidae, 1705, T. III,

р. 159; Столяров, 2011, с. 39; Столяров, 1995, с. 248; Столяров, 2010а, с. 291–292; Поленц, 2011, с. 444–450].

Фрагментарность источника стала причиной появления и двух различных взглядов на Дионисия Ольвианского: в нем видели географа [Блаватский, 1978; Николаев, 2014, с. 159], но также и поэта, отождествляя его с Дионисием Скитобрахионом [Яйленко, 1988, с. 276–277; Русяева, Русяева, 2004, с. 101].

Более обширна историография, посвященная херсонесскому историку Сириску и анонимным историкам Херсонеса и Боспора [Ростовцев, 1915; Ростовцев, 1925, с. 115–144; Струве, 1968; Блаватский, 1984; Блаватский, 1985; Петрова, 1998; Мельников, 2009; Скржинская, 2014б, с. 146–147, 158]. Первым исследователем, который выделил северопонтийские сюжеты у античных авторов эллинистического и римского времени и показал, что многие из них пользовались сочинениями собственно боспорских и херсонесских историков, был М. И. Ростовцев. Что касается боспорских сочинений, которые нашли отражение в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, это могли быть хронографический и панегирический труды, составленные к концу IV в. до н. э. Именно М. И. Ростовцев предположил, что античные авторы пользовались не оригинальным боспорским сочинением, но неким переработанным, компилятивным трудом. В качестве варианта такого переработанного сочинения М. И. Ростовцев называл утраченный труд эллинистического историка Дуриса Самосского. Большинство положений М. И. Ростовцева приняли более поздние исследователи. Примечательно, что выявляя северопонтийские сюжеты в античной литературе и устанавливая возможное передаточное сочинение, М. И. Ростовцев не затрагивал вопрос о личностях авторов боспорских и херсонесских сюжетов – за исключением херсонесского историка Сириска [Ростовцев, 1925, с. 126–144].

К личности автора боспорской истории, использованной Диодором Сицилийским, обратился В. В. Струве, назвавший этого анонимного автора «первым историком СССР». В. В. Струве считал, что тот не мог быть ни придворным историком, ни вовсе происходить из Боспорского царства, где при

«тираническом правлении… не могла зародиться независимая историческая мысль» [Струве, 1968, с. 188]. Скорее, автор истории Боспора должен быть жителем северопричерноморской колонии, но не боспорянином. По мнению В. В. Струве, этот историк родился в Таврике или был выходцем из купеческих кругов Самоса. Возможно, обосновался в Херсонесе как метек, но был связан и с боспорскими торговыми кругами. Историю Боспора этот анонимный автор написал для того, чтобы обосновать необходимость сотрудничества Херсонеса с Боспорским царством даже в тот непростой период, когда Боспор пережил братоубийственную войну и попал под власть тирана. При этом как на преступления, так и на благодеяния Евмела историк смотрел отстраненно, не причисляя себя к местным жителям. Если анонимный автор был самосцем, то становится ясно, как сюжеты боспорской истории дошли до Диодора: сочинение стало известно на его родине, попав к Дурису Самосскому, а от того – к Диодору Сицилийскому. Живя долгое время в Херсонесе, анонимный автор боспорской истории стал наставником историка Сириска и, возможно, родоначальником херсонесской исторической школы. При этом подобной школы на Боспоре, как полагал В. В. Струве, так никогда и не возникло [Струве, 1968, с. 189–197]. Необходимо отметить, что версия В. В. Струве, в целом, не была поддержана исследователями [Шелов, 1986, с. 36–42], за исключением Б. Надэля, для которого важным было показать долговременность херсонесской историографической традиции [Nadel, 1977, p. 88].

Наконец, делались попытки определить идеологические и философские предпочтения анонимного историка Боспора: в нем видели как скептически настроенного автора, так и человека, склонного к вере в судьбу и прорицания, возможно, стоика [Блаватский, 1985, с. 206–207; Молев, Матукина, 2016, с. 67]. Необходимо отметить, что, несмотря на довольно высокий интерес исследователей к боспорскому историку, нельзя говорить об окончательном решении вопроса о его личности в историографии.

Херсонесскому историку III в. до н. э. Сириску, его социальному статусу и особенностям творчества отдельный очерк посвятил М. И. Ростовцев [Ростовцев,

1915, с. 153]. Он высказал предположение, что в труде херсонесского историка мог содержаться рассказ о сарматской царице и союзнице херсонеситов Амаге, который позднее был воспринят эллинистическим историком Филархом и через Филарха (чье сочинение не сохранилось до нашего времени) – Полиеном [Ростовцев, 1925, с. 137–139]. В дальнейшем исследователей интересовали родственные связи Сириска, его гипотетическая принадлежность к аристократической верхушке города и особенности творчества [Даниленко, 1966; Струве, 1968; Петрова, 1998; Соломоник, 2000; Туровский, 2016]. Декрет в честь Сириска привлекали для исследования вопроса о награждении историков в эллинистическое время [Фролов, 2005; Фролов, 2006; Скржинская, 2014, Скржинская, 2015].

Еще один важный историографический сюжет связан с автором (авторами) истории взаимоотношений Херсонеса и Боспора в I в. до н. э. – IV в. н. э., вошедшего в сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей» и выделенного в главу «Повесть о крепости Херсон» (De admin. imp. 53). Исследователей, в первую очередь, интересовал вопрос о подлинности этих сюжетов, высказывались и предположения относительно их авторства. Обилие топографических описаний и наличие этиологических легенд интерпретировались как подтверждение существования локальной херсонесской историографической традиции [Харматта, 1967; Nadel, 1977; Фролова, 1984; Айбабин, 1999, с. 47–48; Ярцев, 2010]. Борьбу своих сограждан против Боспора (кон. I в. до н. э.; III – IV вв. н. э.) автор текста описал в V в. (такая же позиция – у Я. Харматта, Ю. А. Виноградова) или в VI в. (по мнению Б. Надэля, Л. И. Грацианской). Ю. А. Виноградов отмечал, что автор херсонесских сюжетов имел в своем распоряжении, по меньшей мере, три ранних источника, достаточно близких ко времени описанных событий. Эти источники позднеантичный автор подверг литературной обработке и снабдил именами из местных, херсонесских эпиграфических источников. Все это понадобилось ему для придания достоверности рассказу, составленному из разновременных частей. М. В. Скржинская обратила внимание на достаточно высокую образованность автора

текста, составившего основную часть «Повести о крепости Херсон», и владение им разговорной латынью [Харматта, 1967, с. 204–208; Nadel, 1977, p. 98; Грацианская, 2009, с. 106–107; Виноградов, 2010, с. 154–155; Виноградов, 2013, с. 52–53; Скржинская, 2014а, с. 366]. Впрочем, есть мнение, что беллетризация херсонесского материала была произведена уже в X в.; это, однако, не отрицает наличия местных хроник, составленных спустя недолгое время после событий III–IV вв. [Ярцев, 2010; Ярцев, 2016, с. 269].

Следует отметить также биографический справочник «Греки в истории Крыма» (2000), в котором содержатся очерки о значительном количестве интеллектуалов античных северопонтийских городов. Это первая и единственная работа такого рода. Однако приведенные в ней сведения кратки и касаются только жителей античных колоний Крыма, а не всего Северного Причерноморья.

3. *Работы, посвященные иконографии интеллектуала в античном* искусстве. В скульптуре, живописи позднеэллинистического и римского времени были широко распространены скульптурные изображения мужчин в ораторской позе со свитками в руках. Изображения, происходящие из Греции, Малой Азии и Рима, получили подробное освещение в работах П. Занкера, где были трактованы как изображение интеллектуала (настоящего или мнимого) [Zanker, 1994; Zanker, 1995].

В тоже время, лишь немногие северопричерноморские памятники такого типа получили соответствующую интерпретацию. Г. И. Соколов в описании статуи пантикапейца I в. н. э. (Прил. I. Табл. 4. № 2) указал, что поза изображенного характерна для статуй поэтов, актеров, философов [Соколов, 1972, с. 127]. Э. И. Соломоник в комментарии к изданию херсонесской стелы Афинея, сына Аполлонида, заметила, что свиток может указывать на ученость погребенного [КЛХ, № 96, с. 94], сравнила стелу Афинея с боспорскими стелами Стратоника и Саббиона и высказала предположение о распространении иконографического типа в Северном Причерноморье из Малой Азии и, возможно, Нижней Мезии [НЭПХ, 1973, с. 205–207]. Авторы коллективной монографии «Херсонес Таврический в I в. до н. э. – VI в. н. э.» связывали херсонесские

рельефы первых вв. н. э. со скульптурным «типом Эсхина» и указывали, что такие рельефы подчеркивали хорошее образование усопшего [ХТ, 2004, с. 314–315, 460]. М. В. Скржинская отметила, что в Северном Причерноморье, как и в известных античных центрах, изображали «ораторов, философов, политических деятелей и писателей» с такими атрибутами, как папирусный свиток в руках, связка свитков или корзина для свитков у ног [Скржинская, 2014а, с. 41; Скржинская, 2016, с. 17–18]. Эти изображения она сравнивала со скульптурным «типом Демосфена» [Скржинская, 2014а, с. 41, 81]. Наиболее подробно анализа удостоились боспорские рельефы, однако ученых интересовали, прежде всего, их композиционные решения [Иванова, 1961, с. 126; Матковская, 1983, с. 116–117; Матковская, 2000; Босп. надгр., 2009]. Т. А. Матковская выделила рельефное изображение мужской фигуры в ораторской позе в качестве простейшей, изначальной схемы построения боспорского рельефа; ценно также замечание о том, что стоящая фигура на рельефе повторяет тип круглой скульптуры, и предположение, что такие рельефы являются изображениями палестритов [Матковская, 1983, с. 116; Матковская, 2000, с. 61]. Но отождествление всех подобных фигур с палестритами не может объяснить ни появления свитка в руках у некоторых из них, ни аналогичного одеяния и позы на других типах памятников, например, с парным мужским и женским портретом (Прил. I. Табл. 1. № 3–5, Табл. 4. № 17, Табл. 5. № 4, 9). Тем не менее здесь можно усмотреть связь между посещением палестры и интеллектуальными занятиями свободного человека. Е. М. Алексеева иначе интерпретирует появление свитков в руках мужских фигур на рельефах надгробий, происходящих из Азиатского Боспора: она видит в них матримониальный символ [Алексеева, 2016, с. 57; Алексеева, Галут, Мельникова, Хачатурова, 2010, с. 121]. Такая интерпретация выглядит логичной, но, как будет показано (Гл. 6), не способствует пониманию скульптурной композиции.

Таким образом, в научной литературе можно найти упоминания о схожести отдельных скульптурных изображений из Северного Причерноморья (у М. В. Скржинской, например, их только пять) с известными античными памятниками,

представляющими интеллектуалов. Но отсутствует типология таких изображений, происходящих из античных государств Северного Причерноморья, не рассматривались ранее и вопросы об источниках и аналогах такого рода скульптуры в Херсонесе и на Боспоре, о времени и причинах их бытования и широкого распространения.

1.2. Обзор источников

Сведения об интеллектуалах античного Северного Причерноморья содержат несколько типов источников.

Памятники письменности, среди которых важнейшее место занимают свидетельства античных и средневековых авторов об отдельных интеллектуалах-выходцах из городов Северного Причерноморья: Бионе Борисфените, Сфере Боспорском, Дифиле Боспорском, Посидонии Ольвиополите, Дионисии Ольвианском.

Значительное количество авторов излагает отрывочные сведения о Бионе Борисфените или цитирует его труды. Пространные цитаты из речей и, возможно, сочинений Биона содержатся в диатрибах Телета Мегарского, кинизирующего писателя III в. до н. э., вероятно, бывшего слушателем Борисфенита (диатрибы Телета сохранились в «Антологии» Иоанна Стобея, автора V в. н. э.). Еще одно упоминание о Бионе, принадлежащее современнику, имеется в сочинении «О философии» Полистрата (III в. до н. э.) (Polystr. De philos. Pap. Herc. 1520 col. 4. 3–7 = Kinstrand, 1976, T27). Разрозненные цитаты из Биона содержат произведения греческих и латинских авторов эллинистического и римского времени: Деметрия Лакона (Pap. Herc. 1055. 18. 1–13; 22. 1–12), Цицерона (Tusc. disp. III. 26), Горация (Epist. II. 2. 60) и комментария Порфирия к письму Горация (Schol. ad Epist. II. 2. 60), Филодема Гадарского (De ira. 1. 12–20), Сенеки (De tranquil. anim. 15. 4), Теона Ритора (De gymnast. 5), анонимного Перечня академических философов

(Pap. Herc. 1021. 16. 30–38), Диона Хризостома (Or. LXVI. 26). Важно сообщение Страбона, который цитировал несохранившийся фрагмент из сочинения Эратосфена и добавил, что эллинистический географ знал Биона лично. Замечание Страбона о Бионе проливает свет на достаточно комплиментарное отношение к этому философу в эллинистическое время (Strab. I. 2. 2, X. 5. 6).

Наибольшее количество цитат Биона обнаруживается в сочинениях Плутарха, возможно, читавшего не только сборники изречений, но и сами речи Борисфенита. Можно выявить отношение Плутарха к Биону и его творчеству. Для Плутарха, философа-моралиста римской эпохи, Бион – авторитетный софист, мнения которого не всегда справедливы, но к которым можно обратиться при необходимости. Плутарх лишь дважды высказался в том духе, что Бион излишне откровенен и бестактен (Amat. 24. 770B; De ser. numin. vind. 19. 561c), в основном же хвалил его за остроумие и по большей части с ним соглашался. Плутарх находился в оппозиции к Биону разве что в отношении «дел божественных»: Борисфенит высмеивал веру в воздаяние детям за грехи отцов, а Плутарх считал эту веру справедливой и полезной (Quomod. adul. ab amic. intern. 16. 59A). При этом Плутарх не видел в Бионе безбожника (в отличие от позднейшего замечания Гесихия Милетского) и был согласен с насмешками Биона над суеверными людьми (De superstit. 7. 168D).

В «Пире мудрецов» Афинея (III в. н. э.) герои говорят о Бионе со ссылкой на утраченные труды Гегесандра и Никия Никейского, написавшего «Преемства философов» (Athen. IV. 162d, VIII. 344a, X. 421), что подтверждает популярность Биона в литературе эллинистического и раннеримского времени. Два кратких упоминания о Бионе содержат его цитату и факт биографии философа. Если цитата, приведенная Афинеем, вполне в духе других известных высказываний Биона, то биографическое сообщение несколько противоречит версии, переданной Диогеном Лаэртским.

Наиболее пространный сохранившийся текст о Бионе – посвященный ему раздел в IV книге Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (III в. н. э.). В ней рассказывается о философах

Академии после Платона (начиная с его преемника Спевсиппа). Таким образом, Бион оказывается академиком, хотя Диоген привел перечень разных школ, в которых тот учился, и отметил, что Борисфенит быстро покинул Академию. Повествование Диогена Лаэртского не отличается хронологической точностью, но содержит цитаты из трудов Биона, историю о пребывании философа у царя Антигона Гоната, рассказ об отношениях Биона с другими философами. За этими сведениями, по всей вероятности, стояла школьная традиция (можно предположить, что и академическая), но фрагментарная. Диоген был неприятно впечатлен тем, что ему удалось из собранных источников узнать о Бионе, поэтому он составил саркастическую эпитафию на смерть философа; эта эпитафия не добавила никаких дополнительных сведений к биографии и учению Борисфенита, но повлияла на дальнейшую литературную традицию (Diog. Laert. IV. 7. 55–57).

Краткие упоминания о Бионе и цитаты из его сочинений сохранились у авторов поздней античности и средневековья: Евсевия Кесарийского (Praep. Evang. 14. 6. 6), Григория Богослова (De invid. 13), Олимпиадора (Comment. Phaed. Plat. P. 126, 177 – Finckh), уже упомянутого Иоанна Стобея (Antol. II. 1. 20, II. 31. 97, III. 2. 28, III. 4. 52, III. 1. 98, III. 4. 87, III. 40. 8, IV. 5. 23, IV. 19. 42, IV. 21b.23, IV. 29a.13, IV. 31a.33, IV. 33. 31), Феодорита Кирского (Graec. affect. curat. VI. 12. 19), в словаре, приписываемом императрице Евдокии Августе (Viol. 235), у Гесихия Милетского (De vir. illustr.13), Максима Исповедника (Loc. commun. 12, 54; 54, 62), в Парижском гномологии (242, 320), Парижском греческом кодексе (1168), Ватиканском гномологии (156–159, 161–163), у Иоанна Дамаскина (Excerp. Flor. 2. 13. 97), в энциклопедии «Суда» (s. v. *ἀγκών, καθιππάζεσθαι, σύμβολον*), у Антония Мелисского (Loc. commun. 64), Арсения Монемвасийского (Violet., p. 116, 149, 150 – Waltz). Обращает на себя внимание использование цитат из Биона апологетами и Отцами Церкви. Те из них, кто приводил цитаты из сочинений Биона, занимали «позицию примирения» по отношению к языческому наследию, поэтому цитировали многих поэтов и философов языческой эпохи, порой даже чаще, чем библейские тексты [Бриссон, 2008, с. 772–820]. При этом цитирование языческого автора направлено на утверждение ложности эллинских

богов и правоты христиан [Лейбенсон, 2017б]. Так, Климент Александрийский в «Строматах» и в «Протрептике», в разделе «О почитании материи», приводит выдержки из Биона, которые призваны высмеять языческие суеверия и поклонение материи (Clem. Alex. Strom., VII. 4. 24, Protr. IV. 56.1). Максим Исповедник в «Общих местах» цитирует Биона наряду с изречениями из новозаветных и ветхозаветных текстов (например: Иов. 20:15, Матф. 19:24, 1 Тим. 6:17), богословов (Иоанна Хризостома, Григория Нисского), но преимущественно – античных философов и поэтов (Maxim. Confess. Loc. commun. 12. 54, 54, 62).

В средневековых сборниках «Парижский гномологий», «Ватиканский гномологий» содержатся «апофтегмы» и «хрии» Биона – остроумные высказывания на какую-либо тему. Их характер свидетельствует о том, что авторы пользовались не оригинальными трудами Биона, а сборниками цитат. Византийская энциклопедия «Суда» (X в.) не содержит специальной статьи о Бионе, но трижды упоминает его в других статьях, приводит фрагменты из Диогена Лаэртского [Suidae, 1705, T. I, p. 29, T. II, p. 224, T. III, p. 396]. Статья о Бионе помещена (очевидно, безо всякой системы, рядом с текстами о пифагорейцах и Бианте) и в историко-мифологическом словаре, приписываемым императрице Евдокии Августе, но состоит в основном из компиляции текста Диогена Лаэртского [Kinstrand, 1976, T2B, T7B].

Поскольку античные и тем более средневековые авторы пользовались не трудами самого Биона или записями его учеников, а сборниками речений (*ἀποφθέγματα*), некоторые цитаты приписывались сразу нескольким авторам, например, одновременно Биону и Антисфену, Биону и Диогену Синопскому (Plut. De liber. educ. 10. 7c; Diog. Laert. II. 8. 79, IV. 7. 48, VI. 1. 3, VI. 2. 40; Stob. Ant. 4. 109–11; Gnomol. Vatic. 156). Эта особенность затрудняет работу с источниками, но показывает, что изречения Биона поздними писателями воспринимались в русле кинической философии.

На основании всех известных свидетельств можно выделить три античные литературные традиции о Бионе. Комплиментарная традиция восходит непосредственно к современникам Биона, в частности, к Телету Мегарскому; она

отразилась в сочинениях Эратосфена и Плутарха. Школьная традиция апофтегм (возможно, связанная с предыдущей) заключалась в составлении сборников наиболее удачных и известных цитат Биона. Ранние сборники выявить не удалось, но очевидно, что ими пользовались Цицерон, Сенека, Плутарх, Дион Хризостом, Афиней, авторы христианской апологетики и патристики. Наконец, существовала негативистская традиция, которая может восходить к современнику Биона эпикурейцу Полистрату. В несправедливой критике Биона и распространении памфлетов иногда подозревали стоиков Персея и Филонида [Спиридонов, 1918, с. 192], но текстов, которые можно связать со стоической критикой Биона, не обнаруживается. Негативистская традиция отражена у Афинея и Диогена Лаэртского, возможно, у Горация и Гесихия Милетского. Текст Диогена при этом включил в себя все три традиции, но сам автор поддерживал негативистскую.

Фрагменты сочинений античных и средневековых авторов, содержащих сведения о Бионе, неоднократно издавались. Первые научные издания появились в начале XIX в. [Op. graec. vet., 1819, p. 410–411, 1821, p. 174–184; Fragm. Bion. Bor., 1830]. Более полная подборка Э. Муллаха (1875) [Fragm. philos. graec., 1875, p. 419–421] послужила основой для работы Я. Ф. Кинстранда: столетие спустя он добавил к источникам Муллаха еще нескольких авторов и опубликовал все известные на сегодня источники о Бионе Борисфените [Kinstrand, 1976, s. 103–130]. Часть источников, опубликованных Кинстрандом, переведена на русский язык И. М. Наховым и издана в «Антологии кинизма» (1996 г.) [Анткин, 1996, с. 88–92, 172–180]. Принцип расположения цитат из Биона (по темам: «О богатстве»; «О смерти» и т. д.) И. М. Нахов сохранил. Но недостатком русского издания стало то, что в него вошли далеко не все источники, из-за чего сложно определить, какие цитаты из трудов Биона и в каком виде повторялись у различных авторов.

О Сфере Боспорском упоминал только один современник – поэт Керкид из Мегалополя (III в. до н. э.), фрагмент его «Мелиямбов» сохранился в рукописи II в. н. э. из Оксиринха (Cercid. POXy 1082. Pl. II. Fr. 5) [The Ox. pap.,1911, p. 20–25,

41; Спиридонов, 1918, с. 225; Варнеке, 1916, с. 22]. Цицерон, опираясь на стоическую школьную традицию, в полном виде не сохранившуюся, привел несколько определений, данных Сфером понятию «мужество», и отметил, что стоики считали этого философа искусным в определениях (Cic. Tusc. Disc. IV. 53). Сведения о политической деятельности Сфера в Спарте, его влиянии на царя Клеомена III содержатся у Плутарха в разделе «Параллельных жизнеописаний», посвященном жизни спартанских царей-реформаторов Агиса и Клеомена (Plut. Lic. 5; Plut. Cleom. 22–23). Об учении Сфера (кроме того факта, что он был стоиком) Плутарх ничего не сообщает. Сложность заключается также в том, что демотикон Сфера у Плутарха (Борисфенит) расходится с его демотиконом у Диогена Лаэртского (Боспорянин). Важно замечание доксографа Аэтия, который передает мнение Сфера о природе зрения и приводит цитату из его физического сочинения (Aet. IV. 15. 1. 2). Рассказ о философских взглядах Сфера и его пребывании при царе Птолемее приведен Диогеном Лаэртским, поместившим жизнеописание Сфера в раздел о стоиках и представившим его выдающимся учеником Зенона Китийского, основателя школы (Diog. Laert. VII, 1, 38; 1, 139; 6, 177–178). Диоген перечислил названия тридцати двух трудов Сфера и привел его цитату из трактата «О семени». Эпизод о пребывании Сфера в Александрии сохранился у Афинея; кроме того, Афиней процитировал фрагмент из сочинения Сфера «Спартанское государственное устройство» (Athen. VIII. 354e, IV. 141c–d). Возможно, к Сферу относится замечание Павсания о том, что в Спарте Гераклу приносят жертвы сфереи – юноши, прошедшие эфебию (Paus. III. 14. 6). Но однозначно утверждать, что возрастной союз получил свое название по имени философа, конечно, нельзя.

В сообщениях авторов первых вв. н. э., по-видимому, отражены три различных источника о Сфере. Один из них содержал рассказ о политической деятельности Сфера и был заимствован Плутархом. Этот источник, возможно, содержал неточность в демотиконе (Борисфенит). Однако выяснить, какое именно сочинение лежало в основе рассказа Плутарха о Сфере, например, связать его с трудом историка Филарха, не представляется возможным. Другой источник,

использованный Цицероном и Диогеном Лаэртским, относится к школьной традиции, которая включала в себя биографию и библиографию философа, а также диалоги, содержащие удачные ответы Сфера царю. Этот источник по неясной причине, скорее всего, не содержит указаний на участие Сфера в спартанских реформах. Наконец, возможным третьим источником были сборники цитат известных философов, в которые вошли наиболее известные изречения Сфера (например, его определения).

Показательно, что имя Сфера (в отличие от Биона) в средние века уже оказалось забытым. Энциклопедия «Суда» в статье «*ἔυλογον ἀξίωμα*» передает беседу анонимного Философа с царем Птолемеем; текст практически дословно повторяет фрагмент из сообщения Диогена Лаэртского о придворных беседах Сфера. Скорее всего, верно предположение Д. С. Спиридонова о появлении этого текста в «Суде»: при переписывании отрывка из Диогена Лаэртского имя *Σφαῖρος*, уже ничего не говорящее переписчикам, было ошибочно заменено на «*σοφός*», после чего стало собирательным «*Φιλόσοφος*» [Suidae, 1705, T. I, p. 895; Спиридонов, 1918, с. 218–219].

Все сведения, которые сообщали о Сфере античные авторы, кроме фрагмента из «Мелиямбов», изданы Х. фон Арнимом в «Stoicorum Veterum Fragmenta» [SVF, p. 139–142, fr. 620–630]. Но сообщения Керкида в этом собрании нет, так как папирус с фрагментом стихов кинизирующего поэта обнаружен позднее первого издания фон Арнима (1903–1905 гг.), в 1906 г. [The Ox. pap., 1911, p. 20]. Не вошло в сборник и спорное упоминание Павсания о сфереях. Также это издание не содержит указания на статью из «Суды». «Фрагменты ранних стоиков» переведены и на русский язык, собрание текстов в этом издании идентично собранию Х. фон Арнима [Фрагм. ран. стоик., 2002, с. 209–213, фр. 620–630].

Некоторые интеллектуалы Северного Причерноморья известны только по единственному краткому упоминанию в том или ином письменном источнике: о Дифиле Боспорском сохранилось сообщение у Диогена Лаэртского; о Посидонии Ольвиополите сообщает лишь «Суда»; о Дионисии Ольвианском – единственный

схолиаст к поэме «Аргонавтика» Аполлония Родосского, автора III в. до н. э. (Diog. Laert. II. 11. 113–114; ad Apoll. Rhod. II, 658, 659) [Suidae, 1705, T. III, p. 159]. При этом в заметке о Посидонии Ольвиополите в словаре «Суда» содержится неточность, приведшая к смешению историка Посидония из Ольвии и знаменитого представителя Средней Стои (что вызвало отмеченную выше путаницу в историографии). Сочинение «Об Океане» написал стоик Посидоний, но средневековые составители словаря приписали этот труд Посидонию Ольвиополиту. Напротив, в статье о Посидонии из Апамеи, стоике, «Суда» не перечисляет названия его сочинений, указано только то, что «он написал много». В свою очередь труд Посидония-стоика приписан Посидонию Александрийскому (тоже стоику, ученику Диогена Лаэртского) [Столяров, 2011, с. 39, прим. 5; Suidae, 1705, T. III, p. 159]. По всей видимости, уже в поздней античности плохо различали нескольких известных Посидониев.

Из сочинений античных и средневековых авторов известно о местной северопричерноморской историографической традиции, в частности, на Боспоре и в Херсонесе (Polyaen. V. 23, 44, VI. 9. 1–4, VII. 37, VIII. 55, 56; Diod. Sic. XII. 31. 1, XIV. 93. 1, XVI. 31. 6; 52. 10, XX. 22–26; Strab. II. 1. 16, XI. 2. 7; Ovid. Ib. 309–310; Luc. Tox. 44–55, Macrob. 13; Aelian. VI. 13; Const. Porphyr. De administr. imp. 53. 1–492). Важно также сообщение Диона Хризостома о высоком интересе ольвиополитов к философии и поэзии в конце I в. н. э. Дион свидетельствует и о том, что в Ольвии послегетского времени творили поэты, писавшие в стиле гомеровского эпоса (Dion. Chrys. Or. XXXVI. 10).

К письменным источникам по исследуемой теме следует отнести сочинения греческих и римских авторов философского, научного, риторического, биографического и эпистолярного характера, в которых сообщается об особенностях деятельности, образа жизни интеллектуала (прежде всего, философа). Это труды, не имеющие прямого отношения к истории Северного Причерноморья, не менее ценны для реконструкции мировоззрения и деятельности интеллектуалов в рассматриваемом регионе. Идейные установки, согласно которым мыслитель отличается от обывателя, становится равным

божеству и обретает подлинное бессмертие в своих сочинениях, были известны в северопонтийских колониях. Поэтому в рамках исследования биографий и деятельности интеллектуалов античных северопричерноморских колоний важны дошедшие до нас труды, содержащие эти установки. Следует заметить, что список таких сочинений достаточно обширен, хронологически он охватывает период с конца V в. н. э. до IV в. н. э. Наиболее важные свидетельства – диалоги Платона, трактаты Аристотеля и Цицерона, этические сочинения Плутарха, речи Лукиана и Диона Хризостома, биографические очерки Диогена Лаэртского. Такие сочинения содержат не только идеи о высоком статусе интеллектуала, обязывающем его вести особенный образ жизни, но и описание внешнего вида, благодаря которому можно узнать философа или представителя «свободных искусств». Ранние сообщения такого рода содержатся в диалогах Платона (Symp. 219b–c; Prot. 335d); наибольшее количество описаний внешнего вида философа относится к I–II вв. н. э. (у Лукиана, Диона Хризостома, Тертуллиана, Иустина Философа), что совпадает с распространением в различных центрах античного мира скульптуры, изображающей мыслителя. Сопоставление словесного описания со скульптурным портретом выявляет ряд совпадений.

В качестве письменных источников следует выделить также сообщения об истории и учении Академии и Ликея, мегарской, кинической, киренской, стоической, эмпирической школ (фрагментарные, но ценные сведения находим в сочинениях Плутарха, Цицерона, Лукиана, Галена, Авла Корнелия Цельса, Секста Эмпирика, Клавдия Элиана, Диогена Лаэртского, Афинея, Стобея). Необходимость в привлечении этого круга источников вызвана принадлежностью некоторых северопонтийских интеллектуалов к указанным школам. Эта часть литературной традиции позволяет точнее интерпретировать и существенно дополнить довольно скудные и отрывочные сведения о северопричерноморских интеллектуалах и их деятельности. Значительный потенциал видится в сопоставлении фрагментов сочинений (где это возможно) выходцев из Ольвии и Боспора с полностью сохранившимися философскими или биографическими сочинениями или пространными извлечениями из них.

Также среди письменных источников, имеющих отношение к избранной теме, следует отметить широкий круг поэтических произведений античных авторов – от эпоса и архаической поэзии до эллинистических эпиграмм различных авторов, сохранившихся в «Палатинской (Греческой) антологии» X в. Привлечение этих текстов дает возможность выявить в северопричерноморских метрических сочинениях наиболее распространенные топосы, характерные для древнегреческой поэзии в целом.

Вторая группа источников – *вещественные памятники*. Это изделия коропластики и металлические статуэтки, сосуды с изображениями актеров, музыкантов – свидетельства деятельности общегреческих культурных институций на Северном Понте. Отметим также медицинские инструменты, происходящие из Ольвии, Херсонеса, городов и некрополей Европейского и Азиатского Боспора (V в. до н. э. – III в. н. э.) [Финогенова, 1967; Соломоник, Антонова, 1974; Хомчик, 2000; Харалдина, Новичихин, 2000, с. 70–71; Мир. насл. Европ. Босп., 2016].

Третья группа источников – *эпиграфические памятники*, найденные в Северном Причерноморье или за его пределами. Некоторые надписи официального и частного характера сообщают имена лиц, занимавшихся интеллектуальным творчеством. В херсонесском декрете III в. до н. э. речь идет о награждении Сириска, сына Гераклида, за то, что он написал исторический труд; в эпитафиях на херсонесских и боспорских надгробных стелах вместе с именем погребенного указан род его занятий или отмечена его мудрость (IV в. до н. э. – II в. н. э.). Список имен авторов различных литературных произведений содержится в херсонесском списке победителей мусического агона (II в. н. э.), хотя из сохранившейся части надежно читается только имя Марка, сочинителя энкомиев. Не менее ценны анонимные надписи частного и официального характера, посвящения, образцы документальной, исторической и ораторской прозы. Они не называют своих авторов, но сами являются продуктами творчества местных поэтов, историков, ораторов. По таким надписям можно судить о мастерстве авторов, круге их чтения. Среди наиболее важных документов такого рода – Присяга граждан Херсонеса (начало III в. до н. э.), херсонесский декрет в честь

полководца Диофанта (II в. до н. э.), ольвийские декреты в честь Протогена и Никерата (III – II вв. до н. э.), энкомий в честь боспорского полководца (I в. н. э.). Это пространные тексты, свидетельствующие о высокой образованности и собственном литературном творчестве их составителей.

Важное значение имеют метрические надписи, известные в Северном Причерноморье с рубежа VII–VI вв. до н. э. Наиболее ранние из них – березанские и ольвийские частные надписи, небольшие тексты на столовой посуде. Не являясь образцами высокой поэзии, они, однако, свидетельствуют об ионийской образованности составивших их колонистов, о знании ими поэтической традиции. В классический период среди метрических текстов появляются эпитафии. Традиция поэтической эпитафии сохранялась в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре вплоть до III в. н. э. и отразила важнейшие черты деятельности профессиональных поэтов, аматоров, а также философские и литературные интересы авторов и заказчиков таких эпитафий. Ценные сведения о поэтах Боспора, Ольвии и Херсонесе дают также посвятительные метрические надписи и гимны богам Гермесу (II в. н. э.) и Ахиллу (III в. н. э.). Кроме надписей, происходящих из северопонтийского региона, важнейшим источником является текст на эллинистической (III в. до н. э.) стеле из Эпидавра. Она называет имя автора – Исилл (Эпидаврянин, он же «юноша с Боспора»), одновременно содержит пеан Асклепию и Аполлону за авторством Исилла, автобиографический сюжет, сообщения о политической деятельности Исилла.

Наиболее важные из рассматриваемых эпиграфических памятников содержатся в издании «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini grecae et latinae» (1916, IosPE. I²) и других работах В. В. Латышева; сводах источников «Корпус боспорских надписей» (под ред. В. В. Струве); «Каменная летопись Херсонеса», «Новые эпиграфические памятники Херсонеса» и других работах Э. И. Соломоник. Публикации новых эпиграфических памятников и интерпретация уже известных надписей представлены в статьях различных авторов, среди которых следует выделить работы Ю. Г. Виноградова, В. П. Яйленко, С. Ю. Сапрыкина, И. А. Макарова, А. И. Болтуновой, А. И. Иванчика, А. Твардецки.

Четвертая группа источников – *изобразительные*, куда входит скульптура, живописные, мозаичные изображения, с помощью которых можно исследовать иконографию интеллектуала. В качестве такого рода источников рассмотрена мемориальная скульптура северопонтийских городов, главным образом, находящаяся в экспозиции и фондах ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (инв. №№ 3669, 3674, 35264, 4284, 15400, 223/36679, 4550, 4552, 3630, 3670, 16109), Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (инв. №№ КЛ–141, КЛ–193, КЛ–219+691, КЛ–222, КЛ–279+489, КЛ–317, КЛ–438, КЛ–470, КЛ–419+673, КЛ–409 и др., Прил. I. Табл. 3–5), экспозиции и фондах Анапского Археологического музея-филиала ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (инв. №№ КМ–8365/722, КМ–8365/1273, КМ–8365/1730, КМ–8365/2523, КМ–8365/3551, КМ–10580/6, КМ–10580/7, КМ–13494, КМ–8365/107, АМ–730, АМ–1023[А320], КМ–8365/453, КМ–8365/221). Некоторые памятники, происходящие с территории Азиатского Боспора, до сих пор не были введены в научный оборот (например: КМ–8365/453, КМ–8365/221, КМ–8365/1273, КМ–8365/722, КМ–8365/1730, КМ–8365/2523, КМ–8365/3551, КМ–10580/6, КМ–10580/7, КМ–13494, КМ–8365/107).

Наиболее важные памятники изобразительного искусства, представляющие собой иконографический тип интеллектуала (к сожалению, далеко не все) представлены в изданиях «Античная скульптура Херсонеса» (1976), альбоме иллюстраций к «Корпусу боспорских надписей» (КБН-альбом, 2004), «Боспорские надгробия: II в. до н. э. – III в. н. э.» (2009), «Каменная летопись Боспора» (2016)

Необходимо отметить, что надгробная стела является памятником, который важно рассматривать как единый комплекс, содержащий изображение (изобразительный источник) и надпись (эпиграфический источник). Учитывая особенности изображения и сопровождающей его надписи, рассматриваемую

мемориальную скульптуру Северного Причерноморья можно разделить на три группы:

1. Стелы с рельефом, содержащим изображение (1. 1) мужчины в ораторской позе, гиматии и со свитком в руке или изображение (1. 2) мужчины в ораторской позе, но без свитка; сопровождающиеся надписью, указывающей на мудрость или интеллектуальные занятия погребенного. Это несколько стел, происходящих исключительно из Пантикапея (КБН 121, 129, 141, 146, 655; Прил. I. Табл. 3).

2. Стелы и круглая скульптура, изображающие мужчину в ораторской позе, в гиматии, со свитком в руке; надпись либо не сохранилась, либо ничего не сообщает о занятиях погребенного. При этом изображение соответствует рельефам группы 1. 1. Такие стелы, полуфигуры и статуи бытовали в Херсонесе, городах Европейского и Азиатского Боспора (Прил. I. Табл. 1, 2, 4 – кроме № 1 и № 11).

3. Стелы и круглая скульптура, изображающие мужчину в ораторской позе, в гиматии; надпись либо не сохранилась, либо ничего не сообщает о занятиях погребенного. Изображение соответствует рельефам группы 1. 2. Наиболее распространенный тип, известный в Херсонесе, на Боспоре, в Ольвии (Прил. I. Табл. 5 – кроме № 10, Табл. 7). Эта группа представляла тип интеллектуала, по всей видимости, только в отдельных случаях, большинство рельефов следует понимать как иконографию образцового гражданина.

В качестве аналогов северопричерноморской скульптуры, представляющей образованного гражданина, выступают изобразительные памятники аттического, малоазийского, римского происхождения: скульптурные портреты (IV в. до н. э. – II в. н. э.), рельефы с изображением известных философов, Муз и частных лиц, представленных в качестве поклонников греческого образования (IV в. до н. э. – IV в. н. э.); мозаичные и живописные портреты известных мыслителей (V в. до н. э. – III в. н. э.). Эти памятники являются косвенными источниками. Временной диапазон их распространения, их типологические особенности позволяют выявить возможные прототипы для северопонтийской скульптуры.

В качестве гипотетического скульптурного портрета философа Биона Борисфенита следует рассматривать фрагментированную статую философа из находок на месте Антикитерского кораблекрушения, ранее не привлекавшуюся в качестве источника, значимого для исследований о Бионе (Прил. I. Табл. 8).

Выводы. Историография, касающаяся северопонтийских интеллектуалов, на данный момент включает, во-первых, работы, посвященные общим вопросам культуры, образования и интеллектуального творчества в колониях Северного Причерноморья; во-вторых, исследования биографий и особенностей творчества отдельных лиц; в-третьих, краткие упоминания о наличии иконографического типа интеллектуала в мемориальной скульптуре. В нашем распоряжении имеются различные варианты реконструкции биографий отдельных интеллектуалов из городов Северного Причерноморья, они на протяжении длительного времени разрабатывались в историографии и нуждаются в обобщении. При этом в ряде случаев представлены биографии только политическая (как во многих очерках о Сфере Боспорском) или литературная (исследования об Исилле). Заметно значительное расхождение в подходах исследователей, занимающихся общими вопросами культуры античности, и исследователей колоний на Северном Понте. Некоторые лица вовсе не рассматривались с биографической точки зрения (например, философ-медик Авл Ситесий). Зачастую биографии рассматриваются недостаточно подробно и служат дополнением к характеристике какого-либо общегреческого культурного явления. За рамками специального исследования остаются единый просопографический свод и рассмотрение биографий всех интеллектуалов античного Северного Причерноморья. Полностью отсутствует в литературе сколько-нибудь комплексный анализ иконографии интеллектуала/образованного гражданина, который представлен значительным количеством памятников Херсонеса и Боспора.

Что касается источников, следует отметить их очевидную фрагментарность и неполноту; они неравномерно освещают деятельность интеллектуалов в различные периоды античной истории Северного Причерноморья. Особенность письменных источников состоит в том, что они касаются только нескольких

северопонтийских философов и ученых (очевидно, по той причине, что те прославились вне родных государств), при этом сохранившиеся свидетельства противоречивы или скудны. До нас дошло минимальное количество источников, происходящих от современников интеллектуалов-выходцев из Северного Понта; время жизни этих интеллектуалов приходится на эллинистический период, а большинство свидетельств относится к римскому времени. В целом, литературная традиция, сохранившая сведения о северопонтийских интеллектуалах неравномерно распределяется в рамках с III в. до н. э. по X в. н. э., причем средневековые свидетельства менее ценны, поскольку повторяют с искажениями позднеантичные тексты. Известно несколько важных эпиграфических памятников, относящихся к архаическому и классическому периодам. Такие надписи, как Присяга граждан Херсонеса или декрет в честь Диофанта, появляются в эллинистическое время. Но большинство эпиграфических свидетельств относится к римскому времени – это, главным образом, метрические эпитафии, притом зачастую являющиеся шаблонными текстами, а не образцами профессионального творчества. Особенность работы с такой группой надписей состоит в том, чтобы учитывать характер текстов и отделять «массовую продукцию» от произведений интеллектуалов. Наибольшее количество изобразительных источников, происходящих из Северного Причерноморья, приходится на I в. до н. э. – II в. н. э. Сложность заключается в корректной интерпретации, которая, как представляется, невозможна без привлечения широкого круга аналогов из различных регионов античного мира. К тому же, изобразительные источники невозможно рассматривать без привлечения эпиграфических и письменных памятников.

В целом, несмотря на фрагментарность и неоднозначность интерпретации, все названные виды источников могут быть перспективными с учетом комплексного подхода в работе по реконструкции биографий отдельных лиц и иконографического типа интеллектуала в античном Северном Причерноморье.

ГЛАВА II. ФИЛОСОФЫ И РИТОРЫ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Среди представителей интеллектуальной сферы жизни античного общества философы обладали особым статусом. Философия занимала положение, сходное с наукой, но занятия философией понимались шире: они предполагали не только упражнения в науках (так, пифагорейцы и академики уделяли особенное внимание музыке, геометрии и астрономии, стоики – грамматике), но и специфический образ жизни [Адо, 1999, с. 50]. С занятиями философией связывали как постижение «вещей божественных и человеческих», так и доблесть человека, его нравственность. Кроме того, философия была призвана доставить человеку счастье на протяжении жизни и загробное блаженство. Философу приписывали связь с божественным миром. Впервые эту мысль сформулировал Платон, впоследствии она неоднократно повторялась различными греческими и римскими авторами (Plat. Gorg. 512e, Phaed. 61a, 68b, 95c, 114c, Symp. 203–204c, Phaedr. 239b, 249c–d, Sophist. 216b, Resp. VI. 488d, Tim. 47b; Arist. Nicom. Eth. VI, Metaph. IV. 2, Rhet. II. 23; Isocr. Paneg. 47; Cic. De offic. II. I. 5, Tusc. Disc. I. XXVI. 64, XLVII. 118, II. XVIII. 43, III. III. 6, IV. XXXIII. 70, IV. XXXVIII. 82-84, V. II. 5–6, De finib. bon. et mal. I. IV. 11, II. XVI. 51, V. XXIX. 86–87, De leg. I. XXII. 58, Acad. II. X. 31, De orat. 1. 49. 212; Plut. Plat. Quaest. I. 1, de Stoic. rep. 1033b; Luc. Catapl. 7, 24, Vit. auct. 2, 7, 12, 15, 20, 26, Nigrin. 4, 33, Dem. 3, 6, 7, Hermotim. 1, 7; Aelian. III. 17; Dion. Chrys. Or. 70. 7, 71. 1, 6–8, 72. 9; Epict. Discours. 4. 8 . 4–6; Aul. Gell. Noct. Attic. V. 1. 2–4, XV. 19. 2; Philostr. Vit.Apoll. Tian. II. 39, III. 28, IV. 38, 44, V. 21) [Лейбенсон, 2016в].

Большая часть текстов о сущности философии, и о том, кто такой философ, составлена самими философами; или же эти тексты имели основой школьную философскую традицию (как в случае с сочинениями Диогена Лаэртского, Авла Геллия). Но есть и «внешние» свидетельства, прежде всего, критика. Первый автор, критиковавший философов, – Аристофан; по всей видимости, он не

отличал философию Сократа и его учеников от учения софистов. В «Облаках» (423 г. до н. э.) комедиограф положил начало двум основным направлениям критики философов. Философы высмеиваются, во-первых, как интеллектуалы: по Аристофану, их рассуждения бессмысленно усложняют предмет и не имеют практической пользы (Aristoph. Neph. 43–152); во-вторых, претензия Аристофана к Сократу заключается в том, что тот безнравственен сам и учит безнравственной жизни (Aristoph. Neph. 1019–1022). Эти два главных обвинения будут использоваться и позднейшими авторами, что показывает суть философии, как ее видели древние: интеллектуальные занятия в сочетании с образом жизни (Cic. Tusc. Disc. II. IV. 11–12; Luc. Vit. auct. 26, Pisc. 31, 46, Nigrin. 24, Icaromenip. 5, 21, 29, de Merc. conduct. 7, 24, Herm. 25; AP. XI. 410; Epict. Discours. 4. 8. 13–14, 34; Dion. Chrys. Or. 72. 14; Lact. Div. Inst. III. 15. 10–12). Считалось также, что поскольку философ знает о подлинном благе, он может и должен участвовать в общественных делах: защищать свое отечество, исполнять обязанности гражданина в демократическом государстве или быть советником царя в монархической державе. И сами монархи (цари династии Птолемеев, Антигон Гонат) приглашали к своему двору философов. Есть сведения о высокой оценке философов со стороны гражданской общины того или иного государства (например: Aelian. VII. 14; Plut. Cat. Maj. 22).

Риторика – это и практика, и наука о технике речи. Её античные авторы называли как искусством (*τέχνη/ars*), так и наукой (*ἐπιστήμη/scientia*) (Arist. Rhet. I. 4; Quintil. I. 17. 74), иногда – одновременно и тем, и другим (Cic. De orat. I. 1. 6). Положение риторики, как и положение философии, было пограничным – она воспринималась и как общественно полезная деятельность, необходимая всем, кто занимается государственными делами (Arist. Rhet. I. 1; Cic. De orat. I. 4. 15), и как школьная дисциплина (Quintil. II. 1–21). Эту двойственность отразило уже одно из первых определений риторики у Аристотеля: она включает в себя науку аналитическую и науку политическую (Arist. Rhet. I. 4). При этом для авторов, занимавшихся теорией красноречия, было важно показать ее тесную взаимосвязь с философией. Философские методы считались составной частью риторики

(Quintil. Proem. I. 2. 9), без философского образования становление оратора невозможно (Cic. De orat. 4. 14–15). Биографическая традиция свидетельствует, что риторы учились в философских школах, иногда сами занимались философией (Plut. Demosph. 5; Ps.–Plut. Vit. Dec. Orat. 1, 4, 7, 9; Philostr., Vita Sophist. 1. 1; 1. 5; 1. 7; 2. 3). При этом, по всей видимости, сохранялось различие в подходах к образу жизни: оратору не требовалось быть всегда и во всем добродетельным, хотя это было желательно, чтобы вызвать доверие слушателей (Arist. Rhet. I. 4).

Несмотря на пограничное положение риторики, оратор представлен в античной литературе как интеллектуал. Софист Гиппий выступал с речами на разнообразные темы: астрономия, математика, грамматика, история и мифология (Plat. Hip. Maj. 285e); софист Горгий заявлял, что красноречие «собрало силу всех искусств» и позволяет верно и убедительно говорить о любом предмете (Plat. Gorg. 456b). Оратору рекомендовалось хорошо знать законы государства, военно-политическую историю, текущее положение дел в своем государстве и у его соседей, особенности экономики, «нравы» слушателей, диалектику, мифологию и литературу (Arist. Rhet. II. 20, 21), грамматику, музыку, геометрию, а также изучать нравственную часть философии и уметь добывать сведения из любой области знания (Cic. De orat. I. 11. 48; I. 16. 73; I. 50. 218; Quintil. I. 4, 6–9).

2.1. Просопография философов Северного Причерноморья по сообщениям античных и средневековых авторов

Колонии в Северном Причерноморье основаны в период, когда происходило становление греческой рациональной мысли, выделение натурфилософии из мифопоэтического объяснения мира. Этот процесс начался в Ионии, откуда происходило большинство колонистов. Но сведения о занятиях северопричерноморских греков философией в позднеархаический и большую часть классического периода отсутствуют; за исключением религиозной

философии орфиков, известной в это время в Ольвии [Русяева, 1978, с. 87–104; Русяева, 2005, с. 393–394; Шауб, 2008, с. 112–117]. Только в конце классического периода и в эллинистическое время появляются свидетельства о философах и риторах родом из Северного Причерноморья; некоторые из них прославились в своих родных городах, другие стали известны за пределами родины. Последние также относятся к просопографии интеллектуалов античных городов Северного Причерноморья. Их биографии демонстрируют такой уровень культуры и образования в колониях, при котором у их жителей развивался интерес к наукам и философии. Философов-выходцев из городов Северного Причерноморья необходимо выделить в отдельную группу, что вызвано характером источников: сведения о них содержатся только в сочинениях античных и средневековых авторов, тогда как ни один собственно северопричерноморский памятник не сообщает об их деятельности.

Бион Борисфенит. Бион – наиболее известный философ, происходивший из Северного Понта. Несмотря на то что для античной философии вообще Бион не являлся философом «первой величины», он может рассматриваться в качестве яркого эклектика, иллюстрирующего историю античной философии и литературы в III в. до н. э.

Точное время жизни Биона Борисфенита в источниках не указывается, но его можно определить по времени жизни более известных современников. Так, Бион был знаком с царем Антигоном Гонатом (Diog. Laert. IV. 7. 46–47; Stob. Ant. 4. 29a.13); учителями нашего философа были Кратет Фиванский, Феофраст, Феодор Безбожник (Diog. Laert. IV. 7. 52; Pap. Herc. 1055 col. 18. 3). Известны философы, с которыми общался Бион: Ксенократ, Менедем, Персей, Эратосфен, Аркесилай (Diog. Laert. II. 17. 136, IV. 2. 10; Euseb. Praep. Evang. 14. 6. 6), а также ученики самого Биона – Телет Мегарский, Аристон Кеосский (или Хиосский) (Strab. X. 5. 6). Все указывает на то, что Бион жил в последней четверти IV – 60-е гг. III в. до н. э. Предпринимались попытки назвать время жизни Биона с точностью до года: 335–245 гг. [Kinstrand, 1976, p. 7; Burns, 2015, p. 9; Desmond, 2008, p. 33]; 325–255 гг. [Радциг, 1982, с. 382, Солопова, 2010, с. 267]; годом

смерти философа принимали CXXVIII Олимпиаду (268 г. до н. э.) [Rossignol, 1830, p. 1], 256 г. до н. э. [К. Гораций Флакк, 1883, с. 60]. Наиболее аргументированной представляется датировка жизни Биона между 335 и 245 гг. до н. э.: будущий философ должен был успеть приехать в Афины до смерти академика Ксенократа (314 г. до н. э.), проучиться некоторое время у Феодора Безбожника (изгнанного из Афин в 307 г. до н. э.) и умереть ранее смерти Антигона Гоната (240/39 г. до н. э.), помогавшего Биону, когда тот был смертельно болен [Kinstrand, 1976, p. 6–7].

Согласно анекдоту, переданному Диогеном Лаэртским, Бион Борисфенит происходил из низших слоев общества, о чем он сам сообщил македонскому царю Антигону II Гонату. Будущий философ родился в Ольвии (античные авторы называли его Борисфенитом. О том, что жителей Ольвии называли борисфенитами, говорил Геродот – Herod. IV. 18). Его отцом был вольноотпущенник, взявший жену из публичного дома; этого вольноотпущенника за воровство снова продали в рабство вместе со всей семьей; Биона купил местный ритор; по смерти этого ритора Бион получил его наследство, сжег сочинения умершего хозяина и отправился в Афины (Diog. Laert. IV. 7. 46–47).

Несмотря на то, что большинство исследователей принимает этот рассказ за подлинную историю и предпринимает попытки связать сведения о семье Биона с сообщением Макробия о манумиссии для ольвийских рабов во время осады Зопириона (Macr. Sat. 1. 2. 33) [Kinstrand, 1976, p. 7; Виноградов, 1989, с. 153], следует отметить ряд противоречий, возникающих при сопоставлении версии Диогена Лаэртского с другими источниками. Так, в передаче Стобея царь Антигон обращается к Биону с тем же вопросом, как и в передаче Диогена Лаэртского. Но ответ следует совершенно иной: Бион не рассказывает о своей семье, но советует царю выбирать друзей так, как выбирают лучников – не по родовитости, а по их личным качествам. При этом «мораль», которой Бион резюмирует свой ответ, передается одинаково у Стобея и у Диогена Лаэртского (Diog. Laert. IV. 7. 47; Stob. Ant. 4. 29a13). Составители византийского словаря «Суда» приняли версию Диогена Лаэртского: об отце Биона говорится как о

торговце рыбой со шрамом на лице [Suidae, 1705, T. I, p. 29, T. III, p. 396]. Литературная традиция сходится в том, что царь задал философу вопрос о происхождении последнего. Но содержательная часть ответа философа в источниках разнится (вариант реконструкции: версии, переданные Стобеем и Диогеном Лаэртским, являлись составными частями одного и того же рассказа [Mullach, 1875, p. 419]). Что касается более ранних сообщений, то в них не содержится ничего, что могло бы уточнить вопрос. Иногда за свидетельство о низком происхождении Биона принимают слова Эратосфена (в передаче Страбона) о том, что Бион одел философию в «пестрое платье гетеры» (Strab. I. 2. 2). Но это высказывание, скорее, относится к характеристике стиля Биона. Не согласуются между собой и сообщения о матери Биона: если у Диогена Лаэртского она «взята из блудилища», что характеризует ее как *πόρναι* – представительницу социальных низов, скорее всего, несвободную, то в сообщении Афинея она оказывается гетерой, а это предполагает более высокий статус (Athen. VIII. 344a; Diog. Laert. IV. 7. 46) [Лихт, 2003, с. 269–270, 274].

Единственным косвенным подтверждением рассказа о происхождении Биона можно считать цитату, которая также приведена у Диогена Лаэртского. Бион переиначил стих Еврипида и высказался о низком происхождении так: «И храбреца ему под силу одолеть» (Euripid. Ippolit. 424). Образованный слушатель знал, что у Еврипида сказано следующее: «Ведь самый дерзкий клонит, точно раб / К земле чело, когда при нем напомнят / Клеймо отца иль матери позор…» (Euripid. Ippolit. 425–427) [цит. по: Еврипид, 1969, с. 241]. Возможно, здесь Бион отсылал слушателя к своей собственной истории с «клеймом отца» (у Диогена Лаэртского: «и было у него не лицо, а роспись по лицу – знак хозяйской жестокости») и позором матери (Diog. Laert. IV. 7. 46). Таким образом, история о происхождении Биона может быть правдивой, но неясно, как согласовать сообщения Диогена Лаэртского, Афинея и Стобея. Если же этот вариант биографии полностью вымышлен и вошел в литературную традицию из памфлета, то придется игнорировать цитирование Бионом Еврипида.

Более вероятно, что вариант биографии с отцом, проданным в рабство, действительно мог быть рассказан Бионом именно в том виде, в котором его передал Диоген Лаэртский. Возможно, сведения Диогена восходят к раннему источнику, диалогу за авторством самого Биона. Просвещенный царь в приведенном рассказе обратился к Биону цитатой из Гомера: «Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?» (дополнительной смысловой нагрузки здесь цитирование, вероятно, не несет: в «Одиссее» это выражение является формульным – Od. I. 170, VII. 238, X. 325, XIV. 187, XV. 264, XIX. 105, XXIV. 298). Бион рассказывает свою историю и также завершает ее цитатой из Гомера: «Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся» (Il. VI. 211). Примечателен контекст этой цитаты в «Илиаде»: союзник троянцев Главк рассказывает ахейскому вождю Диомеду о своих предках, отце Гипполохе и деде Беллерофонте. Здесь становится очевидным пародийный характер рассказа Биона. Эпический герой повествует о подвигах своего славного и непорочного деда, а кинический герой рассказывает о преступлениях и позоре отца, порочной профессии матери. Такое цитирование общеизвестных текстов в пародийном ключе Бион, судя по сохранившимся цитатам, использовал часто. Поскольку в анекдоте, приведенном Диогеном Лаэртским, содержатся черты собственного стиля Борисфенита, можно предположить, что история действительно была рассказана царю самим философом. Ей не обязательно быть полностью правдивой: о семье Биона из далекой Ольвии при дворе Антигона никто не знал доподлинно, и Бион мог рассказать вместо нее любой другой вариант автобиографии. Но у версии с «клеймом отца» был ряд преимуществ. Во-первых, такой рассказ поражает слушателя, а целью Биона зачастую был эпатаж (Diog. Laert. IV. 7. 50). Даже если Бион рассказал легенду о себе, в его интересах было эту легенду поддерживать (тогда понятно цитирование Бионом Еврипида). Во-вторых, это идеальная биография для киника или кинизирующего философа, поскольку она разрушает привычные стереотипы: герой хвалится тем, чего принято стыдиться (низким происхождением, сожжением всех сочинений хозяина, вместо того, чтоб сохранить их и продолжить дело наставника). Такой

рассказ вполне подходит для кинической насмешки над общественной моралью. В-третьих, рассказ Биона исключал необходимость оправдываться перед царем после клеветы Персея и Филонида (Diog. Laert. IV. 7. 47): Бион показал, что его происхождение много хуже, чем о нем могли говорить, а царю следует обращать внимание только на личные качества человека. По всей видимости, и сам рассказ, и мораль, выведенная из него, были популярны в эллинистической литературе и литературе римского времени, поэтому постепенно этот сюжет в литературной традиции получил несколько вариантов и сохранился в различных версиях [см.: Лейбенсон, 2015б; Лейбенсон, 2017ж, с. 134–136].

Что касается этнического происхождения Биона, для античных авторов этот вопрос не был актуален. Очевидно, у них не возникало сомнений относительно происхождения Биона, говорившего на греческом языке и носившего греческое имя (от слова *βία*; подобные имена давались как в среде аристократов, так и среди представителей демоса [Shantraiine, 1968, p. 175]). Имя Бион и его производные часто встречаются в просопографии Северного Причерноморья (напр., КБН 36, 107, 146, 173, 370, 378, 408, 416, 431, 509, 633, 898, 1091, возм., КБН 407 [Даниленко, 1966, № 19, с. 140, № 67, 68, с. 145; Латышев, 1895, №1, 3]). Предположения о варварском происхождении философа неоднократно высказывались в историографии, но они не получили подтверждения [Лейбенсон, 2016; Лейбенсон, 2016б].

Диогеном Лаэртским переданы некоторые другие эпизоды биографии Биона, хотя и отрывочно. По приезду в Афины Бион учился последовательно в нескольких филоофских школах, после чего стал путешествовать в поисках учеников. Перечислены только некоторые пункты его путешествий: Родос (где Бион преподавал), Пелла (пребывание при дворе Антигона Гоната), возможно, Эретрия, Халкида (Diog. Laert. IV. 7. 49, 53). В старости философ заболел, ему помогал Антигон Гонат, выделивший двух своих рабов для ухода за философом. Когда положение больного ухудшилось, он, ученик Феодора Безбожника, внезапно покаялся перед богами и дал надеть на себя амулеты – об этом, по Диогену Лаэртскому, сообщали жители Халкиды, где умер философ (Diog. Laert.

IV. 7. 54–57). История о предсмертном покаянии Биона, как и рассказ о его происхождении, вызвал доверие многих исследователей [Mullach, 1875, p. 420; Скржинская, 2014а, с. 36; Петрова, 2000и, с. 68]. Но в рассказе о смерти Биона и в диалоге с царем обращает на себя внимание их «литературность». Примечательно сообщение Плутарха, который передает бионово описание суеверного человека. Это описание совпадает с рассказом и стихами Диогена Лаэртского о последних днях философа: суеверный человек признает себя грешным, лебезит перед богами, вешает на себя амулеты (Plut. De superstit. 7. 168D). Возможно, рассказ о последних днях Биона имел целью дискредитировать его собственную проповедь против народной религии: суеверную практику, которую Борисфенит осуждал, приписали ему самому [Susemihl, 1891, s. 32, 96; Arnim, 1897, s. 485; Спиридонов, 1918, с. 198; Kinstrand, 1976, p. 17; Desmond, 2008, p. 34].

Некоторое время Бион жил при дворе македонского царя. Известно, что Антигон II Гонат, хоть и не был «философом на троне», все же интересовался наукой и искусствами, поэтому приглашал в Пеллу видных философов, ученых и поэтов (что могло произойти не ранее 276 г., когда царь Антигон утвердился на македонском престоле). В своеобразном литературно-философском кружке при царе состояли стоики Персей и Филонид, поэт Арат из Сол, историк Иероним из Кардии [Tarn, 1913, p. 225]. Но из разрозненных источников невозможно составить точное представление о роли Биона в этом кружке. Неизвестно, были ли при дворе им написаны какие-либо сочинения, получил ли философ какой-либо авторитет (подробнее: Гл. 6).

Из разрозненных источников можно составить некоторое представление о характере образования Биона. Как кинизирующий автор, он высмеивал искусства и науки (Stob. Ant. 3. 4. 52, Eclog. 2. 1. 20; Gnomol. Paris. 320), но сам обнаруживал достаточно неплохое знакомство с ними. Базовое грамматическое образование он должен был получить в Ольвии, где, начиная с первых поколений колонистов и вплоть до римского времени, высоко ценили эллинских поэтов, особенно Гомера (Dion. Chryst. XXXVI. 10). Бион в сохранившихся фрагментах семь раз цитирует «Илиаду» (Diog. Laert. IV. 7. 46–47, 52; Clem. Alex. Protr. IV. 56. 1; Cic. Tusc. disp.

III. 26. 62 – цитаты из песен I–III, VI, IX, X) и дважды – «Одиссею» (Plut. Quomod. in virt. sent. prof. 11. 82E – песни VI и XXIV). Знание «Илиады» лучше, чем «Одиссеи», и первой части «Илиады» лучше, чем второй – черта, обычная для тех, кто цитировал Гомера, опираясь на школьную традицию [Kinstrand, 1976, p. 35].

О достаточно хорошем (пусть и не обязательно глубоком и основательном) образовании Биона свидетельствуют многие его высказывания. Он разбирался в поэзии и умело пародировал поэтическую речь. Одна из его пародий (Diog. Laert. IV. 7. 52), составленная из различных гомеровских выражений и эпитетов (Il. I. 146, III. 82, XVIII. 170), посвящена пифагорейцу Архиту Тарентскому, жившему задолго до Биона (V – начало IV в. до н. э.). В пародийной эпиграмме Архит представлен тщеславным человеком, искусным в «спорах о крайней струне» [Диог. Лаэрт., 1986, с. 183]. Зачем Биону потребовалось высмеивать Архита, не совсем ясно. Возможно, так он вышучивал теории платоников и пифагорейцев о теории музыки, в которых те ссылались на авторитет Архита. Предметом споров, согласно эпиграмме, была «крайняя струна», в оригинале – гипата (*ὑπάτα* – наиболее низкий звук и струна, которая располагалась на самом верху деки струнного инструмента) [Diog. Laert., 2014, p. 428]. По всей видимости, Бион знал основные положения музыкальной теории пифагорейцев, а также те перемены, которые произошли в музыкальной теории и практике в эллинистическое время: к «старинному» греческому звукоряду были прибавлены еще два тетрахорда, и прежняя гипата переставала быть верхней струной [Афонасин, Афонасина, 2014, с. 410–411]. Вероятно, именно эти перемены и споры, связанные со «старой гипатой», Бион отразил в пародии.

Помимо знакомства с музыкальными проблемами Бион обнаружил знание известных художников и их работ. Плутарх передал его рассказ о художнике эллинистического времени Павсоне, получившем заказ изобразить коня, валяющегося в пыли, но изобразившего коня бегущим. Выяснилось, что так художник продемонстрировал свое мастерство: если картину перевернуть, можно увидеть как раз упавшего коня. Здесь интересен подход Биона к описанию

картины: как и большинство античных авторов, его интересовало не ее содержание, а техника исполнения (ср.: Phil. Ekphras. I. 12. 5, II, 1. 3, II. 28. 3; Luc. Zeux. 7). История о Павсоне послужила Биону, чтобы проиллюстрировать тезис о том, что любое суждение можно перевернуть и вывести его полную противоположность (Plut. De Pyth. 5. 396E).

Наконец, Бион демонстрировал некоторые познания в мифологии и этнографии (Diog. Laert. IV. 7. 48, 49). Первые он мог почерпнуть из поэтов; что касается вторых, то из цитат следует, что он был знаком со специальными сочинениями. В диатрибе Телета «О богатстве и бедности» приводится рассказ Биона о мифических существах, форкидах, чей единственный глаз располагался на спине, да и тот был похищен Персеем [Hense, 1919, p. 36–37; Анткин, 1996, с. 192]. Этот вариант мифа о форкидах позднее записал Псевдо-Аполлодор (Ps–Apoll. II. 2, 4), но у Эсхила (Aesch. Promet. 794–797) и Гесиода (Hes. Theog. 270–273), которых Бион мог читать, сюжет об ослеплении форкид отсутствует; следовательно, Бион почерпнул его из несохранившегося сочинения. В той же диатрибе Бион сообщает, что сирийцы не едят рыбы или голубей, египтяне – собак, греки не станут есть человеческую голову. О египтянах и сирийцах Бион мог прочитать в сочинениях Геродота (Herod. II. 66–67) и Ксенофонта (Xen. Anab. I. 4, 9). А о человеческой голове, возможно, узнал от пифагорейцев. По крайней мере, последующая литературная традиция отразила рассказы пифагорейцев о родстве растений и человека и о том, что из боба можно вырастить человеческую голову (Porphyr. Vit. Pythagor. 44; Luc. Vit. auct. 6). Все эти сведения, особенно сообщение Ксенофонта о сирийцах и их обычаях, Бион должен был получить уже в Афинах. Но грамматической подготовкой и интересу к поэзии он был обязан своему первоначальному образованию, полученному в Ольвии.

В Афинах Бион учился у нескольких схолархов. По версии Диогена Лаэртского, сначала Бион принадлежал к Академии, в это же время был слушателем Кратета (академика), затем стал киником, после увлекся учением киренаика Феодора Безбожника, в конце обучался у перипатетика Феофраста (Diog. Laert. IV. 7. 52). На этот порядок смотрели либо как на хронологическое

перечисление «университетов» Биона [например: Латышев, 1887, с. 142–143, Susemihl, 1830, s. 33; Kinstrand, 1976, p. 10–12], либо как на рассказ, лишенный точности и призванный подчеркнуть неустойчивость Биона в философских убеждениях [Спиридонов, 1918, с. 195]. В самом деле, Диоген ставил Биону в вину его приверженность к различным учениям и явное непостоянство. Но это объясняется, скорее, личной антипатией Диогена Лаэртского, поскольку для эллинистических философов было обыкновенной практикой переходить от учителя к учителю, создавать собственные школы или направления внутри действующих школ (например: Diog. Laert. II. 8. 93–98). Школы раннего эллинизма не составляли закрытых групп и зачастую были первоначально близки в своих философских системах [Kinstrand, 1976, p. 12]. Поэтому представляется вполне возможным признать перечисление школ у Диогена Лаэртского в качестве правильной хронологии обучения Биона.

Не сохранилось достаточно большого фрагмента из трудов Биона, чтобы можно было определенно говорить о его собственной философии. Судить можно только по цитатам из лекций или сочинений Биона, которые сохранили авторы, знакомые либо с собственными трудами философа, либо со сборниками апофтегм. При знакомстве с этими цитатами обнаруживается ряд противоречий: противоположны в разных цитатах бионовы оценки старости (Cod. Paris. Graec. 1168, № 15; Diog. Laert. IV, 7. 48; IV, 7. 51), любовных отношений (Diog. Laert. IV. 7. 47–49), богатства и частной собственности (Stob. Ant. 3. 19. 37, Eclog. 2. 31. 97).

Существуют сложности также с отнесением Биона к одной школе. Никем из античных авторов он не отнесен к киникам. Возможно, на принадлежность Биона к киникам намекал его современник Полистрат (что обусловило использование им глагола *ὀσφραίνομαι*, который обыкновенно относился к собакам [Kinstrand, 1976, p. 173]), но из краткого фрагмента это нельзя точно установить (Pap. Herc. 1520 col. 4. 7). Диоген Лаэртский, несмотря на указание, что Бион покинул Академию, поместил его биографию в раздел с жизнеописаниями академиков. Другие авторы называли Биона просто софистом или философом (Plut. De liber. educ. 17, 7C, Amat., 24, 770B; Stob. Ant. 3. 19. 37; 3. 38, 50; Maxim. Confess. Loc.

commun. 54, 62), перипатетиком (Cod. Paris. Graec. 1168, № 6), феодоровцем (Diog. Laert. IV. 4. 23). При этом для большинства исследователей Бион – киник или кинизирующий философ [Целлер, 1996, с. 97; Тронский, 1946, с. 235–236; Радциг, 1982, с. 382; Чанышев, 1991, с. 25, 116; Navia, 1996, p. 146–147, 151–156; Desmond, 2008, p. 33–35; Солопова, 2010, с. 267; Скржинская, 2014а, с. 35–36], Биона называли также «на три четверти киником» [Спиридонов, 1918, с. 206; Тарн, 1949, с. 295], «киническим гедоником» [Лосев, 1969, с. 126], представителем «киренайского гедонизма» [Гомперц, 1912, с. 147–148], «компромиссного варианта кинизма» [Нахов, 1982, с. 194–195]. Представляется, что несмотря на важную киническую составляющую его тезисов, философию Биона нужно рассматривать как эклектическую, в ней прослеживалось влияние всех его учителей.

Из сохранившихся цитат Биона следует, что у академиков он позаимствовал идею об *ἀνάμνησις* – припоминании душой вечных истин. При этом Бион использовал ее в качестве объекта для критики, что было отмечено Олимпиадором в комментариях к «Федону» [Olymp. In. Plat. Phaed. com., 1847, p. 126, 177]. В то время, когда Бион прибыл в Афины, схолархом Академии был Ксенократ, занимавшийся логикой, эпистемологией, математикой и даже демонологией [Arnim, 1897, s. 484]. Если две первые отрасли знания привлекли Биона (показательно, что кроме отрывка из Комментария к «Федону» больше высказываний Биона о платоновских проблемах неизвестно), то остальные никак не отражены в сохранившихся бионовых изречениях. Напротив, сохранился рассказ о том, что Бион высмеивал Ксенократа (Diog. Laert. IV. 7. 10). Единственная и довольно неожиданная связь философии Биона и Ксенократа – то, что только эти два философа, по сообщениям античных авторов, высказывали сочувствие животным (Plut. De solert. anim. 7, 965AB; Aelian. XIII. 31) [Tarn, 1913, p. 239]. Но и здесь влияние Ксенократа на Биона проследить нельзя. Диоген Лаэртский в биографии Кратета настаивал на том, что Бион учился в Академии именно у него (Diog. Laert. IV. 4. 23). Несмотря на то, что Кратет не был схолархом Академии (на время его жизни пришлись схолархаты Полемона и

Ксенората), он вполне мог иметь собственных слушателей и преподавать им в рамках учения Платона. Кратет уделял большее внимание вопросам этики, нежели Ксенократ; интерес к этике мог привести Биона впоследствии к киникам. В качестве связи Биона с Академией можно рассматривать и цитирование Бионом Аркесилая (Clem. Alex. Strom. VII. 4. 24. 5). Цитата скептического академика, которую привел Бион (она, вероятнее всего, происходит не из сочинений, а из бесед Аркесилая, которого Бион мог слышать уже после завершения образования), касалась критики народной религии, что снова сближало интерес Биона к Академии с его интересом к учениям киников и киренаиков.

Киники оказали наиболее глубокое влияние на Биона. От них будущий философ перенял отрицание конвенциональной морали, народных и поэтических представлений о богах. Возможно, эпитет *πολύτροπος*, который приводит Диоген Лаэртский применительно к Биону, относится к принципу автаркии, который исповедовали киники. Примечательно, что Бион охарактеризован тем же эпитетом, что и Одиссей у Гомера (Od. I. 1). Это перекликается с сообщением Страбона о том, что Биона часто сравнивали с Одиссеем (Strab. I. 2. 2). По всей видимости, сравнение происходит из комплиментарной Биону школьной традиции, возможно, непосредственно из сообщений его учеников.

Бион высмеивал поэтов и ученых (Diog. Laert. IV. 7. 53), говоря, что наивысшей ценностью и источником добродетелей является только разум (Gnomol. Vatican. 162). Эта черта характерна для киников с ранних пор существования школы (Diog. Laert. VI. 2. 72; VI. 9. 104); похожие высказывания, осуждающие бесполезное для добродетели искусство, литературная традиция приписывала одновременно Диогену и Биону (Diog. Laert. VII. 2. 28; Stob. Eclog. 2. 1. 20). С киниками Биона роднит также обилие критики и малое количество позитивных тезисов. Бион нападал на догматических философов: Платона (Olimp. In. Plat. Phaed. Comm., 1847, p. 158. 1–5, p. 211. 14–17), пифагорейцев (Diog. Laert. IV. 7. 52), эпикурейцев (Pap. Herc. 1055 col. 22. 1-12; Pap. Herc. 1520 col. 4.3–7; Euseb. Praep. Evang. 14. 6. 6). Поскольку кинизм подразумевал определенный образ жизни, справедливо определение «кинизирующий философ» по отношению

к Биону. Несмотря на то, что Бион принял внешний образ киника, взяв трибон, кинический плащ, посох и суму (возможно, внешний вид Биона-киника сохранила бронзовая статуя из Антикитерского кораблекрушения, о чем будет сказано в Гл. 6), он продолжил искать богатых учеников, не чуждался общества и помощи царя Антигона. Он не проповедовал строгую аскезу, осуждал богатство не само по себе, но только страсть к накоплению [Анткин, 1996, с. 182–183]; рекомендовал слушателям быть воздержными в пище и питье (Athen. X. 421e–f), но резкого осуждения гедонизма среди его высказываний встретить нельзя. Очевидно, Бион несколько видоизменил кинический образ жизни, и именно по этой причине древние авторы не называли его киником.

Учителем Биона от киренаиков был Феодор, прозванный Безбожником и изгнанный за нечестие из Кирены. Кроме атеизма Феодор проповедовал полную независимость и телесное удовольствие как высшее благо. По всей видимости, Бион вынес из киренской школы не столько атеизм, сколько привычку нападать на народные представления о богах. Собственно об атеизме Биона сохранилось только очень позднее упоминание у Гесихия (VI в. н. э. – De vir. illustr. 13). Оно, с большой вероятностью, вдохновлено эпиграммой Диогена Лаэртского и не содержит цитаты самого Биона. Возможно, именно от киренаиков Бион перенял привычки софистов: основатель школы Аристипп и его последователи путешествовали в поисках слушателей, способных платить за философские лекции. Киренаики не осуждали собственность саму по себе, но только зависимость от нее и неспособность использовать во благо; этой позиции придерживался и Бион (Diog. Laert. II. 8. 72, 75, 81, 103).

Наконец, некоторое время Бион учился у перипатетиков. Судя по всему, его интересовали по большей части этологические и характерологические труды Феофраста [Arnim, 1897, s. 484]. На Биона, составившего яркие описания суеверного человека, скупца, завистника, любителя лести (Plut. De superstit. 7, 168d, De vit. pudor. 18, 536A; Stob. Ant. 4. 33. 31, 3. 38. 504; Maxim. Confess. Loc. commun. 54. 12 – возможно, в этих отрывках переданы фрагменты из одного труда, посвященного разным типам людей), могло повлиять сочинение

Феофраста о характерах. Я. Ф. Кинстранд отмечал лексические совпадения в описаниях характеров у Биона и Феофраста; возможно, Бион цитировал своего последнего учителя или подражал ему [Kinstrand, 1976, p. 71–73].

Итак, стройную авторскую философскую систему Биона воссоздать трудно. Из сохранившихся фрагментов с очевидностью следует только то, что наибольшее влияние на Биона оказал кинизм в его «смягченном» варианте. Бион рассматривал почти исключительно этические проблемы, источником добродетели считал разум и практиковал жизнь странствующего философа, выступавшего с привлекательными для широкого круга слушателей лекциями (отчего его, по-видимому, и называли софистом). При этом он не создал собственной школы и не имел прямых продолжателей: философия Биона, носившая преимущественно отрицательный характер и не имевшая оригинальных положительных тезисов, оказалась малопригодной для создания школы. Диоген Лаэртский вовсе отрицал наличие у Биона собственных учеников (Diog. Laert. IV. 7. 53), сообщая лишь о слушателе Биона – юноше по имени Бетион, которого ругал за бесстыдство и любовную связь с философом. Но об этом Бетионе больше ничего не известно, и маловероятно, что он слушал Биона долгое время, тем более, продолжал его философское направление (Diog. Laert. IV. 7. 54). Напротив, Страбон называл одного «зилота» (ревнителя, последователя) Биона – Аристона Кеосского, который стал впоследствии перипатетиком (Strab. X. 5. 6). Но связи этого философа с Бионом и влияние Биона на Аристона проследить не удается. Предполагают, что Страбон, пользуясь сочинением в популярном жанре «преемств философов», мог перепутать двух философов по имени Аристон, и настоящим ревнителем Биона следует считать стоика Аристона Хиосского, после Клеанфа бывшего схолархом Стои (Diog. Laert. VII. 2. 160) [Гомперц, 1912, с. 206; Асмус, 1973, с. 451; Kinstrand, 1976, p. 80]. Связь между ним и Бионом более правдоподобна: известно, что Аристон презирал свободные искусства и сосредоточивался на этике, находился под влиянием киников и даже учил в Киносарге (Diog. Laert. VII. 2. 161). И Бион, и Аристон вышучивали идею о том, что боги похожи на людей; сравнивали людей,

избегающих философии, с женихами Пенелопы, а мудрого человека – с актером (Diog. Laert. VII. 2. 160). Оба философа считали, что ложные убеждения ведут к страданиям. Аристон Хиосский, как и Бион, конфликтовал с Персеем и Аркесилаем (Diog. Laert. IV. 6. 33; VII. 2. 162). Наконец, у Аристона и Биона обнаруживается общий круг знакомств: Аристон был учителем Эратосфена (Strab. I. 2. 2; Athen. VII. 281c.). Учеником Биона можно считать также Телета Мегарского, жившего в середине III в. до н. э. (акме ок. 240 г. до н. э.). Фрагменты его диатриб ценны именно тем, что Телет не передавал свои философские убеждения, а преимущественно цитировал других авторов, в том числе Биона. Высоко риторический литературный стиль сочинений Телета, возможно, близок к текстам лекций самого Биона [Kinstrand, 1976, p. 82–83; Анткин, 1996, с. 27]. Но больше прямых последователей или ревнителей Биона неизвестно.

Сохранились упоминания о сочинениях Биона. У Диогена Лаэртского они называются *Διατριβές* (диатрибами), *ὑπομνήματα* («сочинениями о достопамятных вещах»), *ἀποφθέγματα* («полезными и дельными изречениями») (Diog. Laert. II. 8. 77, IV. 7. 47). Термин «достопамятные вещи» должен отсылать к заметкам лектора или к запискам слушателя, «дельные изречения» – к популярному жанру сборников апофтегм. Особенно важно замечание о диатрибах Биона. Первые дошедшие до нас диатрибы – записи речей, обыкновенно обличительного характера. Фрагменты диатриб Биона были записаны Телетом Мегарским, в них цитируются фрагменты диатриб Биона. Изобретателем жанра Биона можно назвать лишь предположительно, поскольку есть сведения о диатрибах, написанных философами конца IV – III в. до н. э. (Diog. Laert. II. 84–85). Упоминаются названия сочинений Биона, возможно, диатриб: «О рабстве» и «О гневе» (Stob. Ant. 3. 2. 38; Pap. Herc. 182 col. 1. 12–20), а также одна цитата из сочинения «О рабстве»: «добродетельные рабы свободны, а погрязшие в пороках граждане – рабы множества страстей» (Stob. Ant. 3. 2. 38) [цит. по: Анткин, 1996, с. 174]. Эта мысль не оригинальна и обнаруживает связь с философией киников (например: Diog. Laert. VI. 2. 63). Сочинение «О гневе» упомянул Филодем

Гадарский, оставивший краткое замечание, из которого видно, что Бион в этом сочинении порицал людей, впадающих в гнев, как и Хрисипп в сочинении «О страстях» – тематика этического сочинения была, насколько известно, единственной связью Биона со стоической школой (Phil. Pap. Herc. 182 col. 1. 16 20). Сочинения Биона, судя по фрагментам в диатрибах Телета Мегарского, характеризовались высокой риторичностью стиля, использованием различных литературных приемов, чередованием выражений поэтических и грубых, обыденных, что должно было привлечь слушателей [Mullach, 1875, p. 421; Тронский, 1946, с. 235; Kinstrandt, 1976, p. 22–49]. По-видимому, это обусловило наименование Биона софистом и замечание Эратосфена о том, что философия Борисфенита напоминает пестрое платье гетеры. Именно стилем Биона, а также яркими сюжетами его биографии объясняется интерес к нему античных и средневековых авторов, начиная с III в. до н. э. вплоть до времени составления словаря «Суда» (X в.) и «Общих мест» Антония Мелисского (конец XI – первая половина XII в.)

Дифил Боспорский. На время ученичества Биона Борисфенита в Афинах приходится время деятельности выходца из Боспорского царства – Дифила, сына Евфанта. О Дифиле известно только из одного упоминания в сочинении Диогена Лаэртского. Собственного жизнеописания Дифила не приводится, о нем говорится только как об ученике мегарика Стильпона. Диоген передал, по его словам, дословную цитату из Филиппа Мегарского, в которой сообщается, что Стильпон «отбил» двух учеников у Феофраста, еще двух – у Аристотеля Киренского, «и даже среди самих диалектиков он сманил Пеония из Аристидовой школы, а Дифила Боспорского, сына Евфанта, и Мирмека, сына Эксенета, вышедших спорить против него, сделал своими страстными приверженцами» (Diog. Laert. II. 11. 113–114). Труд Филиппа Мегарского, а это, очевидно, был трактат в жанре «преемств философов», не сохранился.

Из единственного краткого сообщения следует, что Дифил жил во второй половине IV – начале III в. до н. э. Его оппонент, а затем учитель – Стильпон из Мегар – учил в Афинах в последней четверти IV – начале III в. до н. э.

Определить годы жизни Дифила точнее не представляется возможным. Показательно, что он прибыл в Афины в то время, когда жизнь философских школ в городе была чрезвычайно насыщенной, возникали новые направления. В 310-е гг. до н. э. у Стильпона учился Зенон Китийский, будущий основатель стоической школы и учитель Сфера Боспорского, другого знаменитого выходца из Северного Причерноморья; в конце IV в. до н. э. возникла община Эпикура; до 307 г. в рамках киренской школы в Афинах преподавал Феодор Безбожник; на 300 г. пришелся расцвет Пиррона, основателя скептического направления в философии. Продолжали активно действовать известные еще с первой половины IV в. до н. э. Академия и школы сократиков (киники, киренаики, элидо-эритрийская и мегарская школы), созданный в 335 г. Ликей [Диог. Лаэрт., 1986, с. 566; Desmond, 2008, p. 567].

Обращает на себя внимание наличие патронимика у Дифила – он единственный философ из Северного Причерноморья, отчество которого сохранилось в труде Диогена Лаэртского. Это само по себе не означает высокого социального статуса Дифила: в цитате из Филиппа Мегарского патронимики, судя по всему, приводятся без видимой системы. Но следует отметить, что на Боспоре имена Дифил и Евфант носили выходцы из высших слоев общества, они присутствуют, например, среди имен победителей в перечне Горгиппийского агонистического каталога (КБН 1137).

Источник ничего не сообщает о дальнейшей судьбе Дифила. В литературе высказывались следующие предположения: Дифил, получив образование и некоторую известность в Афинах, на родину не вернулся [Молев, Матукина, 2016, с. 63–64]; Дифил мог вернуться на родину и учить сограждан [Петрова, 2000и, с. 67], в том числе, Сфера Боспорского до его путешествия в Афины [Шевченко, 2016, с. 177–178]. Последнее предположение высказано О. К. Шевченко, связавшего интерес Сфера, будущего стоика, к вопросам логики и гносеологии с обучением у Дифила (поскольку мегарики разрабатывали эти вопросы). Версия внутренне логична и хронологически вероятна, но найти ей подтверждение не представляется возможным. Вопросы познания – далеко не единственное

направление философии, которое интересовало Сфера Боспорского (Diog. Laert. VII. 6. 178). Мысли, высказанные Сфером, как будет показано, находят соответствие с традицией Ранней Стои, в частности, с фрагментами из сочинений Зенона Китийского. Поэтому нет достаточных оснований приписывать Сферу «мегарское прошлое» и считать Дифила его учителем, как и нет оснований утверждать возвращение Дифила на Боспор.

О философских идеях Дифила почти ничего не известно, как неизвестны и названия его трудов. В какой-то период жизни и ученичества Дифил должен был принимать идеи Стильпона. Мегарская школа не имела жесткой и четко оформленной организации, поэтому большую роль играл личный авторитет того или иного схоларха или просто учителя. Известно, что Стильпон уделял большое внимание диалектике: Диоген Лаэртский передает рассказ, согласно которому Стильпон поставил в тупик своими задачами другого мегарика, Евбулида, автора парадоксов «Рогатый» и «Человек под покрывалом» (Diog. Laert. II. 10. 111). Стильпон критиковал понятия об идеях, которым учили преемники Платона, высмеивал популярные представления о богах, но за счет «тонкости» этой критики сумел избежать суда за нечестие (Diog. Laert. II. 11. 116–117). О философии Стильпона известно также, что она предполагала достижение независимости от аффектов и внешних условий, победу над страстями в качестве идеала и доверие не чувственному восприятию, а только разуму (Seneca. Epist. IX. 1–3; Plut. De Liber. educ. 8; De tranquil. Animi. 6; Cic. De fat. V. 10) [Бриссон, 2016, с. 159, 169, 172].

Поскольку Дифил поначалу спорил со Стильпоном и только после стал его приверженцем, необходимо определить, к какому направлению эллинистической философии он принадлежал ранее. К сожалению, здесь ничего не дает сообщение о соученике Дифила, Мирмеке, известного только из сочинения Диогена Лартского и «Этники» Стефана Византийского (Steph. Byz. Ethnic. V – по сути, это цитата из Диогена Лаэртского). Упоминание о неком философе Дифиле, учившемся в Афинах во время, близкое ученичеству Дифила Боспорского, сохранилось в биографии стоика Аристона Хиосского: «Мильтиада и Дифила

называли "аристоновцами"» (Diog. Laert. VII. 2. 161). Но о Мильтиаде, ученике Аристона, тоже ничего не известно. Зенон Китийский начал преподавать свое учение в начале III в. до н. э., умер в 262 г. Аристон Хиосский стал преподавать в Киносарге самостоятельно еще при жизни своего учителя Зенона, «отложившись» от него тогда, когда стареющий мудрец тяжело заболел. При этом уход Аристона обыкновенно датируют 275 г. до н. э., то есть пятью годами позднее смерти Стильпона, что не позволяет предположить перехода Дифила от стоиков к мегарикам [Диог. Лаэрт., 1986, с. 568]. Более вероятное указание на школу, в которой обучался Дифил до встречи со Стильпоном, содержится в самой цитате из Филиппа Мегарского. Он перечисляет учеников, которых «сманил» Стильпон у других философов: киренаиков, перипатетиков, «даже самих диалектиков» – и тут же следует рассказ о Дифиле с Мирмеком. «Диалектики» – это другое название мегариков (Diog. Laert. II. 106. 111), значит, Дифил пришел к Стильпону от другого философа мегарской школы. Если Пеония Стильпон «сманил» от мегарика Аристида, то наставник Дифила и Мирмека не указан. Возможно, что они уже завершили свое обучение и выступали как самостоятельные философы, отчего и вышли на диспут со Стильпоном.

Следует отметить, что если Дифил Боспорский и пользовался успехом при жизни, упоминался в сочинениях «жанра преемств», то вскоре был забыт, его сочинения не переписывали и из них не делали извлечений; отдельные цитаты Дифила могли быть приписаны более известным философам.

Сфер Боспорский был младшим современником Биона и Дифила (но все три философа, вероятно, не были связаны). Большая часть источников, из которых известно о Сфере, относится к более позднему периоду, чем жизнь Сфера; они фрагментарны, но позволяют, в целом, судить об основных этапах его биографии и особенностях философии.

Время жизни Сфера можно определить только по времени деятельности его современников. Известно, что Сфер по прибытию в Афины учился у Зенона Китийского (умер в 262 г. до н. э.), впоследствии принимал участие в реформах спартанского царя Клеомена III (погиб в 220 г. до н. э.) (Diog. Laert. VII. 1. 38, VII.

1. 139, VII. 6. 177–178; Plut. Cleom. 22–23). Ко времени обучения в стоической школе Сферу должно было исполниться около 20 лет, поэтому справедливо считать, что он родился не позднее 280 г. до н. э. и умер не ранее 220 г. Все остальные события жизни Сфера точной датировке не поддаются.

У Плутарха Сфер назван Борисфенитом, у Диогена Лаэртского – Боспорянином (Plut. Cleom. 23; Diog. Laert. VII. 6. 177–178). Значительная часть исследователей принимает версию Диогена Лаэртского [Стемпковский, 1828, с. 204; Латышев, 1887, с. 143; Спиридонов, 1918, с. 216; Верлинский, 1992, с. 151, Шевченко, 2016, с. 176]. Иногда указывают оба этникона [Ollier, 1936, p. 543–544; Скржинская, 2014а, с. 32, 37; Макгаффи, 2013, с. 170–175; Фрагм. ран. стоик., 2002, Т. I, с. 210] или, следуя Плутарху, называют Сфера Борисфенитом [Васильевский, 1869, с. 148; Варнеке, 1916, с. 22; Дарвин, 2003, с. 171–190; Печатнова, 2011, с.174–200; Печатнова, 2012, с. 65–100]. Более вероятной представляется версия о боспорском происхождении Сфера. В пользу этникона «Боспорянин» говорит то, что источники Диогена Лаэртского о Сфере были куда более подробными, они происходили из стоической школьной традиции (на что указывает фрагмент: Diog. Laert. VII. 1. 39–160). Диоген был внимателен к разночтениям в этниконах и приводил различные версии. Плутарха же Сфер интересовал лишь в той мере, в какой он влиял на молодого царя Клеомена и на процесс реформ по восстановлению спартанских обычаев. По всей видимости, источник Плутарха менее подробен и надежен. Нет свидетельств и тому, что Плутарх читал о Сфере у его современника – историка Филарха (сочинение которого служило Плутарху источником при описании событий III в. до н. э.) [Стемпковский, 1828, с. 205; Верлинский, 1992, с. 148–149]. Плутарх мог ошибиться и по следующей причине: он совместил известные ему сведения о происхождении Сфера со сведениями о родине другого причерноморского философа эллинистического времени – Биона Борисфенита, которого, как было показано, хорошо знал и неоднократно цитировал.

Как и в случае с Бионом, ни один античный автор не указал патронимик Сфера. Но это не обязательно свидетельствует о происхождении философа из

социальных низов. У Диогена Лаэртского патронимик приведен для многих учеников Зенона, даже для бывшего раба Персея, но у некоторых свободнорожденных стоиков он отсутствует (Diog. Laert. VII. 1. 36–38). Что касается этнического происхождения Сфера, он, судя по всему, был греком. Кроме греческого имени, образованного от слова *σφαῖρα* (конечно, его мог носить и человек смешанного происхождения), на это указывает и полное отсутствие каких-либо намеков на варварское происхождение Сфера у древних авторов [Shantraiine, 1977, p. 1074]. Несмотря на высказывавшиеся предположения о варварском происхождении Сфера и о влиянии периферийного происхождения на его философское творчество [Стемпковский, 1828, с. 209; Спиридонов, 1918, с. 203; Варнеке, 1916, с. 22; Поленц, 2015, с. 352; Верлинский, 1992, с. 176–177; Шевченко, 2016, с. 178], необходимо учитывать, что сведения о Сфере, которые дошли до нас, не несут в себе ничего специфически «периферийного». Античные авторы, писавшие о нем, не интересовались и связями философа с Боспором. Страбон передавал, что у Хрисиппа, соученика Сфера, был труд, в котором рассказывалось о «боспорских царях династии Левкона» (Strab. VII. 3. 8); согласно Плутарху, Хрисипп восхвалял царя Левкона (Plut. de Stoic. rep. XX. 3). Но неизвестно, повлиял ли Сфер на написание Хрисиппом труда, где рассматривалась боспорская монархия. Когда античные авторы цитировали Сфера по вопросам истории и политики, они упоминали Спарту, но никак не Боспор. Видимо, каких-либо прочных связей с родиной Сфер не сохранил.

Прибыв в Афины, Сфер стал обучаться в недавно созданной стоической школе и, видимо, учился только в ней. Он слушал Зенона Китийского и из многочисленных учеников основателя Стои стал одним из наиболее известных (Diog. Laert. VII. 1. 36–38; Plut. Cleom. 23). После смерти Зенона Сфер учился у его преемника – Клеанфа из Асса. Обучение Сфера в Стое происходило в одно время с обучением Хрисиппа из Сол, будущего знаменитого систематизатора учения. С ним у Сфера установилась тесная связь, Хрисипп посвятил Сферу «Ответ на Аркесилаево руководство» (опровержение учения средней, скептической академии) (Diog. Laert. VII. 7. 196; Athen. VIII. 354e).

Нужно ли было Сферу иметь хорошее образование, чтобы усвоить стоические идеи? Положительный ответ на этот вопрос позволил бы привлечь участие Сфера в философском движении Ранней Стои в качестве свидетельства высокого развития образования и культуры на Боспоре в III в. до н. э. Но требования ранних стоиков к начальному уровню подготовки учеников не известны, в отличие от требований пифагорейцев и академиков (знать геометрию, астрономию и музыку – Diog. Laert. IV. 2. 10; Iust. De Triph. Jud. II). Основатель стоического направления, Зенон, был высокообразованным человеком. Прибыв в Афины, он учился у киника Кратета, затем у мегариков (Стильпона) и академиков (Ксенократа и Полемона). Надо полагать, он усвоил необходимые для академиков дисциплины. Но в учении Зенона мы не встречаем сколько-нибудь выраженного интереса к математике. Нет оснований полагать, что Зенон требовал какого-либо дополнительного образования от тех, кто собирался поступить в его школу (Diog. Laert. VII. 1. 22). Таким образом, боспорянину вполне могло хватить общего школьного курса, чтобы затем учиться у Зенона и Клеанфа. Его обучение у стоиков не свидетельствует о триумфе боспорской школы III в. до н. э., но лишь наряду с другими источниками подтверждает ее существование, а также демонстрирует интерес к философии в Северном Причерноморье.

У Зенона Сфер обучался в поздний период жизни основателя стоической школы, когда уже сложились основные идеи Ранней Стои [Поленц, 2015, с. 59–337]. Эти идеи были восприняты Сфером и отображены в его сочинениях, о чем свидетельствуют даже немногие сохранившиеся фрагменты. Они обнаруживают строгое, «ортодоксальное» следование учению Стои [Столяров, 1995, с. 230]. Стоики делили философию на три смысловые части: логику, физику, этику (Diog. Laert. VII. 1. 40). Все эти части виделись им взаимосвязанными: освоение правил познания ведет к правильным представлениям об устройстве мира, а затем – к правильной и счастливой жизни, достижению апатии, свойственной настоящему мудрецу [Столяров, 1995, с. 36–37]. Сфер занимался всеми тремя направлениями философии; исходя из названий трудов, которые приведены у Диогена Лаэртского, можно разделить его сочинения на логические, физические и

этические. Наиболее обоснованное разделение предложил А. А. Столяров в научном комментарии к «Фрагментам ранних стоиков» [Фргм. ранн. стоик., 2001, с. 229].

Логике посвящены восемь сочинений, в названиях которых отражены основные проблемы, разрабатывавшиеся в период становления школы: вопросы познания, восприятия, критерия истины, правильного суждения. Стоицизм был первой школой, которая упорядочила изучение грамматики; и названия «О двусмысленностях» и «Об определениях» свидетельствуют о том, что Сфер занимался также лингвистическими проблемами, исследуя то, как с помощью обозначающего наиболее точно отразить обозначаемое. В этих вопросах Сфер преуспел; сохранилось замечание Цицерона о том, что стоики считали его «искусником по части определений» (Cic. Tusc. Disp. IV. 53.).

Физическим вопросам Сфер посвятил десять сочинений, в названиях которых снова прослеживается общий круг стоических проблем: учение Гераклита; критика атомистической физики Демокрита; учение об органах чувств; прорицания (включенные в список физических проблем, ведь, согласно воззрениям стоиков, даже случайные признаки могут пролить свет на единый закон, которым управляется мир) [Асмус, 1973, с. 487; Брюнсвиг, 2006, с. 574–576; Столяров, 1995, с. 49–54]. Некоторые названия сочинений Сфера в этом разделе совпадают не только с тематикой, но и с названиями трудов его учителей и соучеников. «Толкования к Гераклиту» написал Клеанф, «О состоянии» – Хрисипп, «О случае» (или «О судьбе») – Зенон и Хрисипп (Diog. Laert. VII. 7. 202); сочинения «О прорицании» есть также у Хрисиппа, Диогена Вавилонского и Антипатра из Тарса (Cic. De div. II. 35, 90; Diog. Laert. VII. 1. 149).

Этическим проблемам Сфер посвятил наибольшее количество трудов – 14. Обращает на себя внимание название «Диатрибы» – этот жанр был общим для ранних стоиков и киников. Трактат под названием «О надлежащем» есть и у Клеанфа (Diog. Laert. VII. 4. 175), этический трактат «О подобном» – у Хрисиппа (Diog. Laert. VII. 7. 200). Что касается сочинения «О смерти», то произведение с таким названием было единственным в раннестоической литературе. Стоики

находили смерть явлением адиафорным, не относящимся ни к злу, ни к благу; но при этом школьная традиция сохранила рассказы о добровольном уходе из жизни двух первых схолархов – Зенона и Клеанфа (Diog. Laert. VII. 1. 95; Diog. Laert. VII. 4. 176). По-видимому, сочинение Сфера было вдохновлено смертью учителей. Невозможно точно определить, содержало ли оно апологию суицида. Существует лишь вероятность наличия такого текста у Сфера, поскольку и его соученик Хрисипп затрагивал тему «благоразумного ухода» (*ἔυλογος ἐξαγωγή*) из жизни (SVF. 757–768).

Обыкновенно считают, что труды Сфера о Спарте появились в результате посещения философом Лаконики [Olliers, 1936, p. 548–549; Дарвин, 2003, с. 178]. Но это могли быть и исключительно теоретические труды. Интерес к Спарте, идеализация ее общественного строя были обычным явлением среди сократиков. Сфер мог поначалу заинтересоваться лаконскими законами, даже написать соответствующие труды в Афинах и только после этого совершить поездку в Спарту, чтобы осуществить тот идеал, к которому призывал «спартанский мираж» [Еремин, 2010, с. 184–185; Светлов, 2011, с. 363–374; Чернышов, 1997, с. 3–15]. По крайней мере, у соученика Сфера, Персея, было сочинение под названием «О государственном устройстве лаконян», при этом о пребывании Персея в Спарте ничего не известно. Как бы то ни было, у нас нет достаточных оснований для определения хронологии сочинений Сфера.

Сохранились некоторые фрагменты трудов Сфера, и они также соответствуют «ортодоксальному» направлению в Ранней Стое, во многом перекликаясь с фрагментами Зенона. Так, Диоген Лаэртский процитировал фрагмент из физического сочинения Сфера, но не привел его названия (по-видимому, Диоген пользовался не полными текстами сочинений стоиков, а выписками из них). По содержанию фрагмента ясно, что речь идет о трактате «О семени», цитата Сфера совпадает с мнением Зенона о наследственности (Theodor. Cyr. Graec. Affect. Curat. V. 26; Euseb. Praep. XV. 20. 1; Plut. De cohib. ira 15, 462f; Aet. V. 4. 1.; Diog. Laert. VII. 1. 158). Еще один фрагмент процитирован Аэтием. Название трактата снова не упомянуто, но ясно, что речь идет о сочинении «Об

органах чувств»: Сфер описывал природу зрения. Мнение Сфера Аэтий назвал также общестоическим (Aet. IV. 15. 1–2) [Столяров, 2008, с. 721; Фрг. ран. стоик., 2002, с. 212]. Обращает на себя внимание цитата из сочинения Сфера, посвященного Спарте. Герой Афинея процитировал фрагмент 3-й книги «О спартанском государственном устройстве», рассказывая о фидитиях – общественных трапезах, установленных Ликургом (Athen. IV. 141c–d). В этом фрагменте нет ничего специфического, что Сфер мог бы узнать исключительно внутри Спарты. Афинеем приведена и схожая цитата из Персея (Athen. VIII. 354e.). Афиней указал на то, что такие же сведения о фидитиях сообщает и Диоскурид, ученик Исократа (Athen. IV. 141c–d). Плутарх процитировал еще один фрагмент из сочинения Сфера о Спарте. В цитате говорится о количестве человек в герусии: по Аристотелю, Ликург установил количество 30 человек, а Сфер настаивает на том, что изначально было 28 геронтов. Плутарх привел возможную причину установления количества геронтов: 28 – первое после 6 число «совершенное», равное сумме своих множителей. Но это, скорее, версия Плутарха, а не сведения, полученные Сфером в Спарте (Plut. Lic. 5).

Сохранились также изречения Сфера, сказанные им при дворе Птолемеев. Они касаются вопросов стоической логики и этики. Диоген Лаэртский и Афиней с небольшими расхождениями передают, что Сфер заявил царю: у мудреца не бывает ложных мнений. Желая опровергнуть Сфера, царь распорядился подать к столу восковые гранаты (у Диогена Лаэртского; у Афинея – птицы), и Сфер принял их за настоящее угощение. Впрочем, Сфер сумел выйти из положения, сказав, что принял не мнение о том, что перед ним подлинное угощение, но только признал вероятность этого (Diog. Laert. VII. 177. 6; Athen. VIII. 354e). Большинством исследователей диалоги Сфера с царем просто пересказывались без анализа в контексте раннестоической философии. Мы располагаем только некоторыми попытками интерпретировать текст:

- тезис Сфера дóлжно понимать как предостережение от излишнего доверия к «области зрительных ощущений» [Спиридонов, 1918, с. 219];

- Сфер не просто апеллировал к принятому у стоиков различию между достоверностью и возможностью, но и ответил царю: он «не счел вероятным, чтобы за столом у царя было что-либо несъедобное» [Рассел, 1997, с. 190];

- диалог на пиру имел иносказательный и драматический оттенок: Сфер говорил не об угощении, а о личных характеристиках Клеомена или самого Птолемея IV [Шевченко, 2016, с. 186].

Но все эти интерпретации содержат аргументы, далекие от раннего стоицизма: слова Сфера о недоверии зрительным ощущениям могли быть дополнены Афинеем, поскольку Сфер как убежденный стоик должен был доверять органам чувств; кроме того, неизвестно, пришлась ли беседа царя и философа на время пленения Клеомена. Из текста видно, что термины, которые употребляют в этом отрывке царь и философ, круг вопросов и способы их решения напрямую относятся к стоической философии. Во-первых, это представление о мудреце, нравственном идеале стоиков. Согласно этому идеалу, мудрец не подвержен ложным мнениям. Кроме того, он один истинный царь, обладающий всеми добродетелями, недоступными простым людям [Поленц, 2015, с. 279, 327–333]. Странно, что Сфер в диалоге претендует на то, чтобы называться мудрецом. Его учителя, Зенон и Клеанф, не называли себя мудрецами. Возможно, Сфер не считал себя достигшим конечной цели совершенствования, он только высказывал при дворе Птолемея стоическое представление о мудреце, а после шутки царя был вынужден защищать не себя, а стоическое представление об истинном познании. Согласно стоической доктрине, процесс познания выглядит следующим образом: сначала происходит впечатление, а затем разум, обладающий способностью высказывания, выражает в словах то, что воспринимает впечатление. Впечатление – это чувственное восприятие, *φαντασία αἰσθητική*. Оно всегда истинно. Не истинным бывает только суждение о чувственном восприятии. Когда человек получает чувственное представление, которое облекает в слова, он может с ним согласиться или отвергнуть. При согласии происходит «схватывание», каталептическое, постигающее представление – *φαντασία καταληπτικὴ* (Diog. L. VII. 1. 46; Sext. Adv. Math. VII.

151). Согласиться можно и с неверным высказыванием о сути впечатления, тогда образуется ложное мнение – *δόξα* [Столяров, 1995, с. 57; Поленц, 2011, с. 112]. Сфер в случае с гранатами или птицами принял ложное мнение, однако нашел удачный выход: чувственное представление его не обмануло, ведь он согласился не с ложным мнением «это совершенно точно настоящие гранаты/птицы», а с корректной формулировкой «вероятно, это настоящие гранаты/птицы». В тексте Диогена Лаэртского используются именно эти стоические термины: *φαντασία καταληπτικὴ, δόξα* [Diogenes Laertius, 1925, p. 284], поэтому можно заключить, что Сфер в диалоге с царем отстаивал положения ортодоксального раннестоического учения.

Другой фрагмент диалога с участием Сфера также содержит отсылку к идеалу стоического мудреца: «Если Птолемей именно таков, то он царь». Это место понимают следующим образом: Сфер намекнул на то, что Птолемей – мудрец, а мудрец – это и есть царь. Иной вариант толкования: Птолемей является царем (носит этот титул), поэтому если он соответствует своему титулу, то его можно признать настоящим царем [Фрг. ран. стоик., 2012, с. 212; Петрова, 2000и, с. 70–71]. Следует уточнить, что кроме желания Сфера выйти из затруднительного положения, здесь обнаруживаются определенные правила построения сложных стоических силлогизмов, необходимых для анализа чувственных впечатлений (например: «если светло, то светло; но светло; следовательно, светло»), а значит, это снова отсылка к стоической теории познания (Cic. Ac. pr. 11. 96) [Столяров, 1995, с. 53].

Керкид в «Мелиямбах» сообщил еще об одной особенности философии Сфера: тот питался растительной пищей (POXy 1082. Pl. II. Fr. 5). Отрывок сложно пояснить однозначно. О вегетарианстве ранних стоиков ничего не известно, а аскетические привычки Зенона приравнять к вегетарианству нельзя (Diog. Laert. VII. 1. 27). Только Сенека, представитель поздней Стои, придерживался растительной диеты недолгое время [Рист, 2001, с. 374]. Возможно, у Керкида речь шла об аскетических практиках, которые были бы вполне естественны для ученика Зенона и Клеанфа. Но общий тон «Мелиямбов» –

это насмешка, потому сообщение о диете Сфера может и не иметь прямого отношения к действительным убеждениям и стилю жизни философа [Анткин, 1996, с. 208–210].

Известно, что Сфер путешествовал и некоторое время жил при царях Спарты и Александрии (Plut. Cleom. 23; Athen. VIII. 354e; Diog. Laert. VII, 6, 177–178). Диоген Лаэртский сообщал о двух поездках Сфера в Александрию: при жизни Клеанфа (к Птолемею II Филадельфу или Птолемею III Эвергету) и во время правления Птолемея IV Филопатора. Точная хронология путешествий Сфера неясна. В историографии предлаглись различные варианты ее реконструкции, включающие несколько поездок в Спарту (при царе Агисе IV или до его воцарения; после – во время правления Клеомена III) и эпизодические поездки на родину, в Северное Причерноморье [Стемпковский, 1828, с. 206–207; Васильевский, 1869, с. 319, 148–149; Блаватский, 1964, с. 112; Ollier, 1936, p. 543–548; Спиридонов, 1918, с. 218–243]; однако последнее допущение невозможно подтвердить. Существует вероятность, что была только одна поездка Сфера в Александрию, а упоминание о том, что он был прислан Клеанфом к кому-то из ранних Птолемеев, – это смешение нескольких фактов при передаче от источника к источнику.

С учетом имеющихся источников и выводов, сделанных исследователями биографии Сфера, наиболее вероятной представляется следующая примерная хронология его путешествий. Не позднее 260-х гг. до н. э. Сфер прибыл из Пантикапея в Афины (у Зенона он мог учиться не позднее 260-х гг.; у Клеанфа – не позднее 230/231 г. [Поленц, 2015, с. 51]); во время между обучением в Афинах и участием в реформах царя Клеомена (начало 220-х гг.) произошли поездки Сфера в Александрию и в Спарту (вероятно, при Агисе). В этот период с просьбой прислать ученика обратиться к Клеанфу мог как Птолемей II, так и Птолемей III; оба царя заботились о развитии науки и культуры в своем государстве [Mahaffy, 1899, p. 67–70, 85–86; Макгаффи, 2013, с. 125–130; Тарн, 1949, с. 242–293]. В 220-х гг., вероятно, после гибели Клеомена, Сфер жил в Александрии при Птолемее IV. Дальнейшая биография Сфера неизвестна.

Один из наиболее важных эпизодов биографии Сфера – его пребывание в Спарте и участие в реформах царя Клеомена III (правившего в 235–221 гг.). Реформы предусматривали упразднение эфората, увеличение количества граждан за счет периэков – и, соответственно, пополнение армии, наделение граждан землей. Это преподносилось как возвращение к ликурговой Спарте и «отеческим обычаям» (Plut. Cleom. 31–32, 39). Реформаторское движение началось еще при царе Агисе IV (262–241 гг.), но потерпело неудачу, а царь был казнен (Plut. Agid. 8–13, 19–21). В 20-е гг. III в. реформы Агиса продолжил Клеомен III. Плутарх сообщил об этом, указав на то, что Клеомен слушал Сфера еще подростком, в первый приезд философа в Спарту (при Агисе IV или Леониде II). Когда же Клеомен стал царем, он возродил ликургову систему воспитания «при самой деятельной помощи и поддержке Сфера» (Plut. Cleom. 32). Больше к участию Сфера в реформах Плутарх не возвращался, других же источников о роли Сфера в реформах нет. Керкид Мегалопольский в «Мелиямбах» упоминал Сфера в негативном ключе, вероятно, именно потому что Сфер был близок к спартанскому царю, разрушившему родной город поэта в ходе Клеоменовой войны (229/228–222 гг.) против Македонии и Ахейского союза (Plut. Cleom. 45–47). Но сведений по нашему вопросу сохранившийся отрывок «Мелиямбов» не добавляет.

Высказывались различные точки зрения относительно участия Сфера в реформе. Как было показано в историографическом очерке, в различных работах это влияние представлено как определяющим [Дройзен, 1995, с. 364; Васильевский, 1869, с. 139–140; Ollier, 1936, p. 565–566; Konstantakos, 2013, p. 74–81; Michell, 1964, p. 323–326; Шевченко, 2016, с. 182], так и ограниченным [Africa, 1959, p. 461–469; Тарн, 1949, с. 298–300; Печатнова, 2011, с. 178–179; Печатнова, 2012, с. 71; Печатнова, 2013, с. 284–285, 321–323, 346–347]. Последняя точка зрения представляется более аргументированной. Безусловно, стоики интересовались спартанским государством и находили необходимым принимать участие в политике. Но нет никаких сведений о том, что участие Сфера в реформах распространялось на что-либо кроме воспитания юношества. С другой

стороны, нельзя считать влияние Сфера совершенно незначительным. Плутарх специально отметил влияние философов-стоиков на реформаторов – Клеомена в Греции и Гракхов в Риме (Plut. Tib. Gr. 8). Из сообщения Плутарха следует, что Сфер имел успех и определенное влияние на юного Клеомена (Plut. Cleom. 23), но продолжение реформ обусловливалось не одними только лекциями философа. Сам Плутарх объяснял деятельность Клеомена кроме влияния Сфера и жены Агиатиды (вдовы реформатора Агиса IV) и другими субъективными и объективными факторами: честолюбием царя (Plut. Cleom. 22), военными, политическими и социально-экономическими условиями, в которых оказалась Спарта (Plut. Cleom. 24).

О последнем периоде жизни и о смерти Сфера сведений не сохранилось. После смерти Клеомена он мог остаться при дворе Птолемея или уехать в Афины. Об учениках Сфера также ничего неизвестно, хотя его сочинения, как видно по цитатам позднейших авторов, пользовались авторитетом. Поскольку Сфер писал стоические трактаты в тот период, когда учение Ранней Стои еще не было упорядочено Хрисиппом, вполне возможно, что некоторые принципы были впервые сформулированы именно Сфером, но впоследствии стали восприниматься как общестоические (как в случае с описанием природы зрения). Но не вызывает сомнения то, что Сфер был видным представителем раннестоической школы, и, в отличие от Хрисиппа, не только теоретиком, но и практиком.

2.2. Просопография философов античных городов Северного Причерноморья по эпиграфическим источникам

Помимо тех философов, о которых писали античные и средневековые авторы, несколько имен мыслителей известно из эпитафий на погребальных памятниках Северного Причерноморья.

Смикр. Наиболее раннее надгробие философа в Северном Причерноморье – пантикапейская стела Смикра, найденная, по предположению В. В. Латышева, в 1852–1853 гг., а затем пропавшая во время Крымской войны. Удалось сохранить надпись, копия с нее была снята, вероятно, директором Керченского музея древностей К. Р. Бегичевым. Эпитафия, по чтению В. В. Латышева, сообщала: «[Это] памятник Смикра, который был велик верою, у которого справедливость была внедрена в уме природою от рождения (дословно: с корня). Его воспитали Музы, а он учил на распутиях и дал [согражданам]…». Последнюю строку В. В. Латышев оставил без восстановления, впоследствии предлагалось несколько различных конъектур, которые должны были содержать «характеристику педагогической деятельности умершего» [Латышев, 1922, с. 92]. А. И. Доватур восстановил последнюю строку так: «дал согражданам наилучший образ мыслей». Это восстановление вошло в «Корпус боспорских надписей» [КБН 118, с. 116]. (Прил. I. Табл. 3. №1.) Вариант перевода, предложенный составителями «Антологии источников по истории, культуре и религии Древней Греции»: «был велик убежденностью… дал согражданам наилучшие устремления» [Антология.., 2000, с. 484]. Общепринятая датировка надписи – IV или III в. до н. э. [Блаватский, 1964, с. 111; Блаватский, 1984, с. 219; Петрова, 2000и, с. 67; Петрова, 2000, с. 259; Петрова, 2002, с. 85; Молев, 2003, с. 337; Шевченко, 2016, с. 178].

Под служением Музам чаще всего понималось поэтическое творчество, но также и другие виды искусства, например, архитектура (AP. VII. 355). И философия могла пониматься в качестве деятельности, вдохновляемой Музами (Plat. Phaed. 61a–b). На философские занятия Смикра указывает сообщение о том, что он учил сограждан на перекрестках, поскольку такое описание нехарактерно для деятельности поэта. «Распутья» или «перекрестки» можно понимать более широко – как то, что Смикр учил в публичных местах [Латышев, 1922, с. 94; Блаватский, 1964, с. 111; Скржинская, 2014а, с. 38]. Это (и тем более буквальное понимание – учил на перекрестках), вероятно, указывает на сократическое направление философии Смикра [КБН, с. 116; Петрова, 2000, с. 159–160; Петрова, 2002, с. 85; Новичихин, 2006, с. 56; Шевченко, 2016, с. 178]. Как следует из

эпитафии, Смикр преподавал свое учение всем желающим. Значит, его философия была доступной для неподготовленного слушателя и должна была касаться преимущественно вопросов этики. Если такое понимание верно, то Смикр действительно мог относиться к какой-либо из сократических школ. Доступный характер учения Смикра и заботы о «воспитании сограждан» походят на стиль Сократа, описанного ранним Платоном и Ксенофонтом [Властос, 2006, с. 138–145]. Простота и преимущественно этический характер философии соответствуют также тому, как учили киники или кинизирующие философы [Тарн, 1913, с. 237–239]. Высказывалось предположение, что Смикр мог быть представителем не сократиков, а Ранней Стои; тогда указание в эпитафии на то, что Смикру были присущи справедливость (*τὸ δίκαιον*) и разумность (*φρόνησις*), следует рассматривать как указание на добродетель в понимании стоиков [Молев, Матукина, 2016, с. 65]. Но это предположение сложно подтвердить из-за не совсем ясной датировки памятника Смикру: если стела все же поставлена в конце IV в. до н. э. или в начале III в. до н. э., то пантикапейский мыслитель вряд ли мог познакомиться со стоическим учением; а датировка памятника III–II вв., предложенная Пееком, недостаточно аргументирована (КБН, с. 116). Кроме того, указания на разумность и справедливость в качестве добродетелей образцового гражданина и/или мудреца встречаются в произведениях учеников Сократа, с учениями которых Смикр мог познакомиться уже в IV в. до н. э. Так, разумность (в некоторых местах – рассудительность) и справедливость сопоставляются в «Государстве» Платона, где наряду с мужеством и мудростью называются добродетелями как идеального государства, так и совершенного человека – философа (Plat. Resp. I. 349d, IV. 427e, VI. 487a, 490c, IX. 591b). В «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонт передавал мысль учителя о связи разума и справедливости, а также о том, что справедливость есть мудрость (Xen. Mem. II. 2. 1, 14; III. 9. 5). Этические произведения о справедливости писали и ранние киники, вслед за Сократом высказывавшие утверждения о разуме и справедливости как о главных человеческих добродетелях (Cratet. Epist. 15; Phil. Alex. Quod omn. prob. lib. sit. V. 28; Dion Chrys. Or. VIII. 5; Diog. Laert. IV. 1. 13,

18, IV. 2. 24, 38, 71; Theodor. Cyr. Graec. affect. curat. III. 53). Поэтому представляется корректным остановиться на версии об общесократическом характере учения Смикра, без уверенного отнесения его к какой-либо конкретной школе.

Смикр был уроженцем Боспора: в эпитафии сказано, что он учил сограждан; к тому же обыкновенно иностранное происхождение указывалось в боспорских эпитафиях (КБН 124, 129, 131, 134 и др.), а в эпитафии Смикра оно отсутствует. С учением сократиков (или стоиков) он мог познакомиться при обучении в Афинах, после чего вернулся в Пантикапей.

Высказывалось предположение, что Смикр, как старший современник Сфера Боспорского, мог быть и его учителем в Пантикапее, до отъезда Сфера в Афины [Новичихин, 2006, с. 57; Молев, Матукина, 2016, с. 65]. Если принять эту версию, выстраивается не только биография философа Смикра, но и картина культурной жизни Боспора в IV–III вв. до н. э. и его связи с Афинами: Смикр обучается в Афинах (не ранее 300 г. – даты начала преподавания Зенона Китийского в Пёстрой Стое); после возвращается на родину и приобретает благосклонность боспорского царя (вероятно, Спартока III); среди слушателей Смикра оказывается Сфер, который воспринимает стоические идеи, слышит от него о Зеноне и едет в Афины, чтобы до конца жизни быть приверженцем стоической философии. Однако проверить эту версию невозможно за отсутствием каких бы то ни было данных о связях царя Боспора со Смикром, а Смикра – со Сфером.

Смикр получил признание и высокую оценку своих трудов от боспорян. В эпитафии отражены его достоинства: нравственные качества истинного философа, благотворное влияние на сограждан. С помощью антитезы подчеркнуто уважение боспорян к философу: хотя Смикр и был мал (значение его имени [Shantraiine, 1974, p. 701]), окружающие видели его величие. Поскольку в эпитафии не указаны лица, поставившие памятник, можно предположить, что это были ученики Смикра, для которых представлялось важным отметить в эпитафии важную роль философа в обществе.

Гекатей. Часть другой надгробной стелы содержит метрическую надпись, которую ряд исследователей рассматривал как эпитафию философу, хотя такая интерпретация не бесспорна: «Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, познав сам священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты сам скорее избежал круга мучительных страданий» [КБН, 121, с. 119]. Вариант перевода первой строфы (по А. Твардецки): «Как человек, живущий реальной жизнью, ты знаешь, что бытие приносит с каждым днем заботы и страдания» [Босп. надгр., 2009, с. 99]. Первый издатель надписи, Ю. Ю. Марти, датировал памятник рубежом I в. до н. э. – I в. н. э. Издатели «Корпуса боспорских надписей» по характеру письма отнесли надпись ко второй половине I в. до н. э., с этим вариантом датировки согласился А. Твардецки [Twardecki, 2007, p. 361–368]. Сохранилась только нижняя часть памятника, содержащая надпись; верхняя часть отбита, от рельефа остались ступни двух пар ног в сапожках (Прил. I. Табл. 3. № 3). Вероятнее всего, на стеле Гекатея помещался рельеф, изображавший мужчину в ораторской позе и слугу справа от него. Такой тип рельефа был распространен на Боспоре и изображал главного героя в ораторской позе, иногда со свитком в руке (что будет рассмотрено в Гл. 6).

Эпитафия получила различные трактовки. Ю. Ю. Марти предложил понимать текст как рассказ о самоубийстве философа [Марти, 1935, с. 76–77]. Позднейшие исследователи эту версию отвергли. Высказывалось мнение, что «священные решения», которые позволили Гекатею избежать «круга мучительных страданий», – это догмы орфического культа. Таким образом, в Гекатее следовало бы видеть посвященного орфика. Но, отмечалось и то, что выражение «круг страданий» не обязательно означает перерождения, а может использоваться для описания изменчивости судьбы. Значит, Гекатея нужно понимать как философа, познавшего «священные решения», означающие цель человеческой жизни [Босп. надгр., 2009, с. 98]. В связи с этим в Гекатее видели как философа-самоучку, не принадлежавшего ни к одной из школ [Панченко, 1992, с. 29–39] (что, впрочем, совершенно нехарактерно для позднеэллинистического времени), так и профессионального философа, притом

стоика [Молев, Матукина, 2016, с. 66]. Однако исследования надписи, предпринятые А. Твардецки, свидетельствуют, скорее, в пользу того, что «священные решения» в эпитафии означают «юридические решения члена религиозной коллегии». Неологизм *μεσόχρονος* (средневременный, среднего возраста) – это игра слов, схожесть неологизма со словом *μεσόχορος* (корифей) должна была указывать на важность службы Гекатея или его духовных способностей. Следовательно, в надписи Гекатея может идти речь об участнике религиозного союза [Босп. надгр., 2009, с. 98–100].

В данной работе стела Гекатея, несмотря на спорную интерпретацию надписи, все же рассматривается, поскольку ее рельеф относится к распространенному на Боспоре и в Херсонесе типу, изображавшему интеллектуала.

Стратоник, сын Зенона. Надгробная стела Стратоника с метрической надписью и двухъярусным рельефом сохранилась полностью. На верхнем рельефе Стратоник представлен в качестве интеллектуала, на нижнем – в образе всадника (Прил. I. Табл. 3. №4). В эпитафии говорится, что погребенный занимался науками и литературной деятельностью (Прил III. Табл. 4. № 4). В. В. Шкорпил датировал памятник I в. н. э., издатели «Корпуса боспорских надписей» отнесли его (по характеру надписи) к концу I – второй половине II в. н. э. (КБН 145). Большинство исследователей надписи считали Стратоника профессиональным литератором и философом; отмечали, что он нес военную службу и, возможно, погиб, исполняя воинский долг [Гайдукевич, 1949, с. 385–386; Петрова, 2000е, с. 246–247; Петрова, 2000и, с. 74; Петрова, 2002, с. 86; Горончаровский, 2003, с. 28–29]. Высказывалось мнение о возможности определить направление философской мысли, которого придерживался Стратоник: характеристика умершего как «божественного друга», причисленного к прежним великим людям, его любовь к занятиям наукой, а главное – исполнение воинского долга; все это должно указывать на последователя стоической школы [Молев, Матукина, 2016]. Стоические взгляды были известны на Боспоре в I в. н. э. (их выражал автор энкомия боспорскому полководцу;

возможно, влияние стоической философии испытала боспорская историография [Сапрыкин, 2005, с. 79–80]), но при всей привлекательности этой версии нет достаточных оснований считать Стратоника именно стоиком. Выражения автора эпитафии, в которых он описывает интеллектуальные занятия погибшего, имеют общефилософский и общелитературный характер; что касается исполнения воинского долга, то его также нельзя распространять только на представителей Стои (о чем свидетельствуют, например, биографии Сократа, Менедема – Plat. Charmid. 153b; Plat. Symp. 219e–221b; Plat. Lach. 180c; Diog. Laert. II. 17. 126–127).

О трудах Стратоника, их содержании и о том, как долго их читали на Боспоре, ничего неизвестно. Единственным источником сведений о Стратонике, сыне Зенона, остается его надгробный памятник. Но и он является важным свидетельством существования в Северном Причерноморье в первых вв. н. э. идеала философа и высокого статуса интеллектуальных занятий, делающих человека бессмертным.

Саббион, сын Стефана. Надгробие, которое по характеру надписи относят ко II в. н. э., не сохранилось, но было описано Ю. Ю. Марти: рельеф представлял такой же тип изображения, что и на стеле Стратоника, сына Зенона, и, возможно, Гекатея [КБН 146; Марти, 1941, № 7] (Прил. I. Табл. 3. № 5). Пространная стихотворная эпитафия содержит указание на ум и занятия науками: сказано, что Саббиона «услаждали Музы». В тексте эпитафии содержится и указание на причастность Саббиона к философии. Перечислены его качества, вполне характерные и для других эпитафий: добрый нрав *(ἦθος),* ум *(νοῦς),* расцвет *(ἀκμή).* Но все эти характеристики объединены словом *ἀρετή* – доблесть, добродетель. Оказывается, что главной доблестью Саббиона, которого услаждали Музы, в пору его расцвета были не воинские подвиги, а нравственное состояние и ум. В этом можно видеть характеристику философа, однако, не настолько ясную, как в эпитафиях Смикра и Стратоника.

Авл Ситесий. К первой половине II в. н. э. относится пантикапейская стела с рельефом, изображающим мужчину в гиматии, со свитком в руке; он стоит рядом с алтарем, обвитым змеей. Надпись на стеле: «Авл Ситесий, эмпирик, прощай». В.

В. Латышев считал слово «эмпирик» собственным именем, но примеры надписей римского времени показывают, что школа, к которой принадлежал умерший, часто указывалась в эпитафиях: «врач методик», «врач перипатетик и христианин» [КБН, с. 382]. О принадлежности Авла Ситесия к медикам свидетельствует также изображение алтаря со змеей – символа Асклепия.

Таким образом, в Авле Ситесии следует видеть представителя философско-медицинской школы, возникшей в эллинистический период. Следует учитывать, что медицина в античности воспринималась и как *τέχνη/ars* – искусство, ремесло (Corp. Hippocrat. Leg. 2; Corp. Hippocrat. De arte; Gal. De sect. I, II, IV; Philostr. Vit. Apoll. Tian. Epist. 23; сравнение с трудом сукновала и плотника – Varro. Res. rustic. 1. 16. 4), и как *ἐπιστήμη/scientia*, связанная с философией или являющаяся ее частью (Plat. Leg. IX. 857c-d; Plin. N. H. XXIX. 4. 5, 5. 6; Cels. De Med. Prooem. 2. 63) [Гиппократ, 1936, с. 127; Афонасин, Афонасина, 2015, с. 98; Афонасин, Афонасина, 2017, с. 10, 21, 37, 46]. В I–II вв. н. э. пользовались огромной популярностью философско-медицинские школы, которые называли, как и философские сообщества, «толками» (*αἵρεσις, secta*), они имели своих основателей и придерживались собственных теоретических и практических положений. В литературе этого времени подчеркивалась связь медицины и философии, а характеристики образа жизни, который приличествовал медику, совпадали с требованиями, предъявляемыми философу (Gal. De prop. plac. 5. 2; 8. 1, De sect. 9. 24–25) [Балалыкин, 2014, с. 83–84; Антисери, 2003, с. 348].

Известно, что медицинская практика велась в Ольвии, Тире, Херсонесе, городах Европейского и Азиатского Боспора. На это указывают многочисленные находки хирургических инструментов VI–V в. до н. э. – III в. н. э. [Парович-Пешикян, 1974, с. 137, рис. 105.4; Карасев, Леви, 1975, с. 17; Шавырина, Ворошилова, 2013, с. 471. Рис. 31.14; Финогенова, 1967, с. 152; Кадеев, 1994; Кадеев, 1996, с. 131–132; Хомчик, 2000; Харалдина, Новичихин, 2000, с. 70–71]. Известны имена некоторых врачей эллинистического (*Эвклес и Лесханорид*; *Дионисий, сын Пантагнота* – Херсонес) и римского времени (*Публий Ведий Фрепт* – IosPE. I². 562, Херсонес; *Марк Сей Гагрилий* и *Луций Папирий Олимпик* –

Тира) [Соломоник, Антонова, 1974; Карышковский, 1987, с. 52–56; Соломоник, 1988, с. 26; Carter, 2006, 57–60; Posamentir, 2012, p. 149–150]. Имеется и свидетельство о практике врача, вероятнее всего, из Херсонеса, проведшего лечение представителя скифской знати во II в. н. э. (следы хирургического вмешательства и удачного заживления обнаружены на черепе из богатого усть-альминского погребения) [Пономарев, 2001; Пономарев, 2001а]. Но в сохранившихся источниках все эти медики предстают исключительно в качестве практиков, и для отнесения их к философствующим медикам нет оснований.

Только Авла Ситесия, последователя философско-медицинской школы, можно причислить к философам Северного Понта. Не сохранилось никаких сведений о том, был ли он автором каких-либо сочинений; определяющим здесь можно считать само указание на эмпирическую школу.

Эмпирия – философская и медицинская – оставалась популярной вплоть до второй половины II в. н. э., когда Гален составил описание основных положений эмпириков в трактате «О толках, для начинающих». Показательно, что время постановки стелы Авла Ситесия относится к тому же веку. О медиках эмпирической школы и их учении сообщали также Авл Корнелий Цельс (I в. н. э.) и Секст Эмпирик (вторая половина II в. н. э.). Упомянутые авторы сообщали следующие сведения об эмпириках: во второй половине III в. до н. э. основатель школы Серапион (ученик знаменитых александрийских медиков Гиерофила и Эрасистрата) провозгласил бесполезность теоретической медицины и создал собственное учение, основанное исключительно на практике (Cels. De med. Proem. 9–10). Его последователи считали, что работать необходимо с «явными» причинами болезни или травмы, а причины скрытые познать нельзя (Cels. De med. Proem. 27–28). Поэтому они опирались не на теоретические положения, а на опыт; доверяли аутопсии (непосредственному наблюдению) и истории (рассказу о болезни), но исследовали и «предшествовавшие причины» – обстоятельства, приведшие к болезни (Gal. De sect. II, V, VIII). Посылки эмпириков происходили из положений скептической школы, основанной в начале III в. Пирроном Элидским (Sext. Emp. Pyrrh. I. 63–65) [Лега, 1991; Солопова, 2010, с. 511–512].

Для скептицизма римского времени характерно совмещение философии и медицинской практики: из восьми философов-пирронистов после Энесидема (жившего в середине I в. до н. э.) шесть были практикующими врачами-эмпириками (Diog. Laert. IX. 12. 116).

Зная особенности эмпирической философско-медицинской школы, можно представить в общих чертах врачебные методы Авла Ситесия. Он должен был вести наблюдения (аутопсию) за ходом болезни своих пациентов; доверять только многократно подтвержденным в медицинской практике методам и лекарственным средствам. Неизвестен полный перечень методов лечения, которые использовал Авл Ситесий, зато из сообщения Галена известен метод, которым врач-эмпирик не должен был пользоваться: эмпирики были убеждены, что в Скифии из-за холодного климата нельзя употреблять кровопускание. На Боспоре с его холодными зимами (Strab. VII. 3. 18) Авл Ситесий наверняка не применял эту популярную практику, хотя она и была общеупотребительной мерой в греко-римском мире (Cels. De med. 2. 10).

Несмотря на лаконичность надписи, кое-что можно сказать и о самом Авле Ситесии. Обращает на себя внимание отсутствие патронимика в эпитафии, что часто указывает на статус раба или вольноотпущенника. Высказывалось предположение, что в Авле Ситесии следует видеть вольноотпущенника из Малой Азии, получившего римское гражданство (Ситесий – имя, характерное для провинциальных греков, получивших римское гражданство). Когномен Авла Ситесия мог не быть назван намеренно, чтобы скрыть статус вольноотпущенника. Появление врача-вольноотпущенника на Боспоре совпадает с малоазийской эмиграцией, происходившей в первые вв. н. э. и связанной с римской провинциальной политикой [Дьячков, 1997, с. 71]. На наш взгляд, это предположение справедливо и подтверждается существованием в Малой Азии школ эмпирической направленности: в Лаодикее, Никомедии, Тарсе (Diog. Laert. IX. 12. 116).

На надгробном рельефе Авл Ситесий представлен как философ: в гиматии, со свитком в левой руке. Но его портрет имеет ряд существенных отличий от

распространенного на Боспоре типа портрета интеллектуала. Гиматий – это единственная одежда на медике (именно так и описывают внешний вид философа античные авторы – Dion. Chrys. Or. LXXII. 1–2); рядом с фигурой врача нет слуги, вместо него по правую руку стоит алтарь, обвитый змеей. Размещение свитка в левой руке мужской фигуры характерно для боспорских стел, но при этом правая рука фигуры на памятнике Авлу Ситесию не прижата к груди, как в ораторской позе, а направлена вниз к алтарю. Изображенные на рельефе одежда, поза, положение рук находят аналогию не только в иконографии философа, медика (Прил. II. Табл. 7. № 4–5), но и в близких по времени статуарных и рельефных изображениях Асклепия, в том числе, северопричерноморских (Прил. II. Табл. 7. № 1–3). Возможно, стела поставлена учениками врача-эмпирика, которые хотели подчеркнуть божественный характер философии и врачебного искусства своего наставника. О том, что память Авла Ситесия увековечена именно учениками, свидетельствует и характер эпитафии. В таких кратких надгробных надписях, какой является эпитафия Авлу Ситесию, на Боспоре I в. до н. э. – II в. н. э. обыкновенно указывались только имя и патронимик умершего, иногда – демотикон для не боспорян (синопеец, херсонесит). К имени прибавлось слово «прощай» (*χαῖρε*), и эпитафия на этом завершалась (КБН 265–690, 692–708). Если заказчики надгробия желали указать дополнительные сведения об умершем или выразить свою скорбь, они обыкновенно прибавляли к краткой формуле эпитафии другой текст, часто поэтический (КБН 119, 120, 123–131, 133–143, 145, 146). Те, кто поставили памятник пантикапейскому врачу, нарушили это правило, и в краткую эпитафию ввели указание на то, что Авл Ситесий принадлежал к эмпирической школе. Крайне маловероятно, что факт принадлежности медика к тому или иному философско-медицинскому течению был важен для семьи покойного или для его пациентов. Увековечить память врача-философа, подобного Асклепию, и подчеркнуть его приверженность к конкретной школе – все это могло отвечать, скорее, целям учеников Авла Ситесия, как и он, относившимся к эмпирическому толку. Но необходимо отметить, что о деятельности других последователей эмпирической или какой-либо иной

философско-медицинской школы на Боспоре ничего не известно. Стела Авла Ситесия остается на сегодня уникальным в этом отношении памятником [см. подробнее: Лейбенсон, 2017д].

2.3. Риторы античных городов Северного Причерноморья

Риторика в Ольвии. Хозяин Биона Борисфенита. Ритор, живший в Ольвии в конце IV в. до н. э., упомянут в биографии философа Биона Борисфенита, но по имени не назван. Согласно рассказу Биона, после смерти хозяина он сжег все его сочинения – возможно, риторические трактаты (Diog. Laert. IV. 7. 46). Если доверять этой части рассказа Биона, можно заключить, что ольвийский ритор был человеком достаточно зажиточным, чтобы купить молодого раба и дать ему образование. В истории о юных годах Биона сказано, что ритор оставил наследство не родственникам, а своему рабу; впрочем, это наследство не составляло крупной суммы. Здесь снова обнаруживается литературный характер биографии Биона: с одной стороны, хозяин оставил Биону «все свое наследство» (*κατέλιπέ πάντα*), с другой – Бион «наскреб денег», чтобы приехать в Афины [Diog. Laert., 2014, p. 424]. Но нет и достаточных оснований, чтобы признать рассказ Биона и фигуру ритора полностью фиктивными. Упоминание о риторе в рассказе, восходящем к школьной кинической традиции о Бионе Борисфените, следует признать ценным и правдоподобным, по крайней мере, в том, что профессиональные риторы в раннеэллинистический период были известны в Ольвии [Латышев, 1887, с. 142; Arnim, 1897, s. 483; Спиридонов, 1918, с. 182; Kinstrand, 1976, p. 7–8; Чанышев, 1991, с. 116; Нахов, 1982, с. 194; Анткин, 1996, с. 27; Петрова, 2000и, с. 68; Desmond, 2008, p. 33; Скржинская, 2014а, с. 35].

О литературных занятиях граждан Ольвии в эллинистическое время свидетельствуют декреты в честь Протогена и Никерата (III–II вв. до н. э.), имеющие черты ораторской прозы. Об интересе ольвиополитов к ораторскому

мастерству в более поздний период, в конце I в. н. э., писал Дион Хризостом (Dion. Chrys. Or. XXXVI. 8). Ольвиополиты выступали в Народном собрании и суде, где требовалось произносить заранее приготовленные речи, и для этого граждане, желавшие участвовать в общественной жизни, могли учиться у местных и зарубежных риторов. В декрете Протогена сообщается, что тот всю жизнь «говорил… наилучшим образом» – возможно, имеются в виду выступления самого Протогена с речами (IosPE. I². 32) [Скржинская, 2014б, с. 39].

Автор энкомия в честь боспорского полководца. Сведения о занятиях риторикой боспорянами. К I в. н. э. относится энкомий из Пантикапея, посвященный военному и политическому деятелю, полководцу Савромата I. Текст сохранился на плите из погребального сооружения (КЛ–1759) и повествует о заслугах умершего: успешной миссии в Риме, воспитании будущего царя Савромата, победах над варварами [Камен. лет. Босп., с. 101, № 85]. Чествуемый полководец некоторое время находился в Риме, куда его вызвал для доклада о боспорских событиях «тогдашний Цезарь». В надписи содержится именно такая формулировка, из чего издатели и исследователи памятника заключили, что в императоре, которого нельзя упоминать, следует видеть Тита Флавия Домициана, чье имя после смерти подверглось damnatio memoriae (Dion Cass., LXVIII. 1. 1–3; Aurel. Vict. Epit. de Caesar. XI. 13; Aurel. Vict., De Caesar. XI. 8; Suet. VIII. 23) [Сапрыкин, 2005, с. 45–81; Сапрыкин, Парфенов, 2012]. Автор энкомия выдержал его в азианском стиле красноречия, речь изобилует пышными выражениями. Большую роль в тексте энкомия играет тема судьбы, рока. Автор похвальной речи в описываемых событиях особенно подчеркивал счастье, удачу царя, а также благоразумие и верность полководца. Усмирение варваров описывается как, с одной стороны, их покорность судьбе, с другой – предпочтительность убеждения противника словом, а не войной. Идеи, высказанные в тексте энкомия, могут быть истолкованы как приверженность автора стоицизму [Сапрыкин, 2005, с. 67–68]. Первый переводчик надписи, Ю. Г. Виноградов, видел в авторе местного ритора [Виноградов, Шестаков, 2005, с. 42–44]. Научиться азианскому красноречию и воспринять стоические взгляды этот анонимный автор мог за пределами родины.

С другой стороны, учителя красноречия и философы-стоики могли посещать Боспор в I в. Но следует обратить внимание на то, что и азианизм, и стоицизм пользовались значительной популярностью в Риме во время правления Домициана. Поэтому весьма вероятно, что боспорский ритор обучался в Риме до изгнания Домицианом философов (среди которых пострадали многие стоики) (Suet. Domit. VIII. 10. 3; Dion Cass., LXVII. 13, 1–3) [Асмус, 1976, с. 496].

Об интересе к риторике на Боспоре в предшествующий, эллинистический период свидетельствует история Сопеида, бывшего сыном знатного боспорянина, Сатира I, доверенного лица царя, крупного торговца и, возможно, стратега [Молев, 2016, с. 49]. Сопей послал сына в Афины для учебы, но главной целью все же было ведение торговых операций с крупными партиями пшеницы. Сопеид мог некоторое время учиться в Афинах у знаменитого оратора Исократа (Isocr. Trapez. XVII. 5) [Скржинская, 2001а, с. 162–168].

Риторы Херсонеса. О деятельности риторской школы или отдельных профессиональных риторов в Херсонесе сведений не сохранилось, но есть косвенные свидетельства интереса херсонеситов к науке красноречия. В первую очередь, это Присяга граждан Херсонеса, составленная на рубеже IV–III или в первой четверти III в. до н. э., после урегулирования гражданской смуты [IosPE. I². 401; Латышев, 1892, с. 1; Леви, 1947, с. 89–100; Тюменев, 1950, с. 48–56; Жебелев, 1953, с. 215–274; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 311–371; Зубарь, 2004, с. 45–51]. Поскольку Присяга предназначалась для публичного прочтения, ее текст носил черты риторской прозы. Речь эмоциональна [Русяева, 2010, с. 199]; отчетливо выделяются периоды речи: «ни эллину, ни варвару», повторенное дважды. Авторы присяги позаботились о том, чтобы учесть в тексте практически все сферы жизни полиса, отразить территориальные рамки Херсонесского государства на момент окончания стасиса. Несмотря на то что Присяга составлена в связи с конкретным событием – восстановлением демократии, сведения о предшествующем гражданском конфликте в ней даны косвенно, что придало тексту обобщенный, универсальный характер. Это свидетельствует о том, что текст присяги составлен автором (или, скорее, коллективом авторов) хорошо

образованным и знакомым с риторическим искусством [Петрова, 2000и, с. 66–67]. Из текста Декрета в честь Диофанта (конец II в. до н. э.) следует, что его автор, в котором предполагают историка, был хорошо знаком и с приемами ораторской прозы (Гл. 2) (IosPE. I², 352) [Струве, 1968, с. 148–149; Петрова, 1998, с. 108–123]. В надписи на постаменте памятника Демократу, сыну Аристогена (III в. н. э.), сказано о его таланте к произнесению речей (IosPE. I². 425) [Белов, 1948, с. 120]. Наконец, на Боспоре и в Херсонесе были известны ораторский тип драпировки гиматия, ораторская поза и жесты оратора, что нашло отражение в мемориальной скульптуре (Гл. 6).

Выводы. В сообщениях античных и средневековых авторов сохранены три имени философов-выходцев из Северного Причерноморья, прославившихся за пределами родины. Двое из них – Бион Борисфенит и Сфер Боспорский – сыграли заметную роль в жизни эллинистических философских школ. Нет точных сведений о том, что севропричерноморские философы, получившие известность в Афинах, поддерживали связь с родными городами. Но их биографии демонстрируют культурные связи региона с интеллектуальными центрами античного мира, прежде всего, Афинами. Деятельность в севропричерноморских колониях философов и, возможно, философских кружков засвидетельствована эпиграфическими памятниками. Наиболее раннее свидетельство о философе сократического толка – пантикапейская эпитафия Смикра (IV–III вв. до н. э.). Связь умерших с философией передают также некоторые пантикапейские эпитафии I в. до н. э. – II в. н. э. Данные эпиграфики свидетельствуют о деятельности риторов в городах Северного Причерноморья: образцы риторской прозы имеются в Ольвии, Херсонесе и Пантикапее III в. до н. э. – I в. н. э. Деятельность философов и риторов в Северном Причерноморье нашла высокую оценку среди граждан колоний: молодые люди, получив образование на родине, ехали в Афины, чтобы примкнуть к какой-либо философской школе, или слушали философов у себя на родине; граждане, интересовавшиеся науками и философией, писали и издавали книги; потомки и ученики стремились засвидетельствовать философский образ жизни умерших в надгробных рельефах и эпитафиях.

ГЛАВА III. АВТОРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

Составители исторических, географических трудов древними авторами зачастую воспринимались как философы, в ряде случаев авторы ученых сочинений сами рассматривали себя в качестве философов (Cic. De orat. 4. 15; Diog. Laert. II. 3; Strab. I. 1. 1, 2, 29). И напротив, философ претендовал на то, чтобы быть настоящим ученым (перипатетики занимались естественнонаучными исследованиями; стоики утверждали, что мудрецу присуще знание любой науки, даже если он ей не обучался специально). Но поскольку о ряде интеллектуалов Северного Причерноморья доподлинно неизвестно, позиционировали ли они себя в качестве философов какой-либо школы, они будут рассмотрены как представители отдельной группы авторов ученых сочинений.

3.1. Просопография авторов исторических и географических сочинений

Сириск, сын Гераклида. Имя этого автора исторического труда известно из херсонесской надписи на мраморной стеле, в которой сообщается, что Гераклид, сын Парменонта, внес в Народное собрание предложение наградить Сириска золотым венком и почетным декретом. Сириск прочитал перед херсонесским народом свое сочинение о «явлениях Девы», «отношениях к царям Боспора… и бывшие дружественные отношения с городами». Симмнамонам предписывалось выставить стелу с похвалой Сириска (за его исторический труд) в притворе храма Девы (IosPE. I². 344; КЛХ 4). Запись декрета, а следовательно, и время деятельности Сириска, сына Гераклида, датируется концом первой четверти III в. до н. э. [Туровский, 2016, с. 259]. Таким образом, труд, посвященный истории Херсонеса, был создан вскоре после окончания гражданского стасиса,

пришедшегося на рубеж IV–III вв. до н. э. [Жебелев, 1953, с. 223–227; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 334–347; Зубарь, 2004, с. 46–51].

Происхождение Сириска с большой вероятностью может раскрыть другой декрет III в. до н. э., в котором говорилось, что Гераклид, сын Парменонта, внес предложение о культовых церемониях в благодарность богине (Деве) за чудесное спасение граждан Херсонеса от варваров (IosPE. I². 343). Хронологическая близость этих двух документов указывает на то, что Гераклид, сын Парменонта, упомянутый в них, мог являться одним и тем же лицом. Гераклид назван диойкетом, то есть лицом, занимавшим высокий финансово-административный пост в государстве. Возможно, именно этот Гераклид был отцом Сириска [Ростовцев, 1915, с. 153]. Имя Гераклид нередко встречается в херсонесской просопографии эллинистического времени, поэтому отцом Сириска мог быть другой представитель городской аристократии [Даниленко, 1966, №107–109, с. 149–150]. Но хронологическая и содержательная близость двух надписей позволяет принять версию о тождестве упомянутых в них Гераклидов [Даниленко, 1966, №110, с. 150]. Имя Сириск также встречается на других херсонесских памятниках: так звали члена магистратуры, контролировавшей выпуск монеты (305–300 гг. до н. э.), и астинома (315–300 гг. до н. э.). Если эти Сириски тождественны Сириску-историку, тогда к моменту написания исторического труда он был зрелым и уважаемым в городе человеком [Даниленко, 1966, № 254–255, с. 264; Туровский, 2016, с. 149–154]. Во всяком случае, имя и патронимик херсонесского историка указывают на его происхождение из аристократической среды, которое позволило Сириску получить образование, возможно, не только в Херсонесе. Литературная деятельность для аристократа Сириска носила, скорее всего, характер *σχολή* – досуга, достойного свободного человека [Фролов, 2004, с. 292–295]. С другой стороны, существовал определенный заказ со стороны херсонесской общины, нуждавшейся в увековечении значимых для государства событий.

Вероятно, при работе над историческим трудом Сириск основывался на херсонесских храмовых записях и устном предании. К тексту о явлениях богини

он добавил рассказ о херсонесско-боспорских отношениях и о «бывших дружественных отношениях с городами» (по-видимому, с городами Понта и Афинами). Эта часть, описывающая не чудесные явления богов, а историко-политические события, могла быть написана ранее, и Сириску представился удобный случай опубликовать свое произведение вместе с необходимым рассказом о богине Деве. Точно неизвестно, как соотносились мистическая и рациональная части его повествования. Предлагались следующие реконструкции:

- сообщения о явлении Девы составляли отдельный раздел в книге Сириска, далеко не самый значительный, но именно он был выделен в почетном декрете, чтобы обосновать награждение Сириска и постановку стелы с декретом у входа в храм Девы [Варнеке, 1916, с. 24];

- главная идея труда Сириска состояла в том, чтобы передать эпифании Девы. В этом проявилась историографическая традиция, восходящая к Геродоту [Блаватский, 1985, с. 206];

- сочинение Сириска содержало два раздела, при этом логически и художественно соединенных [Петрова, 1998, с. 117].

Очевидно, что в связи с отсутствием текста сирисковой истории невозможно подтвердить ни один из вариантов реконструкции. Следует учесть, что эпифании и другие явления чудесного характера в сочинении Сириска могли быть включены, как в «Истории» Геродота, в канву исторического повествования и не быть вынесенными в особый раздел, но в тексте декрета они выделены специально.

Сириск – единственный известный на сегодня интеллектуал Северного Причерноморья, чью деятельность сограждане не только высоко оценили, но и удостоили высокой государственной награды – увенчания золотым венком именно за его интеллектуальный продукт (обычно золотые венки в Северном Причерноморье вручали воинам, спортсменам и людям, оказавшим особенные благодеяния полису) [см. например: Скржинская, 2015, с. 31–48]. В эллинистический период, на начало которого приходится деятельность Сириска, монархи или городские общины иногда награждали профессиональных историков

денежной премией. Но в Херсонесе, по всей видимости, в этот период историография носила еще характер «досужего занятия» аристократа, которого неуместно награждать денежными выплатами [Фролов, 2005, с. 180–181; Фролов, с. 2006, с. 8]. Награждение венком для Сириска должно было быть символом высокой чести, которую ему оказало государство за проделанную интеллектуальную работу, а также показателем авторитета, которого ему удалось достичь на родине.

Посидоний Ольвиополит. Краткие сведения об ученом из Ольвии дошли до нас только в виде статьи в средневековом словаре «Суда». В ней говорится, что Посидоний Ольвиополит – «софист и историк», написал «об Океане и связанных с ним вещах, о стране, называемой Тирика, об истории Аттики (в четырех книгах), о Либии (в одиннадцати книгах) и о другом» [Suidae, 1705, T. III, p. 159]. «Тирику» понимали и как причерноморский город Тиру на Днестре [Fragment. historic. grac., 1841, p. 142; Молев, 2003, с. 337], и как «тирскую страну», то есть Финикию [Латышев, 1887, с. 144]. Но наиболее вероятным представляется чтение, предложенное В. П. Яйленко: *Τυρικῆ* могло быть ошибкой переписчика и первоначально в тексте значилось *Ταυρική*. В таком случае прослеживается связь родины Посидония с проблемами, которые рассматривались в его произведениях [Яйленко, 1988, с. 276]. Время жизни Посидония на основании историко-географической тематики его сочинений, характерной для писателей эллинизма (Полибия, Эратосфена), относят к III–II вв. до н. э. [Столяров, 2001, с. 39; Русяева, Русяева, 2004, с. 90; Яйленко, 1988, с. 276; Петрова, 2000и, с. 71]. «Суда» называет Посидония одновременно софистом и историком. Слово «софист» здесь, скорее, обозначает литературный стиль Посидония: риторический, напоминающий речи древних софистов (Philostr. Vit. soph. I. 2, 5).

Как и в большинстве античных и средневековых письменных источников, патронимик северопонтийского интеллектуала не указан, однако просопографический материал Ольвии догетского периода дает возможность отнести Посидония к выходцам из аристократической семьи Аристократидов-Сократидов [Николаев, 2014, с. 156–164]. Можно предположить, что, получив

первичное образование на родине, Посидоний отправился в Афины. Впоследствии путешествовал, и, если «Суда» верно указывает принадлежность ему труда «О Либии», посещал даже северное побережье Африки. То, что Посидоний стал каким-то образом известен составителям средневекового словаря, косвенно свидетельствует, что остальную часть жизни он провел вне Ольвии [Скрижинская, 2002, с. 133–143], возможно, в Афинах [Русяева, Русяева, 2004, с. 90–91].

Больше упоминаний о Посидонии не сохранилось; неизвестно также, читали ли его произведения в Северном Причерноморье. Очевидно, что его сочинения для общеэллинской науки не были особенно важными: мы не встречаем ни у кого из античных и средневековых авторов ссылок на его труды. Маловероятно также, чтобы сочинения Посидония Ольвиополита сохранились вплоть до X в.: перечисление трудов «софиста и историка» в «Суде» выглядит как цитата из какого-то другого сборника. Тем не менее составители «Суды» сочли необходимым предоставить просвещенному читателю информацию об ученом из Ольвии, память о котором сохранялась некоторое время.

Дионисий Ольвианский. Как и в случае с Посидонием, краткое упоминание о Дионисии Ольвианском содержится только в одном источнике: схолиях к «Аргонавтике» Аполлония Родосского, в комментарии к строфе Аполлония «и протяженные долгие берега реки» – это описание обратного плавания аргонавтов по Черному морю у реки Кальпы. В схолиях говорится: «Дионисий Ольвианский свидетельствует, что протяженные отлогие берега называются Ахилловыми дромами» (ad Apoll. Rhod. II. 658–659) [цит. по: Блаватский, 1978, с. 81]. Со значительной долей вероятности на основании этого комментария Дионисия можно считать автором историко-географического сочинения, который интересовался также местной этнографией и мифологией. Это сближает ольвийского автора с Эратосфеном. Школа Эратосфена была известна понтийцам: учеником Эратосфена был Деметрий из Каллатиса, сочинение которого легло в основу части Перипла Псевдо-Скимна, где описывается местность между Днепром и Борисфеном. Если Дионисий был последователем Эратосфена,

учеником и современником Деметрия, время его жизни приближается к концу III–II в. до н. э. [Блаватский, 1978, с. 80–89]. Из ольвийской надписи 200 г. до н. э. известен эпоним Дионисий, которого можно соотнести с Дионисием-писателем – разумеется, гипотетически [Николаев, 2014, с. 156–164]. Таким образом, в Дионисии Ольвианском можно видеть представителя аристократического рода; происхождение позволило ему получить хорошее образование и путешествовать. При этом Дионисий не был широко известным автором, но в какой-то из эллинистических библиотек его труд (или, скорее, фрагмент из его сочинения в сборнике цитат) сохранился и был доступен составителю комментария к поэме «Аргонавты».

Никаких других сведений о Дионисии нет, и даже его отнесение к ученым Северного Причерноморья принято не всеми исследователями. Представление о Дионисии Ольвианском как о географе, с помощью сочинения которого дается пояснение стихам, правдоподобно и наиболее просто. Однако существует и версия о том, что в Дионисии Ольвианском следует видеть поэта, жившего во II в. до н. э. в Ольвии, а после переехавшего в Милет, затем в Митилену и Александрию [Яйленко, 1988, с. 276–277; Русяева, Русяева, 2004, с. 193]. Таким образом, Дионисий из Ольвии должен быть отождествлен с Дионисием Милетским (или Митиленским) Скитобрахионом – поэтом, литературным мистификатором, эвгемеристом, автором поэмы «Аргонавтика». Известно об исополитии Милета и Ольвии [Русяева, Русяева, 2004, с. 101; Пичикян, 1984, с. 179], а поэт Дионисий касался причерноморских сюжетов: он писал об огнедышащих быках Ээта, которых нужно толковать как таврских стражей; о Геракле, плававшем с аргонавтами в Колхиду; о суровости нравов племен, живущих на берегах Понта (но при этом амазонок Скитобрахион помещал не в Северном Причерноморье, а в Ливии) (Diod. Sic. III. 52–55) [Скрипник, 1988, с.29–39]. Дионисия Милетского (Скитобрахиона) называют и автором тех самых схолий к «Аргонавтам» Аполлония, в которых упоминается о Дионисии из Ольвии. Но никаких точных сведений о поэте нет; биография и список трудов Скитобрахиона по сей день представляют настоящую путаницу, более того, поэт

неоднократно «цитировал» несуществующие произведения несуществующих авторов [Торшилов, 1999, с. 106]. Эвгемеристы часто писали под псевдонимами, и это делает вполне возможным отождествление Дионисия Ольвийского со Скитобрахионом. Дионисий из Ольвии мог уехать в Милет или Митилену, а принадлежащие ему этниконы использовать в литературной мистификации [Торшилов, 1999, с. 101].

Но следует заметить, что краткое упоминание Дионисия Ольвианского в единственном источнике не позволяет окончательно решить вопрос об отождествлении ольвийского писателя с эллинистическим поэтом. Характер комментария, который приводит схолиаст, прежде всего, географический, что позволяет с большей уверенностью говорить о Дионисии-авторе ученого труда.

3.2. Анонимные авторы античных городов Северного Причерноморья

Остальные авторы научных сочинений из городов Северного Причерноморья, в первую очередь, историки, не известны по именам, но об их деятельности свидетельствуют письменные источники. В сочинениях Диодора Сицилийского, Лукиана, Страбона, Полиена, Афинея имеются такие сведения о северопонтийском регионе, которые могли быть заимствованы из произведений местной историографической традиции. Историческая проза, впервые появившаяся в Ионии в VI в. до н. э., вероятно, была известна в ионийских колониях Северного Причерноморья, а под ее влиянием – развиваться местная историография.

Историки Боспора. Аноним Боспорский. Наиболее убедительное свидетельство о существовании собственной историографии на Боспоре – исторические сюжеты, касающиеся Боспорского царства, сохранившиеся в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (I в. до н. э.). В сочинение Диодора вошел перечень боспорских правителей V–IV вв. до н. э., соотнесенный с

годами правления афинских архонтов (Diod. Sic. XII. 31. 1, 36. 1, XIV. 93. 1, XVI . 31. 6, 52. 10). Возможно, уже боспорские авторы произвели соотнесение боспорских событий с афинскими [Скржинская, 2014, с. 363–364]. Наиболее ценным свидетельством о боспорских исторических сочинениях у Диодора является изложение событий рубежа IV–III вв. до н. э. (Diod. Sic. XX. 22–26) – истории борьбы за власть сыновей Перисада I – Сатира II, Притана и Евмела, а также рассказ о правлении Евмела, захватившего престол. Об авторе сочинения, послужившего источником для Диодора, нет никаких сведений, и сам Диодор ни на кого не ссылался при изложении боспорских событий. Начиная с М. И. Ростовцева, принято считать, что источник Диодора Сицилийского восходит (напрямую или через компилятивный труд кого-либо из эллинистических историков, возможно, Дуриса Самосского) к сочинению боспорского историка. В пользу местного происхождения автора говорит обилие топографических деталей в рассказе Диодора [Ростовцев, 1915, с. 125–126; Мельников, 2009, с. 283–288]. Удачным наименованием этого неизвестного автора или группы авторов стало имя «Аноним Боспорский», предложенное В. Д. Блаватским [Блаватский, 1985, с. 203].

Время жизни и деятельности Анонима Боспорского обыкновенно относят ко времени войны между наследниками боспорского царства. Автор либо сам был ее свидетелем, либо расспрашивал участников военных событий, поскольку привел подробные сведения о вооружении сторон, привлечении претендентами на престол отрядов фракийцев, скифов и фатеев. Если все упоминания о Боспоре у Диодора, включая сообщение о событиях V в. до н. э., восходят к одному и тому же сочинению, то Аноним должен был пользоваться также трудами боспорских предшественников или храмовыми записями.

Предпринимались различные попытки охарактеризовать личность боспорского историка и его отношение к изложенным событиям. В Анониме видели придворного историка, а в главной по смыслу части его сочинения – панегирик царю Евмелу (автор панегирика оправдывал жестокость и хитрость Евмела в ходе борьбы с братьями, поскольку, став царем, он проявил себя

наилучшим образом – Diod. Sic. XX. 24–25) [Ростовцев, 1925, с. 126, 128; Шелов, 1986, с. 36–42; Яйленко, 1990, с. 299]; с другой стороны, высказывалось предположение, что Аноним фиксировал не только события военно-политической истории, но и свое меняющееся отношение к Евмелу: отношение историка к царю зависело от характера политики последнего [Блаватский, 1885, с. 206]. По одной из версий, сюжеты боспорской истории в «Исторической библиотеке» восходят не к одному, а к трем различным сочинениям: хронике V в. до н. э., истории братоубийственной войны на Боспоре и к панегирику Евмелу. При этом автора второго или третьего сочинения можно отождествить с Сопеидом, получившим образование в Афинах и бывшим учеником Исократа (Isocr. Or. XVII) [Скржинская, 2014а, с. 146–147, 158]. Как бы то ни было, большинство исследователей видели в Анониме жителя Боспорского царства, точнее – пантикапейского гражданина, хотя если обращаться к топографическим заметкам, сохранившимся в тексте Диодора, то собственно пантикапейских реалий обнаруживается меньше, чем тех, которые относятся к Азиатскому Боспору.

Следует отметить также реконструкцию, предложенную В. В. Струве: Аноним не мог быть ни придворным историком, ни вовсе происходить из Боспорского царства, хотя и должен был долгое время жить в северопонтийской колонии. Возможно, боспорский историк был выходцем из купеческих кругов Самоса (отсюда можно проследить передачу текста Дурису Самосскому, послужившему источником для Диодора), жил в Херсонесе. Историю Боспора Аноним написал для того, чтобы обосновать необходимость сотрудничества (в том числе торгового) Херсонеса с Боспором, пусть даже власть на Боспоре была узурпирована тираном [Струве, 1968, с. 189–197].

Предпринимались попытки определить мировоззренческие установки автора Анонима, в первую очередь, исходя из сообщения Диодора о прорицаниях оракула, предрекавших смерть Евмела и Сатира. В глазах исследователей Аноним оказывался то приверженцем архаических взглядов и «старой наивной традиции» [Ростовцев, 1915, с. 206], то едва ли не скептиком, который не верил в воздействие высших сил на исторический процесс [Струве, 1968, с. 188];

внимание боспорского историка к прорицаниям наряду с его одобрением активной политики Евмела трактовали и как влияние на него стоических идей [Молев, Матукина, 2016, с. 67].

Следует признать, что отсутствие у Диодора каких бы то ни было указаний на автора (авторов) сочинения о Боспоре, а также явно сокращенный характер передачи текста этого сочинения в «Исторической библиотеке» не позволяют более или менее точно определить время написания сочинения по боспорской истории и позицию его автора (авторов). Убедительным представляются его боспорское гражданство, наличие текста-посредника между произведением боспорского писателя и сочинением Диодора Сицилийского. Однако это все, что может быть определено с достаточной степенью вероятности. Фрагменты из истории Боспора в «Исторической библиотеке» Диодора явно указывают на существование историографической традиции на Боспоре. Но поскольку Диодор пользовался уже переработанным текстом или сам его значительно сократил, выбрав лишь некоторые сюжеты, нельзя сказать что-либо определенное об авторе/авторах исходного сочинения. Наверняка говорить лишь о том, что его интересы были связаны с военно-политической историей (включая отношения с окружающими варварскими народами). Аноним Боспорский проявлял также определенный интерес к народным представлениям о судьбе выдающихся людей, но не игнорировал и рациональное объяснение исторического процесса.

Такой же характер имеют сюжеты «Стратагем» Полиена (Polyaen. V. 23, V. 44; VI. 9. 1–4, VII. 37; VIII. 55, 56) и диалог «Токсарид или Дружба» Лукиана (Luc. Tox. siv. amic. 44–51). Эти сюжеты можно гипотетически связать с сочинениями того же боспорского автора или авторов, что послужили источником для Диодора [Ростовцев, 1915, с. 133; Струве, 1968, с. 175–188]. То же можно сказать об источниках, которыми пользовались Афиней (Athen. VI. 257c; VIII. 349d), Овидий (Ovid. Ib. 309–310). О царе Левконе писал философ стоической школы Хрисипп (Strab. VII. 3. 8). Но обращает на себя внимание тот факт, что античные авторы, писавшие о Боспоре, не упомянули ни одного местного историка. Скорее всего, сюжеты из боспорской истории всем им, как и

Диодору, были известны из сокращенных и переработанных трудов, сборников цитат и занимательных сюжетов. Однако точно указать на эти сочинения-посредники затруднительно. Таковыми могли быть произвдения авторов III в. до н. э. Дуриса Самосского и Филарха, но они, к сожалению, также не сохранились.

Историки Херсонеса. Автор декрета в честь Диофанта. К сочинениям херсонесских историков эллинистического времени восходит сюжет об оказании помощи херсонеситам варварской царицей Амагой в «Стратегемах» Полиена (Polyaen. VIII. 56). Эта новелла, в отличие от боспорских сюжетов у Полиена, отражает «херсонесскую точку зрения»: с некоторой идеализацией сарматов, союзников Херсонеса против скифов [Ростовцев, 1925, с. 137–138; Скржинская, 2014, с. 365–366].

О херсонесской историографической традиции свидетельствуют и данные эпиграфики – текст декрета в честь Диофанта, полководца понтийского царя Митридата VI Евпатора (конец II в. до н. э.). Декрет записан на мраморном постаменте статуи Диофанта и представляет одну из наиболее пространных надписей Херсонеса (IosPE. I². 352). Содержание декрета исследователи рассматривали почти исключительно в связи с военно-политическими событиями, о которых повествуется в нем: помощь Понтийского царства Херсонесу в войне со скифами, восстание Савмака на Боспоре, утверждение власти Митридата над Боспором [Жебелев, 1938, с. 49–71; Струве, 1950, с. 23–40; Гайдукевич, 1962, с. 3–23; Казакович, 1963, с. 57–70; Гаврилов, 1992, с. 53–73; Гайдукевич, 1967, с. 57–70]. О литературных особенностях текста, его анонимном авторе в историографии говорилось значительно меньше; впрочем, отмечалось, что декрет содержал запись эпифании богини Девы и хронику внешнеполитических отношений Херсонеса, продолжая таким образом традицию историописания, заложенную в предыдущем веке Сириском [Струве, 1968, с. 148–149].

Из содержания декрета следует, что его автор был знаком и с ораторским искусством. Текст декрета, с одной стороны, удовлетворял назначению исторической прозы, с точностью описывая важные события и их последовательность, с другой, воодушевлял читателя, внушая ему восхищение

славными делами Диофанта и готовностью граждан Херсонеса сражаться с врагом. Последнее – задача не столько исторической прозы, сколько эпидиктического красноречия. Автор декрета использовал, по крайней мере, два топоса, которые характерны для ораторской прозы, а именно: рассказ о победе над врагом, ранее считавшимся непобедимым, и тезис о природном вероломстве противников-вараров. Оба топоса находят соответствия в «Панегирике» Исократа, написанного почти тремя веками ранее. Диофант «обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми», как и афиняне победили «в борьбе с противником, который считал себя непобедимым» (Isocr. Paneg. 71–72). В декрете Диофанта предательство скифов объясняется природой варваров, их «врожденным вероломством»; в «Панегирике» вероломные дела персов объясняются рабской природой варваров (Isocr. Paneg. 147, 150–155). В другом образце ораторской прозы – речи Эсхина «Против Ктесифонта о венке» – также отражено представление о негативных природных чертах варваров, к тому же, передающихся по наследству: скифским происхождением объясняются преступления Демосфена (Aesch. III Ktes. 172). В декрете отсутствует восхваление херсонеситов, сопоставимое с похвалой афинянам в «Панегирике» Исократа, вероятно, потому что главная заслуга в победе принадлежала Диофанту. Однако положительная характеристика херсонеситов (как и боспорян) все же присутствует – в том пассаже, где говорится об их благодарности полководцу Митридата. Способность греков проявлять «достойную благодарность» тем, кто оказал им помощь, противопоставлена вероломству варваров, их мятежному характеру, склонности к изменам, неумении ценить оказанную им милость. В этой оппозиции «эллины-варвары» текст декрета приближается к «Панегирику». Сюжет о явлении божества ввиду его распространенности можно считать равно историческим и риторическим: обращение к прорицаниям обычно и для историков (Геродот, Плутарх, Диодор Сицилийский), и для ораторов (Элий Аристид) [Кулишова, 2001, с. 82–122]. Это «общее место» в сочинениях различных жанров древнегреческой литературы, в Херсонесе оно могло восходить и непосредственно к труду Сириска.

Текст декрета нельзя, однако, признать исключительно ораторской прозой: автор использует ограниченное число приемов (например, отсутствуют риторические вопросы, восклицания), повествование выстроено по хронологическому принципу, предпочтение отдано изложению событий, а не утверждению какой-либо идеи. По всей видимости, автор текста, хорошо знакомый и с исторической, и с ораторской традицией (прежде всего аттической), решил добавить некоторые риторические приемы в историческое повествование. Внимание к топографическим деталям, положительные эпитеты, которыми охарактеризованы граждане Херсонеса, общие черты с тематикой сочинения Сириска свидетельствуют о том, что автор декрета в честь Диофанта происходил из херсонесских интеллектуалов, а не из придворных историков Митридата VI Евпатора.

Из исторического труда, составленного в Херсонесе, взяты некоторые сюжеты 53 главы («Повесть о крепости Херсон») трактата «Об управлении империей» Константина Багрянородного: четыре рассказа – о войнах Херсонеса и Боспора (они датируются III–IV вв. н. э.; в трактате приведены имена римских императоров и боспорских царей); еще один рассказ – о хитрости гражданки Херсонеса Гикии (связанные с ней события должны были происходить во второй половине I в. до н. э.; в трактате упоминается боспорский царь Асандр). Вероятнее всего, текст составлен в V в. н. э., но его редакции неизвестны [Грацианская, 2009, с. 106–107; Виноградов, 2013; Скржинская, 2014, с. 366]. Не вызывает сомнений создание исторического труда именно в Херсонесе, на что указывает обилие топографических деталей и наличие этиологических легенд, касающихся городской ономастики. Вместе с тем, ненадежными оказываются данные о боспорских царях, соотнесение описываемых событий со временем правления императоров Диоклетиана и Константа [Ярцев, 2010]. Согласно реконструкции А. Ю. Виноградова, анонимный автор херсонесской истории воспользовался местными преданиями о событиях II–IV вв., эпиграфикой и историографией I в. до н. э. – II в. н. э., обработав их таким образом, что среди херсонесских сюжетов оказались и фольклорное сказание (о битве херсонесского

протевона с боспорским царем), и литературная фикция, новелла (о подвиге Гикии) [Виноградов, 2013, с. 52]. Целью анонимного автора текста, вошедшего в «Повести о крепости Херсон», вероятно, было обоснование прав херсонеситов, дарованных Римом, но в то же время и демонстрация лояльности херсонеситов к властям империи (сам же Константин Багрянородный включил в 53 главу своего сочинения сведения о ненадежности херсонитов – De adm. imp. 53. 510–515).

Нетрудно увидеть связь между текстом, которым воспользовался Константин Багрянородный, и ранними сочинениями херсонесской историографии. В «Повести о крепости Херсон» так же, как в сочинении Сириска и декрете в честь Диофанта, говорится об отношениях херсонеситов с царями Боспора, во всех трех текстах прослеживается общая цель – рассказать о спасении и военном триумфе Херсонеса. Очевидно, что автор сочинения, легшего в основу « Повести…», хорошо знал местную литературную традицию. Обращают на себя внимание новшества, которые он привнес в эту традицию. Это, во-первых, поверхностная «христианизация»: автор или герои, явно относящиеся к дохристианской истории Херсонеса, часто упоминают единое божество (De adm. imp. 53. 170, 200, 208, 334, 345, 383, 453, 460, 465; мы не рассматриваем еще два случая – формулы «боголюбивые императоры», «божественные дары» – De adm. imp. 53. 159–160). Маловероятно, что это – вставки или замены, произведенные уже в X в. при составлении труда Константина Багрянородного (где вполне допускались упоминания языческих богов – De adm. imp. 14). Во-вторых, проникновение отдельных слов из разговорной латыни в историческую прозу. В научной литературе отмечалось однократное использование херсонесским автором разговорного слова *κουβικουλάρια* от cubicularius [Скржинская, 2014а, с. 168]. Обратим внимание еще на использование в семи случаях слова *φαμιλία* – от лат. familia (De adm. imp. 53. 16, 24, 41, 59, 85, 99, 101). Нельзя судить о том, насколько глубоким было знание латыни автором сюжетов «Истории крепости Херсон», но остается фактом, что это единственное херсонесское литературное произведение поздней античности, в котором использованы отдельные слова латинского языка.

Итак, можно констатировать, что автор сюжетов «Повести о крепости Херсон» был херсонеситом, происходил из аристократических кругов, связанных с центральной властью империи, выражал лояльность этой власти, о чем свидетельствуют: содержание самих сюжетов, христианская позиция автора и его знание (пусть даже поверхностное) латыни.

Историческая проза в Ольвии. Ольвия поддерживала тесную связь с метрополией (Милетом) и Афинами, ее граждане могли познакомиться с историческими сочинениями ионийских и аттических историков еще в позднеархаическое или классическое время. Однако сведения о развитии ольвийской историографии до Посидония Ольвиополита отсутствуют. Геродот в пассажах, связанных с Ольвией (Herod. IV. 14, 78–79), использовал устную традицию, а не сочинения ольвийских логографов (если, конечно, таковые существовали). Об источниках Макробия, рассказавшего об осаде Ольвии Зопирионом в 331 г. до н. э., также ничего неизвестно, это могут быть устные сообщения [Виноградов, 1987, с. 153].

Первые образцы документальной прозы в надписях Ольвии появляются позднее и относятся к тому же времени, что и жизнь Дионисия и Посидония, – к III–II вв. до н. э. Это декреты в честь Протогена, сына Гиеросонта (вторая половина III в. до н. э.), и Никерата, сына Папия (первая половина II в. до н. э.) (IosPE. I². 32, 34). Оба документа, однако, не являются собственно историческими текстами. В декрете в честь Протогена перечисляются голодные для Ольвии годы, упоминаются даннические отношения греков с сарматским царем Сайтафарном и довольно подробно рассказывается о положении Ольвии в условиях подготовки к войне с варварами. Однако описания исторических событий приводятся только для того, чтобы показать достоинства Протогена: в голодные годы он спас сограждан, пожертвовав крупную сумму для закупки продовольствия; выделил средства в городскую казну для уплаты дани Сайтафарну; перед лицом военной угрозы на свой счет возвел укрепления вокруг города. Текст декрета близок к жанру биографии-характеристики, где каждое описываемое событие интересно автору постольку, поскольку оно раскрывает характер действующего лица

[Тронский, 1946, с. 243–245]. Автор декрета в честь Никерата упоминает об отношениях Ольвии и Херсонеса, о нападении врагов на ольвиополитов в Гилее. Но эти сведения лишены конкретики, не говорится даже о том, кем были враги ольвиополитов. Для автора важнее было перечислить заслуги Никерата перед полисом и таким образом обосновать его посмертную экстраординарную награду – постановку конной статуи и ежегодное награждение золотым венком. Это приближает текст декрета к жанру энкомия – хвалебной речи. Следовательно, известные ольвийские тексты принадлежат, скорее, к историко-биографическим. Собственно историографической традиции в Ольвии, кроме сведений о Посидонии, обнаружить не удается.

Выводы. Большинство авторов ученых сочинений городов Северного Причерноморья, о которых имеются хотя бы косвенные сведения, относятся к историкам. Интерес к историописанию возрос в эллинистическое время, но он не был вызван, как во многих других государствах Эллады, общегреческими военно-политическими событиями, а сосредоточился на истории собственных государств и их взаимоотношений с соседями. О других местах (Аттике, Ливии), насколько нам известно, писал только Посидоний Ольвиополит, который, скорее всего, недолго жил на родине. Интерес к созданию исторических трудов не угасал в Северном Причерноморье вплоть до позднеантичного времени. Вероятно, существовала местная традиция историописания, прослеживающаяся в Херсонесе с рубежа IV–III вв. до н. э. вплоть до завершения античной эпохи; на Боспоре – с V в. до н. э. до первых вв. н. э. включительно. Историописание северопричерноморских античных государств было тесно связано с географией, этнографией, мифологией и ораторской прозой.

Несмотря на то, что об авторах научных сочинений, работавших в городах Северного Понта или происходивших оттуда, известно меньше, чем о философах, несколько имен и фрагментов их сочинений позволяют считать, что научная проза существовала здесь на протяжении долгого времени, была известна авторам эллинистического и римского периодов и оказала некоторое влияние на общегреческую литературу.

ГЛАВА IV. ПОЭТЫ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Статус поэзии и поэта в античности был высоким, а образ поэта-посредника между миром людей и богов появился раньше, чем аналогичный образ философа (Hes. Teog. 22–34; Plat. Ion. 536) [Зелинский, 1995, с. 53]. Поэты были призваны воспитывать граждан и пробуждать в них различные благородные чувства: мужество, почтение к законам и почившим героям [Зелинский, 1995, с. 71, 100–101; Йегер, 2001, с. 26–27; Аристофан, 2008, с. 679]. В интеллектуальной полисной жизни поэты играли ведущую роль: с их произведениями знакомились уже в детском возрасте, во время учебы, задолго до приобщения к трудам риторов, ученых и философов. В эллинистическую эпоху сложился тип поэта-интеллектуала, энциклопедиста. Профессионализм поэтов эллинистической эпохи выражался в блестящем владении грамматикой языка и множеством специфических литературных приемов. Поэзия теперь предполагала эрудированного слушателя, хорошо знакомого с мифологией и литературой [Ист. греч. лит., 1960, с. 44; Ярхо, 1999, с. 5–26. Зелинский, 1995, с. 229–230; Чистякова, Вулих, 1971, с. 209–213; Мосолкин, 2011, с. 216–218; Суриков, 2011, с. 219; Ранович, 1950, с. 288; Грабарь-Пассек, 1972, с. 5–21].

Важный признак принадлежности поэзии к интеллектуальным занятиям – появление исследований по теории поэзии. Такими исследованиями занимались уже софисты и в некоторой мере Платон (Plat. Ion. 533e, 534c, Resp. 393–394) [Тронский, 1988, с. 184–185]. Первое систематическое исследование теории поэзии принадлежит Аристотелю. Для позднейших авторов его «Поэтика» стала своеобразным справочником и руководством к действию [Чистякова, Вулих, 1971, с. 189–190]. Появление трактата Аристотеля означало, что хорошо образованный человек, следуя правильной теории, может научиться поэтическому творчеству – что выводило поэзию из ряда явлений сугубо иррациональной природы.

Термины, которые использовались в античной литературе для определения поэзии как вида творческой деятельности, совпадают с терминами, обозначавшими философию, медицину, научные занятия. В раннем диалоге Платона «Ион» искусство (*τέχνη*) и наука (*ἐπιστήμη*) противопосталяются божественному вдохновению, которое составляет суть истинной поэзии, при этом понятия *τέχνη* и *ἐπιστήμη* пересекаются. Поэзия может сравниваться с мастерством кормчего, врача, строителя, рыболова, рапсода, прорицателя, пряхи, волопаса (Plat. Ion. 537c–541b). У Аристотеля поэзия понимается как искусство – наряду с искусством медиков, танцоров, музыкантов и актеров, а поэтика – и как наука, исследование о сущности поэзии и ее видах (Arist. Poet. I. 1064), и как искусство (Arist. Poet. 19. 35, 15; 25. 15, 26. 5) [Аристотель, 1983, с. 666–667, 676, 679]. В «Ars poetica» Горация говорится, что поэзия требует не только врожденного таланта, но и выучки. Искусство, *ars*, должно дополнять природный дар (Hor. Ad Pison. 408–411) [Гораций, 1970, с. 390]. Таким образом, поэтическое мастерство, как и философия, врачебное дело, могло рассматриваться и как искусство, и как наука.

4.1. Поэзия в интеллектуальной жизни Северного Причерноморья

Ряд эпиграфических памятников, относящихся к Северному Причерноморью (начиная с архаического периода), показывает, что культурная и образовательная среда способствовала усвоению лучших образцов античной поэзии и собственному поэтическому творчеству местных уроженцев. О месте поэзии, в частности, Гомеровых поэм, в школьном образовании свидетельствуют граффити на ольвийских остраконах V в. до н. э., на которых в качестве упражнения ученики процарапывали стихи из Одиссеи (Hom. Od. IX. 39) и «Малой Илиады» – киклической поэмы, написанной, согласно литературной традиции, в VII в. Лесхом из Пирры (Clem. Alex. Strom. I. 131. 6. Paus. X. 25. 5)

[Виноградов, 1969, № 3, с. 142; Яйленко, 1980, с. 68, № 33. 3]. Надпись на известняковой плите из Боспора (*ἄστρα τὰ δὴ προβέβηκε*) – свидетельство того, что ученик резчика по камню тренировался в своем ремесле, вырезая часть стиха из «Илиады» (КБН 150; Hom. Il. X. 252). Хорошее образование позволяло гражданам северопричерноморских колоний и самим составлять короткие метрические тексты уже в начальный период существования колоний [Яйленко, 1982, с. 298–303]. Примеры хорошего знания уроженцами античных городов Северного Понта поэтических текстов и их цитирования в качестве интеллектуальной игры дает биография Биона Борисфенита (Гл. 2).

Исполнение метрических текстов играло первоочередную роль в античной культуре [Аверинцев, 1977, с. 197–205; Вернан, 1988, с. 68–69; Блаватская, 1983, с. 52–53; Kurke, 2001, p. 46–48; Mathiesen, 1999, p. 143–145]. Есть сведения о том, что в городах Северного Причерноморья исполнялись религиозные гимны по праздникам, поэтические произведения различных жанров на мусических агонах, лирические или эпические стихи на пиру [Блаватский, 1964, с. 93. Рис. 28]. Дион Хризостом рассказал о поэтах Ольвии, читавших стихи перед тем, как граждане отправлялись на войну (Dion. Chrys. XXXVI. 10) [Латышев, 1893, с. 173]. Но в целом эта сторона деятельности северопонтийских поэтов в источниках отражена значительно хуже, чем составление ими эпитафий, не предназначенных для публичного прочтения. Такой «перевес» в сторону менее репрезентативных источников, касающихся деятельности местных профессиональных поэтов или любителей, с одной стороны, может создать некорректное представление о поэтической жизни Херсонеса, Боспора и Ольвии; с другой стороны, анализ эпиграфического материала способен показать важные стороны деятельности поэтов. По крайней мере, представляется возможным выделить несколько поэтических произведений, принадлежавших творчеству профессиональных поэтов, выявить особенности их творчества и даже круг их чтения. Благодаря таким сведениям становится возможным говорить о поэтах античных городов Северного Причерноморья как о примечательных личностях в истории культуры.

Составить профессиональный портрет северопонтийского поэта возможно в общих чертах при учете основных особенностей метрических надписей, происходящих из государств Северного Причерноморья. Для архаической эпохи засвидетельствованы шесть березанских и одна боспорская стихотворные надписи. Березанские надписи представляют собой эпиграммы VII – первой половины V в. до н. э.; они представляют собой застольные надписи, сочинявшиеся участниками симпосия, а также гекзаметрическую эпитафию, записанную бустрофедоном на стеле Мастора, сына Берта (третья четверть VI в. до н. э.) [Виноградов, 1991, с. 176–179; Козуб, Белецкий, 1977, с. 173; Блаватский, 1964, с. 93. Рис. 28. 5; Яйленко,1982, с. 26–56, 298–303; Скржинская, 2013, с. 179–180].

Для классической эпохи засвидетельствовано больше памятников поэзии по сравнению с предыдущим временем, что, очевидно, вызвано завершением первого периода строительства основных апойкий, устроением общественной жизни в Ольвии и на Боспоре. В Ольвии сохранились посвятительные, строительные и надгробные метрические надписи (IosPE. I². 220, 226) [Виноградов, 1989, с. 89, 135–136, 141–147; Скржинская, 2013, с. 179–180; Скржинская, 2014а, с. 70–73; Папанова, 2006, с. 143; Антология источников, 2000, с. 479–480; Андреева, 2002, с. 30–36]. На Боспоре – посвящение Аполлону от имени царя Левкона и три стихотворные эпитафии (V–IV вв. до н. э.) (КБН 114, 115, 116) [Тохтасьев, 1998; Скржинская, 2013, с. 180; Яйленко, 2004, с. 440].В эллинистический период появляется первая стихотворная надпись в Херонесе – метрическая эпитафия на стеле Лесханорида, сына Эвклеса [Соломоник, Антонова, 1974, с. 94–105; Соломоник, 2000а; Соломоник 2000б; Carter, 2006, p. 57–60]. К 110 г. до н. э. относится херсонесская эпитафия Айхмону, командиру отряда армянских лучников (IosPE. I². 597) [Макаров, 2005, с. 239–248]. Из городов Боспора происходят посвятительные стихотворные надписи и, главным образом, метрические эпитафии: свыше десятка из Пантикапея, две из Фанагории, одна из Патрея (КБН, 113, 116–129 (Пантикапей), 991, 992 (Фанагория), 1017 (Патрей) [Болтунова, 1977, с. 23–28; Боспорские надгробия, 2009, с.44–45, 48;

Матковская, 2002, с. 95; Гаврилов, 2005, с. 60–85, 215–240]. Ольвийские метрические тексты – это посвящение на постаменте Клеомброту, эпитафия Парфениды [Козуб, Белецкий, 1977, с. 173; Денисова, 1988, с. 251–256; Древний мир на юге России, 1918, с.59–60; Андреева, 2002, с. 30–36]. Образец греческой поэзии эллинистического времени представляет собой и эпитафия царю Арготу, происходящая из Неаполя Скифского [Виноградов, Зайцев, 2003].

Но большинство стихотворных памятников Северного Причерноморья относятся к римской эпохе и представлены метрическими эпитафиями, надписями на постаментах статуй, гимнами и посвящениями богам, есть также надпись о постройке фонтана (IosPE. I². 213+527, 226, 479, 482, 485, 516, 519, 527, 546, 687, 716; НЭПХ 58, 185; КБН 130–154 (Пантикапей), 1057, 1058 (Гермонасса), 913 (Горгиппия) [АСХ, 1976, № 377; Макаров, 2009; Шелов-Коведяев, 1990. Доватур, 1992; Twardecki, 2012; Андреева, 2002; Левинская, 2017].

4.2. Просопография авторов метрических текстов Северного Причерноморья

Аристоним. Имя Аристонима сохранила надпись на березанской стеле VI в. до н. э. (ныне утрачена). В надписи Аристоним указан как постановщик стелы Мастору, сыну Берта. Необходимо отметить, что авторство Аристонима не бесспорно, оно прямо не указано в эпитафии. Отождествление постановщика стелы Мастору с автором надписи предложил В. П. Яйленко [Яйленко, 1982, с. 264]. Представляется, что такое отождествление вполне приемлемо: начальный период античных колоний не знал значительного количества профессиональных поэтов, и потому постановщик памятника, вероятнее всего, сложил эпитафию самостоятельно. Несмотря на краткость эпитафии (две строфы), можно заключить, что ее автор обладал определенным уровнем профессионализма: кроме навыка использования эпических форм, он хорошо владел метром и смог

включить в гекзаметр три личных имени (что представляет сложную поэтическую ситуацию). Надпись записана бустрофедоном на ионийском диалекте, относится к одной из наиболее ранних надписей Березани, что позволяет видеть в Аристонике представителя поколения ойкистов, принадлежащего к аристократическому роду.

Эвклес. Имя Эвклеса сохранилось в тексте единственной известной в эллинистическом Херсонесе метрической надписи на надгробной стеле. Содержание ее достаточно простое (Эвклес, врач из Тенедоса, посвятил памятник своему умершему сыну Лесханориду), но метр выдержан правильно (КЛХ 84) [Соломоник, Антонова, 1974, с. 94–105; Стржелецкий, 1969, с. 7–29, 192; Скржинская, 2013, с. 180; Carter, 2006, p. 57–60]. Особенности надписи, а также изображения на стеле (в отличие от других подобных херсонесских памятников, на стеле изображены медицинские инструменты и две мужских фигуры) связаны, по всей видимости, с иностранным происхождением Эвклеса, его высоким образованием и статусом. Патронимик Эвклеса в эпитафии не указан, но о высоком статусе врача в эллинистическом Херсонесе свидетельствует поставленная им стела. Надгробие Лесханорида, найденное в башне Зенона, как и остальные обнаруженные в ней расписные эллинистические стелы, а также фрагменты других погребальных сооружений, относится к числу дорогостоящих памятников [Carter, 2006, p. 73; Posamentir, 2012, p. 375; Мосейко, 2011; Лейбенсон, 2011а]. Вероятно, в забутовке башни использовались стелы с участка некрополя, где были похоронены представители аристократического населения Херсонеса. Последующее разрушение этого участка некрополя исследователи относят к стасису в Херсонесе и последующей победе демократов над аристократами, что и повлекло снос ряда памятников [Даниленко, 1996, с. 67; Кутайсов, 2013, с. 192]. То, что стела, поставленная Эвклесом, оказалась среди аристократических надгробий, позволяет судить о нем как о зажиточном медике, пользовавшемся почетом среди полноправных граждан. Но следует учитывать, что профессиональным поэтом Эвклеса назвать нельзя, он всего лишь продемонстрировал всестороннюю образованность, которой должен обладать профессиональный медик (Gal. Quod opt. med. sit et. philos. 1. 1–7; Hipp. De aer.,

aq., loc. II. 3) [Скржинская, 2014а, с. 45; Соломоник, 2000б, с. 275; Лейбенсон, 2014; Лейбенсон, 2015].

Стратий. Имя еще одного северопонтийского автора поэтического произведения назвал эллинистический ученый Эратосфен (в передаче Страбона – Strab. II. 1. 16). Стратий был жрецом в пантикапейском Асклепийоне и оставил остроумную метрическую надпись на бронзовой гидрии, лопнувшей от замерзшей в ней воды. Надпись, по всей видимости, была четырехстрочной и по своим характеристикам соответствовала типичной эллинистической эпиграмме: в ней сообщалось о необычайных морозах, свидетельством которых стала треснувшая гидрия; эту гидрию жрец Стратий посвятил божеству. Такие эпиграммы, часто шуточного характера, в которых сообщается о посвящении богам предметов недорогих, но по какой-либо причине памятных, хорошо известны в эллинистической литературе (AP. V. 301, VI. 308, 294, 295, 297; Athen. VII. 318, XI. 486a). Поскольку творчество Эратосфена приходится на середину – вторую половину III в. до н. э., можно заключить, что Стратий служил в Пантикапее в первой половине III в. до н. э. или в IV в. до н. э. [Twardecki, 2010, p. 521–522].

Исилл Эпидаврянин (Боспорянин). Это имя автора поэтического текста известно из надписи на известняковой плите, найденной в Эпидавре в 1885 г. при раскопках Асклепийона (IG. IV. 950, p. 218–221). Надпись содержит торжественный гимн (пеан – благодарственная песнь божеству – Hom. Il. I. 473, XXII. 391; Hymn. Hom. II. 339; Aesh. Pers. 392 [Лосев, 1967, с. 291–292; Афонасин, Афонасина, 2017, с. 139]) в честь почитаемых в Эпидавре божеств, Аполлона и Асклепия, и в самом начале текста называет автором Исилла Эпидаврянина. В дальнейшем в тексте говорится о юноше, который прибыл в Эпидавр с Боспора. Постепенный переход в тексте от третьего лица к первому (*ὁ παῖς, εἰμί, μοί*) свидетельствует о тождестве автора и действующего лица [Wilamowitz, 1886, s. 24; Fantuzzi, 2010, p. 187]. Повествуется, как Исилл пришел в Эпидавр, чтобы вылечиться от болезни, обрел исцеление и составил пеан Аполлону и Асклепию. В пеане излагается миф о чудесном рождении Асклепия и о том, как Асклепий явился больному юноше. Согласно тексту эпидаврской надписи, эпифания

произошла в то время, когда над Спартой нависла угроза военного захвата («когда Филипп вел войско на Спарту»). Асклепий возвестил больному юноше, что лично поможет спартанцам защитить отечество, а ему дарует исцеление (само исцеление, в отличие от многих других эпидаврских надписей, не описано, но, очевидно, подразумевалось; нетипично также то, что не названа болезнь, от которой юноша желал исцелиться). В честь того, что оба обещания были выполнены, Исилл предложил гражданам Эпидавра ввести торжественные шествия в честь Асклепия. Кроме того, Исилл предложил закон о восстановлении аристократического правления в Эпидавре. Закон был поддержан.

Все эти сведения вместил текст пространной надписи из пяти частей (IG. IV 2. 128). Композиция ее такова: первая часть повествует о законе, предложенном Исиллом (он касался утверждения незыблемости аристократического управления в Эпидавре); вторая – о предложении Исилом организовать процессию в честь этого закона; третья – об установлении алтаря и принесении жертв Асклепию и Аполлону; в четвертой передан сам пеан; в пятой – автобиографический рассказ о том, как Исилл пришел за исцелением в Эпидавр, и сюжет о спасении Спарты. Структура пеана необычна: если обыкновенно автор вначале обращается к родословной божества в третьем лице, после – к божеству с призывом радоваться или помиловать вопрошающего (так – в Гомеровых гимнах [Рабинович, 2007, с. 43]), то Исилл включил в стихотворный текст и необходимое описание генеалогии Асклепия, и его чудеса, но обрамил эти части пространными автобиографическими сведениями и собственными политическими декларациями.

Как было показано (Гл. 1), противоречие между демотиконом Исилла «Эпидаврянин» и сообщение о «юноше с Боспора» интерпретировалось либо в пользу эпидаврского происхождения поэта (Боспором в таком случае оказывался неизвестный населенный пункт в Арголиде или пролив Босфор) [Wilamowitz, 1886, s. 24; Лосев, 1957, с. 291; Эллинские поэты, 1999, с. 503–504; Schmitz, s. 1], либо в пользу города, находящегося на Боспоре, то есть Пантикапея [Граков, 1939, с. 285–286; Шелов, 1956, с. 140; Блаватский, 1984, с. 219; Петрова, 2000, с. 81]. Вторая интерпретация представляется более справедливой по следующим

причинам: среди всех известных Боспоров только один является населенным пунктом; в надписи подробно описаны обстоятельства прибытия Исилла в Эпидавр и специально указан приказ божества оставаться при эпидаврском святилище; язык надписи со смешением ионийских и дорийских форм может свидетельствовать не только об употреблении эпических форм, но и о том, что ионийский диалект был родным для автора (дорийский диалект как раз характерен для Эпидавра, ионийский – для Боспора). Кроме того, когда античным авторам требовалось обозначить, откуда родом тот или иной человек, обыкновенно назывался населенный пункт или местность, где он располагался. Вот как передавала античная литературная традиция сведения о происхождении знаменитых выходцев из Северного Причерноморья: «Бион был родом Борисфенит», Сфер Боспорский, Дифил Боспорский (Diog. Laert. II. 11. 113; VII. 6. 177). Диоген Лаэртский говорил и о «юношах с Понта» (Diog. Laert. VI. 1) – часто под этим также понимают выходцев из Боспорского царства. Понтом называл Боспорское царство Исократ, составивший оправдательную речь для сына Сопея, высокопоставленного чиновника боспорского царя Сатира I. При этом очевидно, что Сопеид не просто боспорянин, но пантикапеец, поскольку речь идет о столичной жизни приближенного к царю влиятельного человека (Isocr. Trapedz. 3). Понтийцами называли и выходцев из городов, расположенных на северном берегу Малой Азии (Luc. Vit. auct. 7). Приводя тот или иной топоним для рассказа об отечестве какого-либо лица, имели в виду населенный пункт, а не просто пролив, реку или море; и Боспор эпидаврской надписи логично считать населенным пунктом в Боспорском царстве, расположенном по обе стороны Боспора Киммерийского. Напротив, понимать под Боспором местность возле пролива Босфор некорректно: о жителях берегов Боспора Фракийского не говорили как о боспорянах или «выходцах с Боспора», но указывали, что они родом из Византия, Калхедона (Herod. IV. 144. 1; Polyaen. Strat. V. 44. 1; Diog. Laert 2. 8. 104) [Лейбенсон, 2018].

Что касается времени составления надписи (вопрос дискуссионный – см. Гл. 1) и событий, описанных в пеане, наиболее убедительной представляется

датировка началом III в. до н. э., поскольку она учитывает палеографические особенности текста [Wilamowitz, 1886, s. 3, 24, 30–31; Граков, 1939, с. 284–285; Schultz, Wickkiser, 2000, p. 3, 24, 30–31]. Таким образом, приемлемой представляется следующая интерпретация: Исилл прибыл в Эпидавр с Боспора около 338 г. до н. э. (нападение Филиппа II Македонского на Спарту), сыграл какую-то роль в дипломатических отношениях Спарты и Эпидавра, обрел исцеление и остался в Асклепийоне, получив гражданство и продолжив принимать активное участие в жизни эпидаврской общины (потому он и называет себя эпидаврянином, подчеркивая свои заслуги). Запись текста совершена Исиллом в пожилом возрасте, когда он уже успел сыграть заметную роль в эпидаврской общине.

Дискуссионным является и вопрос о профессионализме Исилла как поэта. Поэтический стандарт пеана нередко называли невысоким, отмечались погрешности в метрике и неравномерное распределение эпических слов и прозаических форм [Граков, 1939; Ярхо, 1988, с. 190; Schmitz, p. 1]. Однако в тексте есть свидетельства высокой образованности и начитанности Исилла: большое количество реминисценций из эпоса, знание мифологической традиции, аналогии поэтического языка с Пифийскими одами Пиндара (Pind. Pyph. Od. 1. 49; 6. 48) [Wilamowitz, 1886, s. 10]. Обращает на себя внимание и отсылка к поэзии Солона: Исилл использовал чередование стихотворных размеров, которое характерно для элегий Солона; как и Солон, выразил убежденность в том, что аристократию должен контролировать демос, чтобы она не впала в «подлость» [Fantuzzi, 2010, p. 184]. Таким образом, Исилл может рассматриваться как оригинальный и образованный автор, желавший предстать перед читателем новым Солоном и новым Малом, то есть реорганизатором культа и мудрым законодателем, получившим закон от самого божества.

Эпидаврская надпись позволяет судить не только о характере поэтического творчества, но и о личности автора. Исилл был сведущ в законах, с юности являлся приверженцем аристократического образа правления и жизни. Именно с аристократическим правлением он связывал общее благоденствие.

Аристократический порядок даст эпидаврянам, по его мнению, возможность «наслаждаться… добропорядочностью мужей, законностью, миром и безупречным богатством». Возможно, аристократические воззрения Исилла вошли и в пеан. Имя дочери Мала, Клеофема, отсылает читателя надписи к двум аристократическим ценностям – *κλέος* (слава) и *φήμη* (репутация, добрая слава), а Асклепий назван *ἄριστος θεός*. Эпитет *ἄριστος* крайне редок для богов, но является ключевым для аристократической идеологии [Fantuzzi, 2010, p. 184]. Исиллу, как приверженцу аристократии, присуще лаконофильство: в пеане сказано, что Асклепий «почитает потомство Геракла» (очевидно, дорийцев). Аполлон (Феб) и Асклепий названы царями – это перекликается с «царской честью» Спарты. Исилл обратился к образу законодателя Лигурга, да и сам закон, предложенный им, находит прямую аналогию с ретрой Ликурга (Plut. Lic. 13).

Исилл хорошо знал мифологическую традицию, культовые обычаи различных греческих центров (например, фессалийской Трикки); в описании учрежденной им процессии в честь Аполлона и Асклепия продемонстрировал полное согласие с общегреческой традицией почитания Аполлона и его сына [Лосев, 1957, с. 272]. Фрагмент надписи, в котором описывается культовая процессия, по форме относится к миметическим гимнам – этот жанр только начинал разрабатываться во время жизни Исилла [Чистякова, Вулих, 1971, с. 211; Sheppard, 2013, p. 227–228].

Поэт сообщил также детали генеалогии Асклепия, не отраженные больше ни в одном источнике. Родословие Асклепия, как его передал Исилл, таково: Зевс выдал свою дочь Эрато за Мала; у них родилась дочь Клеофема; последнюю взял в жены Флегий из Эпидавра; в этом браке родилась Эгла, прозванная Коронидой; Эгла жила в доме деда, Мала, где и совершился священный брак Эглы-Корониды с Фебом; в результате иерогамии Коронида родила Асклепия. Другими античными авторами этот миф передан иначе. Общим сюжетом была неверность и трагическая смерть Корониды еще до рождения Асклепия (Hes. Cat. Gyn. 28; Pind. Pyth. III. 1, 8–44; Hymn. Hom. II. 31–32; Paus. II. 26. 5; Hyg. Fab. 202; Ps.-Apoll. III. 10. 3; Ovid. Metamorph. II. 600–612) [Грейвс, 1992, с. 134–137]. Исилл же

проигнорировал сюжет с гибелью Корониды, позволил ей остаться в живых и родить божественного сына, даже ввел в сюжет нехарактерное для мифа о рождении Асклепия действующее лицо – мойру Лахесис, бывшую повитухой. Флегий, отец Корониды, назван уроженцем Эпидавра, что также входит в противоречие с другим вариантом мифа, согласно которому Флегий происходил из Фессалии (Hymn. Homer. XVI. 3; Pindar. Pyth. III. 9). Но Исилл специально подчеркнул, что Флегий – эпидаврянин, и в его эпидаврском доме Коронида зачала и родила Асклепия. Следует также обратить внимание на слияние образов Эглы и Корониды у Исилла; в иных известных версиях мифа Эглой зовут дочь Асклепия (Plin. N. H. XXXV. 137). В пеане Исилла Эгла и Коронида – одно лицо, поэт поясняет это тем, что Эглой ее назвали при рождении, а Коронида – прозвище, данное в связи с ее красотой. Видимо, Исилл назвал мать Асклепия Эглой исходя из спартанского имени Асклепия – Эглаэр. Такой пример фантастической этимологии помог Исиллу сблизить Эпидавр и Спарту [Лосев, 1957, с. 283; Эллинские поэты, 1999, с. 504].

Итак, Исилл в своем пеане вывел новую версию происхождения Асклепия как «эпидаврского» бога. Миф был призван подчеркнуть первостепенное значение Эпидавра в культе божества и дружественные отношения Эпидавра со Спартой. Насколько можно судить по сообщениям позднейших авторов, «счастливая» версия мифа, рассказанная Исиллом, не укоренилась глубоко даже в Эпидавре. По крайней мере, в римское время Павсаний так передал эпидаврскую традицию: Флегий не родился в Эпидавре, но прибыл туда с разведывательной миссией, а Коронида погибла от рук Аполлона (Paus. II. 26. 3–4). В пеане Исилла не отражена прочная эпидаврская традиция, однако этот вариант мифа об Аполлоне и Асклепии не находит аналогий и в многочисленных боспорских (и вообще северопонтийских) памятниках, где Асклепий и Аполлон являлись популярными фигурами, но вовсе отсутствовал сюжет о рождении Асклепия. (КБН 6, 10, 25) [Гайдукевич, 1949, с. 57, 161; Пичикян, 1984, с. 174–176; Кобылина, 1984, с. 212–214; Свиташева, 1999, с.121–132; Вдовиченко, 2008, с. 99, рис. 55. 1, рис. 54. 7, рис. 57. 1; Скржинская, 2009, с. 328; Толстиков, 2010, с. 277–

315; Толстиков, 2013. с. 18–20; Толстиков, Муратова, 2013, с. 176–193] Если пеан записан в поздний период жизни Исилла, то следует признать здесь влияние не боспорской локальной традиции, а личного творчества поэта: своеобразное истолкование мифа, вымышленные, а потому уникальные генеалогии богов вполне характерны для эллинистической поэзии [Эллинские поэты, 1999, с. 504, Торшилов, 1999, с. 112].

Необходимо также обратить внимание на близость времени жизни Исилла-творца пеана и Исилла-победителя дельфийских Сотерий, также выходца с Боспора (известен по дельфийской надписи 268–266 гг. до н. э.) [Граков, 1939, № 11]. Исходя из совпадения имен, близости времени их жизни, исследователи предполагали в двух Исиллах родственников или одно лицо [Граков, 1939, с. 285; Петрова, 2000, с. 157]. Если сопоставить время написания пеана с нападением на Спарту Филиппа V, то отождествление двух Исиллов невозможно. Если принять более убедительную датировку, на которой настаивал Б. Н. Граков (гимн записан ок. 280 г. до н. э.), то такое отождествление выглядит несколько более реальным. Но и в последнем случае сложно допустить, что Исилл, победивший в Сотериях, и Исилл-автор пеана – это одно лицо. На момент записи гимна ему должно быть около 70 лет. Случаи долгожительства среди античных философов, поэтов и музыкантов известны (Philostr. Vit. sophist. Praef. 9. 3, II. 1. 36), но все же маловероятным представляется участие Исилла в музыкальных агонах спустя еще десятилетие.

Пеан Исилла Эпидаврского, которого можно с большой степенью вероятности считать выходцем из Боспорского государства, отражает и предвосхищает тенденции эллинистической поэзии: обращение к индивидуальным чувствам, знание мифологической традиции и собственная трактовка мифологических сюжетов. Эти черты роднят Исилла как с известными поэтами эллинистического времени, так и с авторами поэтических текстов, происходивших из Северного Причерноморья. Историко-литературное значение текста Исилла велико и само по себе: пеан не только отражает общие особенности эллинистической мелики, он повествует о чудесах, совершенных божеством,

являясь, таким образом, одним из первых известных произведений ареталогического жанра.

Сосий, вольноотпущенник Стратоника, сына Зенона. Еще один из немногих известных по имени северопричерноморских составителей поэтических надписей – Сосий, вольноотпущенник. Источник сведений о нем – только один надгробный памятник конца I – начала II в. н. э. с рельефом и выполненной элегическим дистихом метрической эпитафией его патрону, Стратонику, сыну Зенона (КБН 145; Прил. I. Табл. 3. № 4) [Шкорпил, 1914, с. 73]. Поскольку Сосий отмечен в надписи в качестве постановщика стелы Стратонику, приемлемо видеть в нем автора поэтической эпитафии. Тот факт, что патрон Сосия был мыслителем и издавал свои сочинения, также делает возможной роль Сосия при Стратонике в качестве секретаря, обученного в доме хозяина, после получившего свободу и оставшегося помощником патрона в его ученых занятиях [Шкорпил, 1914, с. 73].

В поэтическом тексте эпитафии Сосий назвал патрона «божественным другом», отразив общую для античной литературы мысль: человек становится богоравным (или посредником между мирами богов и людей), если он мудр или хотя бы стремится к мудрости. Стратоник, по слову автора эпитафии, после смерти причислен к «прежним великим людям» – это также намек на мудрецов, получивших божественный удел после смерти (Гл. 2). Можно заключить, что Сосий был знаком с популярными философскими идеями эллинистического и римского времени и, возможно, даже сочинениями философов. Поэтическая эпитафия на стеле Стратоника характеризуется соблюдением метра и богатством лексики, что также свидетельствует о качественном грамматическом образовании автора [Блаватский, 1954, с. 51, 53]

На двух ярусах стелы Стратоника имеется изображение слуги. Мужчина в ораторской позе и слуга при нем – частый сюжет для боспорских стел (Прил. I. Табл. 3, 4), как и изображение слуги рядом со всадником. Можно ли считать изображение слуги на стеле Стратоника фигурой Сосия, неясно. Слуга подает Стратонику полотенце (на нижнем рельефе – еще и чашу), что никак не отличает

эту фигуру от остальных изображений слуг в боспорской мемориальной скульптуре.

Сохранилась пантикапейская стела первой половины II в. н. э., которую поставили товарищи-фиаситы некому Сосию (КБН 89). Хронологическая близость двух памятников, в которых упоминается имя Сосия, отсутвие в обоих случаях патронимика, позволяет предположить, что Сосий по смерти покровителя стал членом погребального союза, организованного неполноправными пантикапейцами [Заботит, 2006, с. 69]. Но однозначно подтвердить данное предположение не представляется возможным.

Гимнасиарх Демотел, сын Феофила. Единственный источник сведений о Демотеле – часть мраморной плиты, содержащая текст гимна Гермесу и имя Демотела, поставившего памятник божеству (Херсонес, II в. н. э. – IosPE. I². 436).

Часть надписи, где было названо имя божества, не сохранилась, но выражения, находящие аналогии в «Илиаде» и Гомеровых гимнах, позволили определить, что гимн посвящен Гермесу, названному в херсонесском тексте *ἄγγελος ἀθανάτων* – вестником бессмертных (Hymn. Hom. III. 3). Другие характеристики Гермеса в херсонесском гимне (как владыки и проводника смертных, имеющего ключи вечной жизни) находят аналогии в орфическом гимне Гермеса Хтония (Orph. LVII) [IosPE. I². p. 401; Латышев, 1904, с. 20; Белов, 1948, с. 119]. Метрика гимна хорошо выдержана, ионийские эпические словоформы соседствуют с характерными для херсонесского автора доризмами [IosPE. I². p. 401]. Структура херсонесского гимна соответствует структуре Гомеровых гимнов: прославление божества в третьем лице, а затем – обращение поэта к божеству и испрошение у него милостей [Латышев, 1905, с. 261–264]. Можно предположить в Демотеле человека, который получил хорошее образование и даже занимался литературой более или менее профессионально. На должность гимнасиарха избирались люди зажиточные, чтобы нести из своих средств заботу о нуждах гимнасия, начиная с обеспечения годового запаса масла и заканчивая организацией состязаний [Марру, 1998, с. 178]. Демотел, очевидно,

обладал достаточным состоянием и мог позволить себе обучение у лучших учителей на родине и вне ее.

Марк. Из фрагментарно сохранившейся херсонесской надписи о мусических агонах первой половины II в. н. э. известен Марк, составитель энкомиев (IosPE. I². 433; НЭПХ 127) [ХТ, 2004, с. 315–316]. В надписи были указаны и имена других поэтов – трагика, комедиографа, однако отчетливо читается только имя Марк. В. В. Латышев предложил восстановление еще одного имени (профессия его носителя осталась неизвестным) – Полидор [IosPE. I². p. 398]. Но это чтение основывалось всего на трех буквах по фотографии камня. Имя поэта, выступившего в поэтическом состязании, допускает различные трактовки: он мог быть римлянином по рождению или взять это имя после получения римского гражданства; мог также быть вольноотпущенником. Из-за того, что плита с надписью фрагментирована, нельзя установить, ограничилась ли запись имени Марка только номеном (тогда можно предположить отпущенника) или же было записано полное имя. Неизвестно также, жил ли Марк в Херсонесе. В участниках херсонесских агонов видели местных авторов и исполнителей [например: НЭПХ, 1973, с. 100, 104; Антонова, Яйленко, 1995, с. 58–86; Скржинская, 2014а, с. 102–103], но нельзя исключать и участие приезжих поэтов и музыкантов. Победа в Херсонесе не могла сравниться с победой в крупном культурном центре, но в римское время поэты и музыканты знали этот город [Сапрыкин, 2002, с. 72–84]. Об общественном и имущественном положении Марка также сложно судить однозначно. Если хорегу требовалось обладать значительным состоянием, чтобы нести расходы из собственных средств для подготовки хора, то сочинителю энкомиев не обязательно быть зажиточным человеком – достаточно лишь грамматического и мусического образования (в классическую и эллинистическую эпохи оно было прерогативой свободнорожденных, но в римское время его получало значительное количество рабов и отпущенников), некоторого источника дохода (включая доход от написания стихов на заказ) и средств для поездки на состязания, если они проходили не в родном городе поэта.

Больше можно сказать о том, что составляло предмет творчества Марка. Энкомий в эпоху архаики был хвалебной песнью во время праздничных шествий в честь божества или победителя [Любкер, 1885, с. 470–471; Pindar, 1997, p. 16]. Позднее так стали называть похвальные речи или стихи [Ист. греч. лит., 1941, с. 243]. Энкомий относился к «мелике публичной сферы» (в отличие от мелики, исполняемой на симпосиях) [Kurke, 2001, p. 46], при этом он был своего рода риторическим жанром, как хвала противостоял псогосу – поношению [Аверинцев, 1984, с. 359; Ист. всемирн. лит., 1983, с. 388, 389, 410]. Жанр энкомия оказался востребован и в Северном Причерноморье римского времени: известен прозаический пантикапейский энкомий полководцу и воспитателю боспорского царя Савромата I (Гл. 2). Близость мусических и спортивных агонов в Херсонесе римского времени (рядом с надписью о мусических агонах найдены фрагменты спортивных агонистических каталогов – IosPE. I². 434, 610, 620 [НЭПХ, 1973, с. 97–104]) позволяет предположить, что Марк посвятил энкомий кому-то из победителей атлетических состязаний [Mathiesen, 1999, p. 135].

Следует упомянуть также имена поэтов, посещавших северопричерноморские города для исполнения своих произведений по приглашению гражданской общины или монарха. В IV в. до н. э. родосский военачальник Мемнон, воевавший с боспорским царем Левконом I, направил исполнителя *Аристоника из Олинфа* на Боспор вместе с послом из Византия Архиабадом с разведывательной миссией. Игра прославленного кифареда и исполнение им песен пользовались огромной популярностью на Боспоре. Из этого Мемнон заключил, что все свободные граждане соберутся послушать игру музыканта и можно будет таким образом выведать число воинов противника (Polyaen. V. 44. 1) [Сапрыкин, 2004]. При Перисаде I (344–310 гг. до н. э.) столицу Боспора посетил знаменитый афинский кифаред *Стратоник*, живший при дворе царя Перисада I (Athen. VIII. 349d) [Гайдукевич, 1949, с. 161; Подосинов, 2009, с. 90–92; Twardecki, 2010, p. 519]. Как известно из почетного херсонесского декрета II в. н. э., в город приглашался *Гай Сильван*, «исполнитель игры на лире из черепашьего панциря», чтобы выступить с песнями под музыкальный

аккомпанемент. Посещение Херсонеса поэтом сочли важным мероприятием, поэтому навклеру из Тиры, Диофанту, сыну Герака, доставившему музыканта в Херсонес, даровали проксению и гражданство, а также право иметь имущество в городе [Сапрыкин, 2002, С. 72–84].

4.3. Творчество анонимных поэтов по данным эпиграфических памятников Северного Причерноморья

Авторы большинства поэтических текстов Северного Причерноморья не известны нам по имени. Это составители эпитафий, метрических посвятительных надписей. При исследовании той или иной надписи специалисты обращают внимание на ее филологические особенности: стихотворный размер и владение метрикой, богатство поэтической речи (или, напротив, использование готовых шаблонов). На основе этих данных можно попытаться охарактеризовать автора надписи, уровень его профессионализма.

Особенности языка в надписях архаического и классического времени характеризуются преобладанием ионийского диалекта, что обыкновенно объясняют влиянием ионийской родины колонистов. Естественен ионийский диалект в ольвийском подражании Симониду и автору хиосской эпиграммы, посвященной Гармодию и Аристогитону (надпись об ольвийском тираноборце IV в. до н. э.) [Виноградов, 1989, с. 135–137]. Ионизмы в надписях эллинистического и римского времени принято связывать не столько с особенностями живой речи, сколько с поэтическими приемами [КБН, с. 123]. Смешение различных диалектов также объясняют не особенностями языковой ситуации в Северном Причерноморье, а поэтическим мастерством автора. К эллинистическому времени относится пантикапейская эпитафия Аполлония (КБН 119), в которой использованы слова в формах как аттического, так и ионийского диалектов ради поэтической просодии (правильного произношения долгих и коротких слогов в

стихе). Доризмы встречаются в ольвийской эпитафии семилетней девочке Парфениде II в. до н. э. Исследователи предлагали различные объяснения этому: либо автор следовал некой литературной моде, либо семья Парфениды происходила их Херсонеса [Андреева, 2002, с. 33]. Больше известно примеров смешения диалектных форм в римское время (КБН 125, 126, 132, 147). В эпитафии жены Дия, богатой дорийскими и эпическими словами, присутствует одно персидское слово: *γάζα* – сокровищница [Болтунова, 1977, с. 23–28; Босп. надгр., 2009, с.44–48]. Смешение ионийских и дорийских форм использовал херсонесский автор эпитафии Ойнафы, дочери Главка (II в. н. э.) [Латышев, 1892, с. 28, 29]. Так же поступил гимнасиарх Демотел, сочинивший гимн в честь Гермеса. Ионийский и эолийский диалекты соседствуют в березанском гимне Ахиллу Понтарху [Шелов-Коведяев, 1990, с. 49–62]. Латынь, в римское время использовавшаяся в официальных, сакральных и частных надписях, в метрику северопричерноморских городов не вошла. По всей вероятности, в этом не было необходимости с точки зрения культурной жизни греческих полисов, продолжавших использовать греческий язык в поэзии и прозе.

В метрике эпитафий преобладал элегический дистих, со времен архаики бывший наиболее распространенным размером для эпитафий и эпиграмм. Реже авторы надгробных надписей применяли ямбический триметр, который с эллинистического времени использовался в драматических произведениях, в диалогах [Гаспаров, 2003, с. 65]. Некоторые березанские и ольвийские стихотворные надписи выполнены гекзаметром (застольные надписи, эпитафия Леоксу, сыну Мольпагора [Крюгер, 1921, с. 41–50; Латышев, 1922, С. 65–70; Виноградов, 1989, с. 87–89]). Для двух застольных надписей (на сосуде Аполлофана, на кубке Милесии) В. П. Яйленко предположил иррациональный ионик – шестидольный четырехсложный стихотворный размер [Яйленко, 1982, с. 301–303]. Такой размер как нельзя лучше подходил для симпосия, поскольку древние ассоциировали его с изнеженностью, разнузданностью [Шталь, 1983, с. 41]. Боспорские метрические тексты, вошедшие в КБН, дают такую картину: в классическое время элегическим дистихом составлены две надписи (КБН 114,

1113), использовались также неправильный пентаметр (КБН 115), гекзаметр (КБН 116, 1017); метрических эпитафий эллинистического времени, составленных элегическим дистихом, насчитывается десять (КБН 118, 120–129), одна составлена гекзаметром (КБН 117), одна – ямбическим триметром (КБН 119); в римскую эпоху также большинство эпитафий написаны элегическим дистихом – таковых известно двадцать (КБН 130–133, 135–141, 143, 145, 146, 148, 151, 913, 992, 1057, 1192). В двух случаях использовался ямбический триметр (КБН, 134; КБН, 142), чередование гекзаметра и пентаметра – также в двух (КБН 144, 147). Среди боспорских надписей, обнаруженных позднее, большая часть составлена традиционным элегическим дистихом [Болтунова, 1968, с. 130–132], лишь одна – триметром [Яйленко, 1995, с. 213].

При изучении метрических надписей исследователи обращают внимание и на то, строго ли выдержан стихотворный размер. Это говорит о характере образования, полученного автором текста, его поэтическом умении. В условиях увеличившегося разрыва между разговорной и литературной речью задача выдержать метр и учесть долготу слогов уже для эллинистического поэта была довольно сложной, а успешное ее выполнение свидетельствовало о хорошей выучке и профессионализме. Напротив, плохое владение метрикой выдает «ремесленника» от поэзии или же образованного, но не профессионально занимающегося поэзией автора.

Среди северопричерноморских авторов, недостаточно хорошо владевших метром (таких было значительное количество в римское время), называли авторов херсонесского надгробия Марку Аврелию Язону, ольвийской надписи Леокса, сына Мольпагора, боспорской эпитафии детям Филении [Латышев, 1895, с. 15; Латышев, 1922, с. 78]. Автор пантикапейской эпитафии юноше, умершему двадцатилетним, составил надпись из литературных шаблонов, но метр ему все равно не удалось выдержать [Иванчик, Толстиков, Ковальчук, 2007, с. 107–117]. Эпитафия жены Дия написана хорошим поэтическим языком, но имеет некоторые нарушения в метре [Болтунова,1977, с. 23–28, Босп. надгр., 2009, с. 44–45, 48] Ошибки в метре также допустили авторы эпитафий Мусе, жене Полистрата (КБН

139), Каллиотеру, Симфоре и Миромене (КБН 147), Клеопатре, жене Зила (КБН 144), Кпеефиру, потомку Кабафакса (КБН 1113). В двух последних случаях, впрочем, нарушения могли быть вызваны ошибкой резчика [КБН, с. 142; Шкорпил, 1914, с. 77, №8]. Всего одно незначительное нарушение допущено автором эпитафии Саббиону, сыну Стефана (КБН 146).

Есть примеры надписей, авторы которых, напротив, показали профессионализм в отношении стихосложения. Составитель березанского гимна Ахиллу свободно владел метрикой, не перегружал строфу спондеями [Шелов-Коведяев, 1990, с. 49–62]. Профессионализм продемонстрировал автор эпитафии Гекатею, который не только выдержал метр, но также использовал редкий прием – рифму, желая специально подчеркнуть связь между синтагмами и предложениями [Панченко, 1992, с. 36–39]. Выдержаны правильный размер и просодия составителями эпитафий Аполлонию (КБН 119), Лисимаху, сыну Психариона (КБН 120), Аргонаю и Ма (КБН 132). Уникальный случай для северопричерноморской эпиграфики представляет надгробная надпись Феофиле (КБН 130): четыре стиха выдержаны в размере элегического дистиха, следующие четыре написаны ямбическим стихом, за ними следует снова элегический дистих, притом все эти размеры выдержаны без нарушений [Латышев, 1905, с. 124–128, № 47; Доватур, 1992, с. 11–27; КБН, с. 129].

Еще одной важной характеристикой текста является богатство поэтической речи. Оно демонстрирует уровень образования автора текста, его начитанность в поэтических и прозаических произведениях. Наряду с правильностью метра эта характеристика служит основанием для определения профессионализма автора.

Прежде всего, поэты демонстрировали знание Гомера. Большинство заимствований поэтических слов в поэзии северопонтийских колоний – это заимствования из «Илиады» и «Одиссеи». В подражании Гомеру остальных анонимных поэтов превзошел автор (это мог быть ольвиополит или боспорянин, учитывая связи Неаполя Скифского с Ольвией и Боспором) эпитафии в честь царя Аргота: в восьми строфах надписи он использовал десять гомеризмов [Виноградов, Зайцев, 2003]. Среди поэтов, продемонстрировавших богатство

поэтической речи, – боспорские эллинистические авторы эпитафий Аполлонию, сыну Аполлония (КБН 119), Лисимаху, сыну Психариона (КБН 120). Эпитафия Аполлонию – одна из наиболее пространных боспорских метрических надписей: в тринадцати строках автор показал свое знакомство с эпической поэзией и философской прозой, навык в употреблении ярких стилистических приемов [Гаврилов, 2005, с. 62, 240]. Также следует назвать автора эпитафии жене Дия и Клеопатре; их авторы отсылали читателей к образам эпической поэзии (КБН 124) [Болтунова, 1977, с. 23–28; Босп. надгр., 2009, с. 44–48]. Среди авторов римского времени на Боспоре «изысканную речь» отмечали у составителя эпитафии Аргонаю и Ма (КБН 132); удачные заимствования из поэм Гомера – у составителя эпитафии Гликариону, сыну Гликариона (КЛ – 439) [КБН, с. 131], из Симонида Кеосского – у автора эпитафии Феодору (КБН 135 = AP. VII. 516). Такие заимствования говорят если и не о поэтическом профессионализме автора, то о его хорошем образовании и интересе к поэтическим проблемам и великим поэтам прошлого. Начитанность в эпических поэтах обнаружили упомянутый вольноотпущенник Сосий (КБН 145) [Шкорпил, 1914, 54, с. 71–75, № 5], автор эпитафии Феофиле (КБН 130) [Латышев, 1905, с. 127; Доватур, 1992, с. 19–20]. Профессиональным поэтом мог быть автор эпиграммы, посвященной жене Асандра Гликарии, устроившей фонтан неподалеку от Нимфея (КЛ–1279 = КБН 913), продемонстрировавший умение использовать эпические гомеровские выражения; ввел собственный неологизм: «*ἀγχίκρηνον*», источником которому послужило слово «*ἀγχίκρηνος*» (с жадностью припадать к чему-либо) у Пиндара [КБН, с. 508; Slater, 1969, p. 7; Twardecki, 2012, с. 501–507]. О начитанности поэтов Херсонеса римского времени говорят упомянутый гимн Гермесу и надпись на надгробии Басса (IosPE. I². 436; КЛХ 105); оба текста написаны хорошим языком, с использованием эпитетов, находящих аналогии в «Илиаде», Гомеровых гимнах и греческой поэзии классического времени [Шангин, 1938, с. 78; Белов, 1948, с. 119]. Профессионализм продемонстрировали также составители эпитафий Ойнафе, дочери Главка и Ксанфу, сыну Лагорина [Скржинская, 2013, с. 181]. Автор ольвийского гимна Ахиллу был человеком высокообразованным, уделял

пристальное внимание мифологическим сведениям об Ахилле; знал поэмы Гомера, подтверждая этим сообщение Диона Хризостома о предпочтениях ольвийских поэтов (Dion. Chrys. Or. XXXVI. 9, 14, 25), но учитывал и орфическую традицию, в которой была представлена роль Эака как судьи в мире мертвых, и представление о том, что Ахилл – Земледержец [Шелов-Коведяев, 1990, с. 53].

Для авторов метрических текстов Северного Причерноморья характерны не только заимствования из эпоса и поэтов архаического и классического времени, но включенность в общие для античной литературы процессы и круг топосов – общих мест (Arist. Rhet. I. 1; Top. II. 22), стандартизированных образов, повторяющихся в разновременных произведениях различных авторов [Curtius, 1953, p. 92; Хазагеров, 2008, с. 6–26]. Особенно отчетливо прослеживаются сюжеты и образы, характерные для эпиграмм позднеархаического, классического и – в наибольшей степени – эллинистического времени в метрических эпитафиях Херсонеса и Боспора эллинистического и римского периодов. Это следующие топосы:

1. смерть вместо брака. Молодой человек умер, не познав брака, и теперь его смерть оплакивают родители. Для умершего (умершей) брачным чертогом становится могила или обитель Персефоны/Аида (КБН 125, 127, 130, 139, 141, 142; соответствия: AP. VI. 486, 490; AP. VII. 13, 182, 215, 445, 468, 489, 491, 527, 538, 712);

2. умершая родами оставляет скорбящих мужа, старших детей, родителей (IosPE, 1², 519; Болтунова, 1977, с. 23–28; соответствия: AP. VI. 287; AP. VII. 163, 465, 528, 730, 740; Греческ. эпигр., 1993, с. 285);

3. причиной гибели стала морская стихия: волны унесли жизнь человека (ВДИ, 1938, № 3 (4), с. 77 сл., № 8; соответствия: AP. VI. 205; AP. VII. 263, 656, 739);

4. умерший был мудрым человеком, и потому обрел подлинное бессмертие (КБН 121, 145; соответствия: AP. VII. 21, 43, 44, 103, 131, 464, 727; AP. XVI. 31; Clem. Alex. Protr. 4. 55);

5. мать хоронит своего ребенка. Автор специально указывает на то, что тщетны страдания женщин, рождающих и вскармливающих детей, если после им суждено похоронить свое потомство (IosPE. I². 482; соответствия: AP. VII. 261, 464, 468; AP. IX. 390);

6. завистливое и жестокое божество (Аид, Арес, Мойра) прекращает (похищает) жизнь человека (КБН 120, 123, 124, 126, 130, 132, 139, 141; IosPE. I². 482; Болтунова. 1977, с. 23–28; соответствия: AP. VII. 13, 226, 439, 468, 481, 538, 712, 729; Греческ. эпигр., 1993, с. 315; Мал. ист. искусств, 1972, с. 77);

7. благая загробная участь сравнивается с легким камнем или легкой землей на могиле (КБН 146; соответствия: AP. VII. 470, 658) [Лейбенсон, 2012; Лейбенсон, 2012а; Лейбенсон, 2017а].

Можно заключить, что профессионализм анонимного автора поэтического текста определяется по двум основным признакам: богатство поэтической речи автора и умение выдержать просодию, причем последний фактор обыкновенно преобладает [Латышев, 1892, с. 28–29; Босп. надгр., 2009, с. 94].

Указанные признаки подтверждаются примерами из общегреческих литературных памятников. Так, ученик основателя стоической школы Зенона Китийского, Клеанф из Асс, профессиональным поэтом не был, но его авторству принадлежит гимн Зевсу, в котором, как считают, отражены народные, философские и личные взгляды автора на природу божества (Stob. Ant. I. 1. 12; Seneca. Ad Lucill. CVII. 12; Epict. Encheirid. 52). Этот гимн относят к жанру «философского эпоса», он написан гекзаметром, продолжая традицию Гомеровых гимнов и гимнов орфиков [Эллинск. поэты, 1999, с. 202; Гаспаров, 1997, с. 491]. Целью Клеанфа было создать идеальные стихи, соответствующие стоической философии [Гаспаров, 1997, с. 540–541]. В тексте гимна видна поэтическая одаренность [Фрагм. ран. стоик., 1998, с. 160–208]; стиль выдержан в манере, характерной для культовых песен [Поленц, 2015, с. 232–233]. Гимн изобилует поэтическими аналогиями с гомеровским эпосом и Гомеровыми гимнами, орфическими гимнами, сочинением Гераклита [The Hymn of Cleanth., 1921, p.10–19; Bremer, 2006–2007, p. 32]. Однако в гимне Клеанфа все же заметны некоторые

нарушения метра и случаи зияния (недостатка нескольких слогов) в двух стихах [Hopkinson, 1988, p. 132]. Именно это выдает в авторе не профессионального поэта, хотя он был талантливым человеком, получившим основательное образование.

Таким образом, указанные характеристики поэтического текста, метрика и богатство речи действительно могут быть критериями для определения профессионализма или непрофессионализма автора. Исходя из всех указанных характеристик, можно считать профессиональными поэтами создателей следующих метрических надписей. Для эллинистической эпохи необходимо выделить как профессионального поэта автора пантикапейской эпитафии Аполлонию, сыну Аполлония (КБН 119). В римское время в качестве боспорских профессиональных поэтов следует рассматривать авторов эпитафий Феофиле (КБН 130), Гекатею (КБН 121), Гликариону (КЛ–439), Стратонику, сыну Зенона (то есть Сосия – КБН 145), жены Дия (КБН 124), надписи об установке фонтана Гликарией (КБН 913) [Болтунова, 1977, с. 23–28; Матковская, 2002, с. 95, Twardecki, 2007a, с. 540–546; Босп. надгр., 2009, с. 44–45, 48]. Из херсонесских метрических текстов можно выделить как профессионально выполненные эпитафии Ксанфу (IosPE. I². 482), Ойнафе (IosPE. I². 519) и Исигоне (IosPE. I². 516) [Скржинская, 2014a, с.74–77; Скржинская, 2013, с. 181]. Среди надписей Ольвии пример профессионального творчества – гимн Ахиллу [Шелов-Коведяев, 1990, с. 56–59]. Таковы эпиграфические памятники, исследователи которых специально отмечали профессионализм составителей надписей. К творчеству профессиональных поэтов следует добавить, на наш взгляд, также те метрические тексты, которые отличаются высоким литературным уровнем и в них выдержана метрика. Это эпитафии Лисимаху (КБН 120), Клеопатре (КБН 124), Аргонаю и Ма (КБН 132).

Часто встречаются и тексты ремесленников от поэзии. Один и тот же поэтический шаблон использован в эпитафиях братьям Никию и Анхиалу, педотрибу Фарнаку, сыну Фарнака (КБН 127, 129) [Боспорск. надгр., 2009, с. 146]. Такие надписи могли составлять родственники или ученики умерших, товарищи

по фиасу (аналог – AP. VII. 295) [Сапрыкин, 2007, с. 369–373]. Весь текст эпитафии, обнаруженной при раскопках центральной части акрополя Пантикапея в 2005 г., состоит из поэтических клише; его автор принадлежит к «группе профессиональных сочинителей метрических эпитафий», которые работали в Пантикапее в I в. до н. э. – I в. н. э. [Иванчик, Толстиков, 2007].

Сочинители эпиграмм и комедий из херсонесской надписи о победителях в мусических агонах (IosPE. I². 433 = НЭПХ 127). Несмотря на то, что имен поэтов херсонесская надпись об агонах не сохранила, она содержит ценное свидетельство о разнообразии поэтических жанров, известных в Северном Причерноморье во II в. н. э. Это энкомий (в этом жанре представил свое произведение победитель Марк), эпиграмма, комедия.

Эпиграмма как жанр появилась в эпоху архаики. Первоначально была краткой стихотворной надписью, раскрывавшей назначение предмета (награда, посвящение божеству). К эллинистическому времени обязательная связь эпиграммы с надписью на каком-либо предмете была практически утрачена, и жанр стал использоваться как литературное упражнение [Греческ. эпигр., 1993, с. 325–365]. Как было показано, в эпиграфике Херсонеса римского времени распространены поэтические эпитафии (являющиеся частным случаем эпиграммы), а значит, в городе проживали сочинители, специализировавшиеся на таком роде поэзии. Эпиграммы, в которых состязались участники херсонесских агонов, могли быть посвящены победителям спортивных состязаний. Такие тексты были особенно популярны с эллинистического времени. От энкомия или эпиникия эпиграмма в честь победителя отличалась лапидарностью, она менее связана с гимнической поэзией и правилами риторики [Греческ. эпигр., 1993, с. 18, 159, 161, 180, 187, 271].

О комедиографе, победившем в херсонесских агонах, с уверенностью можно сказать только то, что он был автором новой комедии. Этот жанр к моменту появления херсонесской надписи о мусических агонах существовал уже несколько веков и продолжал быть востребованным в грекоязычном мире, а также был усвоен римской культурой (Vit. Ter. 5, 16–17, 20). Новая комедия сложилась в

последней четверти IV в. до н. э.; наиболее известный ее представитель – афинянин Менандр [Ант. свид.., 1982, с. 352]. Аристофан и Плутарх указывали на изящный стиль новой комедии, противопоставляя его грубости древней аттической комедии, наиболее известным представителем которой был Аристофан [Аристотель, 1998, с. 1078; Плутарх, 1994, с. 49]. Новая комедия отошла от остросоциальных вопросов комедии времен Аристофана. Сюжеты не касались политики, не было даже упоминаний об эллинистических монархах. Действующими лицами теперь становились обыкновенные люди, «типы». Новая комедия изобиловала бытовыми сюжетами «узнавания», женитьбы, подкидывания детей [Тронский, 1988, с. 201; Чистякова, Вулих, 1971, с. 201–208; Головня, 1972, с. 263–278; Каллистов, 1970, с. 147–157]. Замечания Плутарха дают понять, что и в конце I – начале II в. н. э. новоаттическая комедия ставилась в греческих городах. Вероятно, Менандр, как образцовый представитель новой комедии, был известен образованным херсонеситам, и местные комедиографы ориентировались на его литературный стандарт.

Выводы. Особенностью источников о северопричерноморских поэтах является то, что большинство авторов остаются анонимными. Известны только несколько имен профессиональных поэтов (Марк; возможно, вольноотпущенник Сосий) и образованных составителей поэтических текстов (врач Эвклес; гимнасиарх Демотел). К образцам хорошей эллинистической поэзии можно отнести пеан, составленный в Эпидавре выходцем из Боспора Исиллом. Литературный «коллективный портрет» анонимного северопонтийского поэта можно представить следующим образом. Этот поэт в большинстве случаев не является профессионалом, но хорошо образован и начитан, имеет представление о греческих диалектах, эпической речи и вполне успешно использует особенности языка в своем поэтическом творчестве. Он владеет различными литературными приемами, включая составление метрически правильного текста. Круг его чтения составляют эпические (в первую очередь, Гомер) и драматические произведения; ему знакомы эпиграммы Симонида и оды Пиндара, он хорошо знает мифологическую традицию и тот круг «общих мест» (топосов), который

употреблялся в греческой эпиграмме. О включенности северопричерноморского поэта в общегреческие литературные процессы свидетельствуют также различные жанры, которые были ему известны: эпос, киклические поэмы, гимны богам, трагедия и комедия, энкомий, эпиграмма, философские произведения. Поэты имели возможность выступать перед согражданами, участвовать в мусических состязаниях, завоевывая таким образом признание и оценку своего литературного труда и знакомясь с произведениями соперников. Поэтические агоны, исполнение гимнов богам, запись эпиграмм – все это включалось в культурную и интеллектуальную жизнь полиса, в которой поэзия была важной составляющей.

ГЛАВА V. ТИП ИЗОБРАЖЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В МЕМОРИАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В античной литературной традиции сложился образ интеллектуала (прежде всего, философа), который отличен от обычных смертных и потому нуждается в особенном описании (Luc. Fugitiv. 14, Cynic. 16–17, 19–20; Dion. Chrys. Or. LXX. 8–9, Or. LXXII. 1–2). По мнению античных авторов, и выглядеть философ должен иначе, чем остальные люди. Его внешний вид подробно описан, включая «философский плащ», который воспринимался как непременная принадлежность образа философа, его атрибут (Dion. Chrys. Or. LXXII. 2; Luc. Hermot. 18, 86, de Merc. conduct. 25). Считалось, что благодаря особенному внешнему виду философа узнают в толпе (например: Iust. De Tryph. 1; Dion. Chrys. Or. LXXII. 9, 5–6, 9, 13; Tert. De pall. V. 1). Традиция ношения плаща как отличительного знака философа оказалась настолько устойчивой, что сохранялась даже среди христиан из греко-римской среды вплоть до IV в. (это объяснялось тем, что христианин – приверженец истинной и лучшей философии, а значит, для него пригоден такой вид одежды – Iust. De Tryph. 1; Tert. De pal. VI. 2; Greg. Nazian. Log. 25; Euseb. Histor. Eccles. IV. 11, 8; Hieronim. De vir. illustr. XX, LIV; Aug. Avr. de Civitat. Dei. XIX. 19) [Довженко, 2000, с. 127–132; Йегер, 2014, с. 57].

С обозначением «философского плаща» связаны особые термины [см. подробнее: Лейбенсон, 2017; Лейбенсон, 2017в, с. 36–39; Лейбенсон, 2017е], притом в большинстве случаев необходим терминологический анализ: в русских переводах греческих и латинских текстов они почти неизменно фигурируют под словом «плащ», что зачастую это не способствует пониманию источника. Яркий пример – перевод И. М. Наховым фиктивных писем киников, где словом «плащ» переведены как *τρίβων*, ставший «профессиональной одеждой» последователей школы (Cynic. epist. XXX, XXXIII), так и *ἐξομίδα*, вовсе не являвшаяся плащом (Cynic. epist. XXXII) [Epist. hellenik. 1873, p. 214; Ант. кин. 1996, с. 263–264].

В текстах греческих авторов для обозначения профессиональной одежды философа обыкновенно употреблялись термины гиматий (*ἱμάτιον*) и трибон (*τρίβων*).

Гиматий – несшитый длинный, доходящий до лодыжек плащ из льняной или шерстяной ткани. Он покрывал спину, левую руку, иногда обе руки (так называемый ораторский тип гиматия). Гиматий был гражданской одеждой, отличаясь от военного плаща, хламиды (*χλαμύδα*) (Xen. Mem. III. 10. 12). Его носили также врачи, учителя, жрецы [Киреева, 1970, с. 10, 11, 22; Мерцалова 1993, с. 72, 76, 105–106]. В этом гражданском варианте мужской одежды изображались и палестриты, и олимпийские боги, что позволило Диону Хризостому сравнить внешний вид философов со статуями богов (Dion. Chrys. Or. LXXII. 5–6). Вполне возможно, что гражданский плащ на голое тело стал «маркером» философа не без влияния Сократа. Ксенофонт оставил описание одежды любимого учителя, передав слова софиста Антифонта о том, что Сократ носил только один и тот же скверный гиматий, ходил босым и без хитона (Xen. Mem. I. 6. 2) [цит. по: Ξενοφών 1939, σ. 62].

В отличие от остальных сократиков, киники в своем подражании Сократу сделали акцент на аскетической стороне его образа, и вполне закономерным следствием этого явилась киническая *σχήμα* (внешний вид): трибон – укороченный поношенный или ветхий плащ (слово *τρίβω* означало «растираю», «снашиваю», «исстрачиваю», «изнуряю» [Дворецкий, 1958, с. 1643]; стоит заметить, что в одном из платоновских диалогов Сократ носит именно трибон – Symp. 219b-c), сочетавшийся с сумой, посохом и, как правило, неухоженными бородой и прической. Так киников изображают нарративные источники (Epict. Discours. III. 1. 24, IV. 8. 4, 14, 34; Luc. De Merc. conduct. 25, Fugit. 14, Cyn. 1, 17, 19, De mort. Peregrin. 15, Pisc. 11, 31, 46, Dem. 48; Teles. VI – P. 54 Hense) и скульптурные или живописные портреты (Прил. II. Табл. 6. № 6). По способу драпировки трибон походил на гиматий, но был значительно короче [Гиро, 1915, с. 119–120]. Согласно Диогену Лаэртскому, трибон носили киник Кратет и его жена Гиппархия, во всем следовавшая мужу; в трибон оделся и выходец из

Северного Причерноморья – Бион Борисфенит, приехав в Афины и примкнув к кинической школе. Диоген Лаэртский передал историю кинического плаща так: трибон – это гиматий, сложенный вдвое, как правило, дырявый и старый. Первым сложенный вдвое плащ стал носить Антисфен (по другой версии – Диоген Синопский), его ученики последовали такому примеру (Diog. Laert. IV. 7. 51–52, VI. 1. 7, 13, VI. 2. 22, 77, VI. 5. 87, 92, 93, VI. 7. 97, 105). И в римское время трибон – это обычная киническая одежда (Luc. De mort. Peregrin. 15, 24, 36; Luc. Cyn. 19). Трибон, по всей видимости, носили некоторые стоики, о чем свидетельствовал философ Эпиктет, живший во второй половине I – первой трети II в. н. э. (Epict. Discours. III. 1. 24, IV. 8. 5–6, 12, 34).

Другие философские школы придавали выбору одежды меньшее значение, но судя по портретам их представителей, продолжали традицию ношения гражданского плаща на голое тело или поверх хитона; по крайней мере, по представлению скульпторов, живописцев и мозаичистов, философ должен был выглядеть именно так (Прил. II. Табл. 1. № 6–10; Табл. 6. № 3–5). Возможно, особые плащи носили и женщины, занимавшиеся философией в Академии [Адо, 1999, с. 73].

Латинские авторы называли плащи философов *abolla* и *pallium*. Аболла (от греч. *αμβολή*) – зимний плотный плащ, преимущественно военный, но «освоенный и философами» [Дворецкий, 1976, с. 14]. В сатирах Ювенала он упоминается как одежда греков, посещающих гимнасий и слушающих наставления философов (Juv. 3. 114–115), у Марциала – как одеяние киника (Mart. 4. 53). Паллий, аналог гиматия, также ассоциировался с греками и их ученостью: *fabula palliata* – комедия из греческого быта; *pallium accipere* – принять палий – значило не просто одеться по греческой моде, но и объявить себя философом; *graeci palliati* – учителя или последователи греческой философии, противопоставленные римлянам, *togati* [Дворецкий, 1976, с.720; Каган, 1988, с. 128]. Именно паллий «покрывает своими четырьмя концами все свободные искусства» в трактате Тертуллиана «О плаще» и, по замечанию Апулея, служит одеянием равно для философа и покойника (Tert. De pal. VI. 2; Apul. Florid. 4, 7).

Если традиция литературного портрета интеллектуала именно в качестве мыслителя (а не пророка или образцового гражданина) складывается начиная с классической эпохи, то традиция изображения интеллектуала в скульптуре и живописи – позднее, в эллинистическое время. В классическую эпоху, вплоть до последней трети IV в. до н. э., портреты интеллектуалов в большинстве неотличимы от портретов политических деятелей [Smith, 1994, p. 204–206]. Статуи философов, ораторов, поэтов – это изображения образцовых граждан. Так, Софокл представлен в качестве оратора, принимающего активное участие в политической жизни и воплощающего идеал разумности и воздержности (Прил. II. Табл. 1. № 5). Впрочем, исключениями справедливо считать два портрета на краснофигурных аттических сосудах 440-х гг. до н. э. (Прил. II. Табл. 6, № 1–2). Они передают карикатурные типы стариков с огромными головами, которые можно интерпретировать как портреты некого офиста и баснописца Эзопа [Zanker, 1995, p. 33–34]. Если такая интерпретация верна, то первые античные литературный и изобразительный портреты мыслителя являются карикатурными (литературный портрет – «Облака» Аристофана) и появляются в близкое время, при этом их появление вызвано популярностью софистов и критикой в их адрес. Известно, что софист Горгий (примерно в это же время, во второй половине V в. до н. э.) посвятил собственную статую в Дельфийское святилище, но нет сведений о том, как выглядела эта статуя и можно ли считать ее портретом интеллектуала (Paus. X. 18. 7).

Насколько можно судить, только с конца IV – начала III в. до н. э. изображение интеллектуала становится явно отличным от изображения добродетельного гражданина, а интеллектуальная деятельность представляется как нечто самоценное. Появляются портрет Сократа конца IV в. до н. э., статуя Демосфена первой трети III в. до н. э., портреты Зенона Китийского и его учеников, терракоты, изображающие юношей-мыслителей (Прил. II. Табл. 1. № 3, 6, 15) [Zanker, 1995, p. 43–47, 78, 85–102, 135].

Скульптурные портреты философов подтверждают литературную традицию и зачастую сходны с портретами представителей других «свободных искусств»:

поэтов, ораторов, медиков. В эллинистическое время появляются скульптурные «тип Демосфена» (со свитком в руках), «тип Эсхина» (в так называемой ораторской позе) и «тип Софокла» (с цистой для свитков у ног). Зачастую мастера следовали этим типам для того, чтобы передать род занятий изображаемого лица. Именно благодаря плащу зритель мог различить философа (или интеллектуала вообще) в погрудном изображении, герме, в групповом скульптурном портрете (Прил. II. Табл. 1. № 3–5, 9) [Вальдгауер, 1938, с. 85–89, 120, 208; Хафнер 1984, с. 26; Zanker, 1994, s. 207]. О том, что описанный тип воспринимался как портрет интеллектуала, свидетельствуют также рельефы с фигурами муз: поверх женских длинных хитонов Клио, Каллиопы и Полигимнии, покровительниц исторической науки, эпической и трагической поэзии, надет гиматий. Способ драпировки гиматия на музах можно назвать мужским – он отличен от женского, когда край плаща покрывает голову. Следовательно, в фигурах муз можно видеть воспроизведение типа интеллектуала: философ, поэт – в античности почти всегда мужчина; оратор – исключительно мужчина. На рельефах эллинистического и римского времени музы представлены со свитками или диптихами и изображены в позе «оратора» или «мыслителя» (Прил. II. Табл. 2. № 2. Табл. 4. № 5, 8–12) [Лейбенсон, 2017г]. Таким же образом – в гиматиях, со свитками в руках – представлены на христианских саркофагах III–IV вв. Христос и апостолы как учителя истинной философии (Прил. II. Табл. 5) [Zanker, 1995, p. 290–297].

Среди нарративных и эпиграфических памятников античного Северного Причерноморья отсутствуют подробные описания внешнего вида философа, но есть основания полагать, что философская *σχῆμα* была известна, по крайней мере, в мемориальной скульптуре Боспора и Херсонеса. Об этом свидетельствуют надгробные рельефы и круглая скульптура, где умерший представлен в плаще, в ораторской позе, часто со свитком в руке. Нельзя утверждать, что все северопонтийские надгробия с изображением человека в гиматии – портреты местных поэтов, писателей или философов. Как в гражданскую одежду в такой плащ одеты герои различных сюжетов надгробных памятников: в сценах загробной трапезы, прощания. Но на некоторых памятниках наблюдается

совпадение надписи об учености или мудрости умершего и рельефа, где он показан в гиматии, в ораторской позе, со свитком. Благодаря таким памятникам можно судить о существовании традиции портрета философа в Северном Причерноморье наряду с другими античными центрами.

Совпадение эпитафий, свидетельствующих об интеллектуальной деятельности погребенного, и его портрета в качестве философа наблюдается только на Боспоре. Это эпитафии на пяти надгробных стелах, относящихся к концу I в до н. э. – II в. н. э.: надгробия Саббиона, сына Стефана (с большой долей вероятности, философа), Гекатея (философа или члена религиозной коллегии), Стратоника, сына Зенона (философа, автора книг), Авла Ситесия (врача, приверженца эмпирической медико-философской школы), Фарнака, сына Фарнака (педотриба) (Прил. I. Табл. 3. № 2–6). Еще одна стела эллинистического времени, сообщавшая о философе Смикре, утеряна, и ее рельеф не был зарисован (Прил. I. Табл. 3. № 1). В Херсонесе совпадения содержания эпитафии и рельефа не наблюдается; известны стелы врачей, одна из них (упомянутая в Гл. 4 стела Лесханорида, сына Эвклеса) содержит изображение двух фигур, но степень сохранности красочного слоя не позволяет определить сюжет сцены – врачебный осмотр это или прощание. К тому же, обе фигуры представлены обнаженными, никакого «философского плаща» не подразумевается [Соломоник, 1983, с. 26]. В эпитафии Ксанфу, сыну Лагорина, первых вв. н. э. говорится, что погибший был «сведущим в таинстве Муз», то есть занимался поэзией или науками, но его стела не содержит портретного изображения (КЛХ 88). Напротив, эпитафии на херсонесских стелах, сопровождающихся рельефами с изображением свитков, не указывают на ученость погребенного. Так, стихотворная эпитафия Бассу, сыну Патериона, сопровождается рельефом с фигурой мужчины в ораторской позе и связкой свитков справа от фигуры. Но текст эпитафии сообщает только обстоятельства трагической гибели Басса и его возраст, ничего не говоря о занятиях погибшего (Прил. I. Табл. 1. № 6). Среди известных памятников Ольвии только две стелы III в. до н. э. содержат изображение задрапированных мужчин в ораторской позе: стела коллегии ситонов и надгробие Телесиклу и Кониску (НО

9, 72; Прил. I. Табл. 7. № 1–2). Характерно, что последний памятник поставлен выходцам из Аполонии. Издатели «Надписей Ольвии» предположили, что это Аполлония Понтийская во Фракии [НО, 1968, с. 87]; в то же время рельеф надгробия обнаруживает прямые аналогии и с малоазийскими памятниками, поэтому можно предположить и Аполлонию в Малой Азии. В известных памятниках Тиры отсутствует описываемый тип рельефа; об ученых занятиях погребенных не сообщают ни эпитафии, ни рельефные изображения или статуи.

Известно семь херсонесских надгробий с рельефами, представляющими мужские фигуры в гиматии, со свитками (Прил. I. Табл. 1). Еще на пяти надгробиях мужская фигура не держит свиток, но повторяет позу, жест и драпировку фигур на рельефах со свитками (Прил. I. Табл. 2).

На Боспоре существовал устойчивый тип изображения умершего в гиматии, в ораторской позе, со стоящим рядом слугой. Именно этот тип показан на всех известных надгробиях, сопровождавшихся эпитафиями, в которых говорилось об интеллектуальных занятиях погребенных. Изображение книжного свитка в руках мужчины сохранилось на стелах философа и писателя Стратоника, сына Зенона, медика Авла Ситесия и (по описанию Ю. Ю. Марти), философа Саббиона, сына Стефана (Прил. I. Табл. 3). В остальных случаях (надгробия Гекатея и Фарнака, сына Фарнака – Прил. I. Табл. 3. № 2, 3) из-за плохой сохранности стел нельзя установить наличия свитка, но сохранившаяся нижняя часть фигур позволяет с уверенностью относить рельефы к типу, аналогичному рельефам на стелах Стратоника и Саббиона. Еще на 21 боспорской стеле и двух статуях-полуфигурах мужская фигура в гиматии держит в руках свиток, но эпитафии не указывают на характер занятий погребенных; во многих случаях эпитафии не сохранились (Прил. I. Табл. 4. № 1–22). Многочисленную группу составляют боспорские рельефы и статуи с изображениями мужчин в ораторской позе, но без свитка в руках. Таких стел и статуй известно более шестидесяти (Прил. I. Табл. 5).

Фигура мужчины в ораторской позе – со свитком или без – представлена в различных сценах: одиноко стоящая (Прил. I. Табл. 1. № 1, 2, возм. 6; Табл. 2. № 1–3, Табл. 3. № 6; Табл. 4. № 6, 8, 9, 11, 14, 15, 16, Табл. 5. № 13, 35, 36), фигура

главного героя в сопровождении фигуры слуги (Прил. I. Табл. 2. № 5, Табл. 3. № 2–5, Табл. 4. № 1, 3–5, 7, 21, Табл. 5. № 10, 12, 15–17, 23–26, 27, 31, 32, 38–43, 57–59, 63), фигура в сопровождении собаки (Прил. I. Табл. 5. № 34), рельефный бюст (Прил. I. Табл. 1. № 7, Табл. 2, № 4, Табл. 4. № 13, 18, 19, 22, Табл. 5. № 62, 63), круглая статуя-полуфигура (Прил. I. Табл. 4. № 12, Табл. 5. № 9), круглая ростовая статуя (Прил. I. Табл. 4. № 2, Табл. 6. № 1), парный рельефный портрет стоящих рядом мужчины и женщины (Прил. I. Табл. 1. № 3, 4; Табл. 5. № 14, 19, 30, 44, 45), сцена прощания (Прил. I. Табл. 4, № 17), мужчина в ораторской позе перед сидящей женщиной (Прил. I. Табл. 4. № 10, Табл. 5. № 18, 20, 21, 27, 52–56), мужчина в ораторской позе в многофигурной композиции (Прил. I. Табл. 5. № 29, 45–50, 65–67), сцена пира (Прил. I. Табл. 1. № 5, Табл. 4. № 23). Некоторые рельефы с «ораторами» размещены на многоярусных стелах (Прил. I. Табл. 3. № 4, Табл. 4. № 1, Табл. 5. № 13, 65). В одном случае задрапированная фигура в ораторской позе показана в качестве статуи на втором плане рельефа на стеле Масфион, жены Родокла, образуя «надгробие в надгробии» (Прил. I, Табл. 5. № 11); в другом – рельеф, изображающий мужскую фигуру рядом со слугой, соединен с рельефом всадника, притом, что помещение двух этих портретных типов на одном поле рельефа нехарактерно для боспорских стел (Прил. I. Табл. 5. № 22).

Особый тип представляет группа надгробий Азиатского Боспора (Горгиппия, Кепы): они содержат схематичное поясное или победренное, реже – ростовое изображение мужчины в хитоне и гиматии, в ораторской позе, часто со свитком в руке; портрет умершего не сопровождается портретом слуги (Прил. I. Табл. 4. № 12–16, 18–20, 22, Табл. 5. № 64, 10). Такие портреты встречаются наряду с рельефами, аналогичными распространенным на Европейском Боспоре, где умерший изображен в полный рост и сопровождается слугой или представлен в сцене прощания (Прил. I. Табл. 4. № 17, 21). Памятники Горгиппии и Кеп датируются по аналогиям IV в. до н. э. – III в. н. э. [Алексеева, Галут и др., 2010, с. 123, № 39]. Количество надгробий с «ораторским» типом по отношению к остальным типам рельефов и круглой скульптуры на Азиатском Боспоре выше,

чем в европейской части Боспора. Так, в Анапском музее хранится 12 стел и статуй-полуфигур, представляющих задрапированную фигуру со свитком в руке; общее количество надгробий античного периода – 175. Из Керчи происходит 7 таких стел на более чем 600 надгробий. Но однозначный вывод о большей распространенности типа изображения интеллектуала на Азиатском Боспоре будет некорректным, поскольку можно учесть только известные на сегодня памятники, а не всю совокупность надгробий некрополей Европейского и Азиатского Боспора эллинистического и римского времени.

Что касается даже близких по времени памятников, содержащих описываемый иконографический тип, то их распространение нельзя объяснить деятельностью одной мастерской. Если воспользоваться классификацией, предложенной Т. А. Матковской для погребальных стел Европейского Боспора [Босп. надгр., 2009, с. 14–17], то обнаруживается, что среди надгробий с изображением «оратора» встречаются стелы, изготовленные в различных мастерских: аттической (Прил. I. Табл. 4. № 9), изящных розетт (Прил. I. Табл. 4. № 68), большеголовых фигур (Прил. I. Табл. 4. № 4). Отсутствуют стелы мастерских кукольных фигур и схематичных фигур. Так или иначе, видимой корреляции между стилями исполнения стел и иконографическим типом не обнаруживается. Подобным образом дело обстоит в городах Азиатского Боспора, где иконографический тип интеллектуала присутствует как на памятниках схематичной и грубой работы, так и на тех стелах, которые близки к работам аттической мастерской Пантикапея (Прил. I. Табл. 5. № 60). Разными по стилю являются и памятники Херсонеса.

Следует отметить, что один из распространенных иконографических типов интеллектуала отсутствует в северопричерноморской мемориальной скульптуре. Это изображение сидящего человека со свитком в руке, свободная рука либо вытянута в ораторском жесте, либо подпирает голову (Zanker. 1993. Fig. 8,11, 12, Zanker. 1995. Fig. 45, 54, 57, 59, 62, 63, 64, 69, 71, 74, 75). Начиная с III в. до н. э. такой тип изображения широко использовался в греческих городах как для портретов известных философов и поэтов, так и в частной мемориальной

скульптуре; в I–IV вв. распространен в Риме (Прил. II. Табл. 1. № 15, Табл. 4. №1, 11). Тип известен и в периферийных регионах, близких к Северному Причерноморью, например, в Месембрии [Культ. и искусст.., 1983, с. 24, № 29]. Но в иконографии Херсонеса и Боспора не находим ни единого подобного изображения.

В музейных экспозициях и изданиях памятников часть фигур описанного типа атрибутируется как фигуры ораторов, но далеко не во всех случаях. Так, например, в экспозиции Керченского лапидария только на этикетке стелы КЛ–329 (Прил. I. Табл. 5. № 22) фигура в гиматии названа оратором, при этом остальные аналогичные фигуры не интерпретированы подобным образом. В публикации свода стел Керченского музея изображение мужчины в гиматии трактуется как «ораторская поза» только в нескольких случаях, хотя памятников с рельефами такого типа в издании гораздо больше [Босп. надгр., 2009, с. 64, № 26, с. 276, № 174]. Иногда надгробные рельефы с «ораторами» на Боспоре сопровождают женские погребения или погребения нескольких человек из одной семьи (Прил. I. Табл. 5, № 11, 19, 29, 30, 45, 46, 49, 50, 51, 53, 55, 59, 64–67). В таких случаях нельзя однозначно соотносить рельеф с интеллектуальными занятиями кого-либо из погребенных; хотя и необходимо учитывать, что именно рельефы описанного типа сопровождают все боспорские эпитафии, содержащие указания на мудрость или научные занятия погребенного.

Бытование памятников описанного типа в Херсонесе относится к I в. до н. э. – IV в. н. э.; на Боспоре – к IV в. до н. э. – III в. н. э. (необходимо учесть, что нижняя граница носит условный характер: она определяется полуфигурой из Горгиппии, датировка которой неточна). Наибольшее распространение, как в Херсонесе, так и на Боспоре, памятники описанного типа получают с I в. до н. э. по II в. н. э.

Поскольку на принадлежность человека к интеллектуальным занятиям в его литературном или скульптурном изображении мог указывать ряд признаков, необходимо рассмотреть детали мемориального портрета, представляющего иконографический тип интеллектуала в Северном Причерноморье.

Прическа. Прическа могла выступать отличительным знаком философа. По Лукиану, киники отпускали длинные волосы (Luc. Cyn. 1, De mort. Pereg. 15), а стоики коротко стриглись (Luc. Hermot. 86). Данное свидетельство частично подтверждается известными скульптурными и живописными портретами эллинистического и римского времени (Прил. II. Табл. 1. № 1–2, Табл. 6. № 6). При этом стоик Эпиктет, говоря как о своем внешнем виде, так и об «общем понятии о философе и его назначении», называл одним из отличительных признаков философа длинные волосы (Epict. Diatr. 4. 8. 5–6, 34). Некоторые интеллектуалы представлены в скульптуре и рельефе I в. до н. э. – III в. н. э. с короткими прическами (Прил. II. Табл. 4. № 1, 12), некоторые – длинноволосыми, даже на памятниках, происходящих с территории Рима и Италии (Прил. II. Табл. 2. № 4). При этом почитаемые древние греческие философы, такие как Сократ, Диоген, в римское время изображались с длинными волосами (Прил. II. Табл. 2. № 3; Табл. 4. № 11).

В преимущественно греческой среде Боспора и Херсонеса прическа вряд ли могла играть ту же роль, что и в Риме, где длинные волосы эллинофила призваны сообщить окружающим о любви их владельца к наукам. На боспорских и херсонесских надгробных рельефах фигуры со свитками и фигуры в ораторской позе в большинстве случаев имеют прическу в виде шапки, закрывающей лоб и затылок, причем длина волос немного разнится (насколько сохранность памятников позволяет это установить). Иногда показаны пышные вьющиеся локоны несколько большей длины (Прил. I. Табл. 4. № 2, 7, Табл. 5. № 22, 31, 37). Волосы юноши, держащего свиток, на рельефе стелы из Горгиппии перехвачены лентой (Прил. I. Табл. 4. №16), что может свидетельствовать о жреческом достоинстве [Zanker, 1995, p. 50]. Длинные волосы, почти доходящие до плеч, у херсонесита Афинея, сына Аполлонида, и у боспорянина из Кеп (Прил. I. Табл. 1. № 5, Табл. 4. № 14). Аналогичная прическа у Стратоника, сына Зенона (Прил. I. Табл. 3. № 4). Поскольку из тех надгробий, эпитафии на которых говорят о мудрости и интеллектуальных занятиях погребенного, головы фигур на рельефах сохранились только на стелах Стратоника, сына Зенона, и Авла Ситесия (он

показан с короткой прической – Прил. I. Табл. 3. № 6), никакой специфической прически северопричерноморского философа выявить нельзя. В этом отношении портреты предполагаемых северопричерноморских интеллектуалов не отличаются от портретов тех боспорян и херсонеситов, которые представлены в образе воинов или пирующих граждан.

Борода. Собственно «философской» в античных портретах борода становится не ранее III в. до н. э. Когда в моду греческих городов вошло бритье (что было вызвано популярностью портретов Александра Македонского), философы остались верны консервативной традиции ношения бороды. Этот атрибут стал настолько распространенным и значимым, что по длине бород на портретах интеллектуалов III–I вв. до н. э. можно с достаточной степенью вероятности судить даже об их принадлежности к той или иной философской школе (Прил. I. Табл. 1. № 1–2) [Zanker, 1995, p. 109–111]. Длинных бород, которые во II в. н. э. вышучивал Лукиан (напр., Luc. Eunuch. 8–9) и которые можно видеть на статуях греческих философов (Прил. I. Табл. 8, Прил. II. Табл. 1. № 1, 6, 7–9, Табл. 2. № 3, Табл. 4. № 11), среди херсонесских и боспорских портретов встретить нельзя. Там, где на рельефе или статуе сохранилась нижняя часть лица, мы видим либо коротко остриженную бороду (Прил. I. Табл. 1. № 1, 3, 4, Табл. 2. № 4, Табл. 5. № 31), либо ее отсутствие (Прил. I. Табл. 1. № 5, Табл. 4. № 1, 2, 4, Табл. 5. № 33). Влияние римской моды в отношении прически и ношения бороды/бритья более всего прослеживается в херсонесских рельефах (Прил. I. Табл. 1. № 4, 7; Табл. 2. № 4) и одном горгиппийском рельефе (Прил. I. Табл. 4. № 12).

Плащ. На приведенных в Приложении I рельефах, как и в круглой скульптуре, мужские фигуры одеты в гражданский длинный плащ (для грекоязычных городов Северного Причерноморья адекватным будет употребление термина гиматий; в то же время короткий трибон, который носили киники, в мемориальной скульптуре Северного Причерноморья не встречается). В большинстве случаев на фигурах херсонесских и боспорских рельефов, а также в круглой скульптуре он надет следующим образом: гиматий покрывает левое

плечо и спину, пропускается под правой рукой и перекидывается на левое плечо, образуя складку, в которую помещается правая рука. Свободный конец плаща ниспадал на спину или перекидывался на правую руку. Это распространенный тип драпировки, характерный для многих статуй и рельефов, изображавших философов, ораторов и поэтов (Прил. II. Табл. 1. № 3–11, Табл. 6. № 3–5). Исключение составляют только несколько стел: надгробие Авла Ситесия, анэпиграфные стелы из Кеп и Горгиппии (Прил. I. Табл. 3. № 6, Табл. 4. № 12, 14, 16), где гиматий на фигурах надет таким образом, что покрывает только правое плечо; рельеф на стеле Гликариона, сына Пофиска, где драпировка гиматия образует треугольный воротник и покрывает обе руки наподобие рукавов (Прил. I. Табл. 4. № 23).

Гиматий – не только атрибут философа, но и обыкновенная гражданская одежда: он встречается на стелах со сценами загробной трапезы (боспорские стелы КЛ–1986, КЛ–173, КЛ–476, КЛ–3192, КЛ–273, КЛ–481, КЛ–316, КЛ–133, КЛ–176, КЛ–181, КЛ–156; херсонесские стелы №№ 29911, 23/36856, 3637а), прощания (боспорские стелы КЛ–213, КЛ–140, КЛ–385, КЛ–423, КЛ–440, КЛ–444, КЛ–589, КЛ–421), семейных мемориальных портретах (боспорские стелы КЛ–153, КЛ–184, КЛ–405, КЛ–410), а также в сценах с задрапированными мужскими фигурами, где рука (обыкновенно правая) не прижата к груди, как в позе оратора, а находится на уровне пояса и поддерживает гиматий (КЛ–308, КЛ–408, КЛ–131 и др.).

В нескольких случаях на боспорских рельефах в гиматий одеты маленькие фигуры, которые помещены по правую руку от главных фигур, где обыкновенно изображаются слуги. Притом они повторяют ораторскую позу и жест, характерные для фигур граждан (Прил. I. Табл. 4. № 21, Табл. 5. № 33, 46, 67). Иногда такие фигуры трактуются как изображения слуг [КБН 703, с. 406]. Но судя по всему, правильно понимать такую композицию как изображение младших членов семьи [Матковская, 1983, с. 117]. Композиция рельефа имеет аналоги в аттических и малоазийских стелах (Прил. II. Табл. 3. № 11, 12). В ораторской позе и в гражданском плаще изображен представитель боспорской знати из Горгиппии

Неокл (Прил. II. Табл. 1. № 12). В гиматиях представлены сыновья боспорского царя Левкона – Спарток II, Перисад и Аполлоний – на стеле с афинским декретом в их честь (Прил. II. Табл. 1. № 11). По всей видимости, в качестве стандартной мужской одежды гиматий показан и на стелах из Ольвии (НО 72, 99). Интересно, что в ораторской контрапостной позе и с правой рукой, прижатой к груди на стеле ситонов изображены трое из пяти членов коллегии. Остальные фигуры выполнены по другим шаблонам (Прил. I. Табл. 7. №1). В гиматиях изображались античные боги, в том числе и в причерноморской скульптуре. По-видимому, не только к изображению философа, но и к изображению Асклепия должен отсылать рельеф врача Авла Ситесия (Прил. I. Табл. 3. № 6, Прил. II. Табл. 7. № 1–3). При этом гиматий все же часто изображается как одежда людей, связанных с искусством, науками, философией (Прил. II. Табл. 1. № 9, 10, Табл. 2. № 3, Табл. 4. № 11, Табл. 6. № 3–5), что подтверждается и упомянутыми изображениями Муз (Прил. II. Табл. 2. № 2. Табл. 4. № 8–11), Христа и апостолов на раннехристианских саркофагах (Прил. II. Табл. 5).

Исключением для скульптурного портрета Северного Причерноморья является статуя I в. до н. э. – I в. н. э., происходящая из крепости Харакс и изображающая мужчину в хитоне и тоге, у его ног помещена циста для книжных свитков. Циста должна указывать на интеллектуальные занятия, но в сочетании с тогой римского гражданина может свидетельствовать и об исполнении государственных обязанностей (Прил. I. Табл. 6. № 1) [Бритова, 1956, с. 359].

Свиток. Как отмечалось, всего портретных (рельефы, статуи-полуфигуры и одна статуя в полный рост) изображений мужчин со свитком в руке известно 23 на Боспоре и 7 – в Херсонесе. В большинстве случаев они относятся к типу рельефа, где задрапированная мужская фигура стоит в ораторской позе, одна или рядом со слугой. Наиболее часто фигура повторяет «тип Эсхина», когда правая рука прижата к груди. При этом левая рука освобождена от складок плаща, чтобы показать книжный свиток. Исключение, когда свиток помещен в правую руку, – только на одной стеле из Горгиппии (Прил. I. Табл. 4. № 13). Свиток в руках молодого пантикапейца (статуя I в. н. э.) дополнен связкой свитков и цистой для

свитков у его ног; на херсонесском надгробии Басса изображена связка свитков (Прил. I. Табл. 1. № 6, Табл. 4. № 2, Табл. 6. № 1). Мужчина в гиматии и со свитком изображался также рядом с супругой: в сцене загробной трапезы, в парном портрете, сцене прощания (Прил. I. Табл. 1. № 5, Табл. 4. № 23, Табл. 4. № 17).

В греческой скульптуре свиток практически всегда указывает на ученые или литературные занятия изображаемого лица (Прил. II. Табл. 1. № 3, 5, 9). На римских памятниках он может маркировать как интеллектуальные занятия (Прил. II. Табл. 4. № 11), так и выполнение государственных обязанностей (Прил. II. Табл. 4. № 2, 3, 4). Практика подобных портретных изображений в мемориальной скульптуре на территории Римской империи была широкой – от Рима до Сирии встречаются аналоги херсонесских и боспорских изображений: фигура со свитком в руке (Прил. II. Табл. 3. № 8–10). Среди римских погребальных памятников есть изображения женщин со свитками в руках. Здесь свиток указывает на высокое происхождение покойной и ее интерес к поэзии и театру (Прил. II. Табл. 4. № 5, 6). Одна из пантикапейских женских статуй-полуфигур держит в руке цилиндрический предмет, но сложно точно установить, свиток ли это (I–II вв. н. э., № КЛ–74) [Ант. скульпт., 2004, с. 99]. Похоже, что в отличие от римских памятников I–III вв. н. э., женщины на северопричерноморских портретах не изображались со свитками. Связь свитка в руке у какого-либо лица с его интеллектуальной деятельностью подтверждается также многочисленными изображениями свитков или вощеных табличек для письма в руках у Муз Клио, Полигимнии и Каллиопы (Прил. II. Табл. 4. № 11–12). Поэтому и для рельефов надгробий из Горгиппии, Кеп представляется корректным видеть в изображениях свитков указание на ученость умершего или, по крайней мере, интерес к наукам. Версия Е. М. Алексеевой, согласно которой в свитках нужно видеть матримониальный символ, объясняет достаточно высокое количество таких изображений на Азиатском Боспоре [Алексеева, 2016, с. 57; Алексеева, Галут и др., 2010, с. 121]. Но если принять эту версию, возникает очевидное противоречие: изображения (как полуфигуры, так и рельефы) мужчин в гиматиях

и со свитками из Горгиппии и Кеп в общих чертах повторяют сюжет рельефов Европейского Боспора и Херсонеса, где эти рельефы не маркировали семейное положение умершего. Напротив, в нескольких случаях было отмечено, что человек умер в молодом возрасте, а о том, что он оставил жену или детей, ничего не говорилось (КБН 129, 145, 146).

Судя по всему, свиток – достаточно надежное свидетельство интеллектуальных занятий лица, изображенного в мемориальной скульптуре (профессиональных или рассматриваемых в качестве досуга).

Поза. Для изображений мужчин в гиматиях во многих случаях характерна «ораторская» поза: одна нога слегка отставлена, вес тела перенесен на другую ногу (контрапост, появившийся в античном искусстве еще в V в. до н. э.), правая рука прижата к груди [Матковская, 1983, с. 116; Босп. надгр., 2009, с. 11]. Она повторяет позы эллинистических статуй Эсхина, Демосфена и Софокла (Прил. II. Табл. 1. № 3–5). Поза оратора в мемориальной скульптуре чрезвычайно распространена; вероятно, это был шаблон для изображения мужской фигуры в гражданском костюме. Судя по статуе пантикапейца из Государственного Эрмитажа и надгробию Масфион, жены Родокла, она повторялась и в круглой скульптуре, и на рельефах (Прил. I. Табл. 4. № 2, Табл. 5. № 11).

Жест. Правая рука фигуры на большинстве рассматриваемых памятников прижата к груди – как у ораторов, начиная со скульптур Софокла и Эсхина. У статуй Софокла и Эсхина пальцы руки сжаты или удерживают складку гиматия – так и у некоторых боспорских и херсонесских рельефов и статуй (например: Прил. I. Табл. 2. № 1, Табл. V. № 25). Этот жест должен был означать сдержанность и самоконтроль – то, что отличало образцового гражданина [Zanker, 1995, p. 47–49]. На статуях-полуфигурах из Горгиппии и Кеп чаще всего изображена не сложенная в каком-либо жесте правая ладонь, прижатая к груди. Но на некоторых рельефах кисти рук мужских фигур сложены в различных жестах. В историографии такие жесты в северопричерноморском мемориальном портрете не получили однозначной интерпретации. В каталоге «Античная скульптура Херсонеса» некоторые жесты (Прил. I. Табл. 1. № 1, 2) были

интерпретированы как ритуальные, связанные с культом Сабазия [АСХ, 1976, с. 98, 100]. Очевидно, имелся в виду ритуальный жест *mano pantea* [Elworthy, 1885, p. 293, 298], но основания для такой интерпретации не приведены.

Среди херсонесских и боспорских надгробий встречаются жесты, имеющие несколько вариантов: вытянуты большой, средний и указательный пальцы (Прил. I. Табл. 1. № 4, Табл. 2. № 3, Табл. 4. № 4), указательный и средний пальцы (Прил. IV. Табл. 2. № 4), большой и указательный (Прил. I. Табл. 2. № 5), указательный и мизинец (Прил. I. Табл. 1. № 7), только указательный палец (Прил. I. Табл. 3. № 4, Табл. 4. № 14). Наиболее вероятным представляется, что это ораторские жесты, подробно описанные Квинтилианом в «Наставлениях по ораторскому искусству» (I в. н. э.), где содержатся указания на следующие положения кисти руки: вытянуты указательный палец и мизинец, средний и безымянный подгибаются под большой палец (Quint. 11. 6. 93) – жест героя херсонесского рельефа позднеримского времени (Прил. I. Табл. 1. № 7); вытянут только указательный палец (Quint. 11. 6. 94) – как у боспорян Стратоника, сына Зенона, и юноши из Кеп (Прил. I. Табл. 4. № 1, 14); вытянуты указательный и средний палец (Quint. 11. 6. 98–99) – как на рельефе надгробия Севера, сына Лиллона, из Херсонеса (Прил. I. Табл. 2. № 4). Известны аналоги в скульптуре и рельефах римского времени. Обыкновенно они соответствуют акту речи: муж обращается к жене, Сократ и Диоген беседуют с Музами (Прил. II. Табл. 1. № 11, Табл. 4. № 3, 11, 13, 14). Ораторский жест представлен и на христианских саркофагах. Например, с жестом, означающим начало речи (большой, указательный и средний пальцы вытянуты вверх, безымянный и мизинец прижаты к основанию ладони), Христос обращается к Петру и Пилату (Прил. II. Табл. 5. № 1, 3). Описание подобного жеста в ситуации начала речи передано и Апулеем в «Метаморфозах» (Apul. Metamorph. 2. 21). Оратор мог не только протягивать руку в сторону собеседника, но и держать возле груди (Quint. 11. 6. 96, 104). Хотя Квинтилиан рекомендовал совершать различные движения рукой, например, по направлению от тела к слушателям (Quint. 11. 6. 96), более сдержанной и величественной считалась манера держать руку у груди на протяжении всей речи (Aesch. In Tim.

25–26) [Zanker, 1995, p. 45–50]. Эта норма в большинстве случаев передана на погребальных памятниках Северного Причерноморья.

Другие элементы изображения. Большинство фигур херсонесских и боспорских рельефов со свитками или в ораторской позе кроме плащей одеты также в хитоны (рубахи) и в одном случае – в куртку, застегивающуюся на груди (Прил. I. Табл. 4. № 7). На большинстве боспорских стел встречаются изображения фигур в штанах [Лейбенсон, 2017в, с. 42–45]. Эти элементы одежды, по-видимому, переняты боспорянами у варварского населения не столько в силу смешанного этнического состава Боспорского царства, сколько из-за климатических условий региона [Матковская, 2001, с. 108–109]. При этом портретов херсонеситов, на которых сочетались бы гиматий, ораторская поза и штаны, неизвестно. Боспоряне (практически все) изображены в сапожках. Скорее всего, их не следует считать однозначно варварским элементом костюма: в таких же сапожках с мягкой подошвой изображены фигуры на стеле из Византия, некоторых стелах из Смирны и римских саркофагах (Прил. II. Табл. 3. № 1, Табл. 4. № 12). При этом на херсонесских памятниках, там, где сохранность рельефа позволяет установить, фигуры изображены босиком или в сандалиях (Прил. I. Табл. 1. № 3, 4, 6).

Часто при главном герое рельефа находится слуга. На херсонесских стелах фигура слуги сохранилась в одном случае: одетый в хитон, он стоит в «скорбящей» позе со скрещенными ногами – так же изображались слуги на малоазийских памятниках (Прил. I. Табл. 2. № 5). На малоазийские и херсонесский образцы похоже изображение слуги, стоящего справа от фигуры задрапированного мужчины на ольвийском рельефе (Прил. I. Табл. 7. № 2). Изображения слуг рядом с фигурами в гиматии на боспорских памятниках разнообразнее за счет того, что те изображены с различными предметами в руках. Здесь обнаруживается еще одна особенность стел с фигурами в позе оратора. Если слуги, изображенные рядом с женщинами или воинами в многофигурных сценах пира или прощания, подносят своим хозяевам чаши или другие сосуды, пиксиды (шкатулки) или предметы военного облачения (например: стелы

Европейского Боспора №№ КЛ–106, КЛ–142, КЛ–168, КЛ–446, КЛ–448, КЛ–470, КЛ–476, КЛ–891), то на стелах, где слуга сопровождает хозяина в ораторской позе, в руках он держит предмет, похожий на полотенце. Скорее всего, принадлежность палестрита маркирует статус погребенного, обладавшего свободным временем (*σχολή*) как для гимнастических, так и для ученых занятий. Это подтверждает стела Лисандра, сына Десха, на рельефе которой изображен слуга со стригилем и полотенцем в руках (Прил. I. Табл. 5. № 31). На стеле Психариона, сына Гигиенонта, у слуги в руках предмет, похожий на современную книгу (Прил. I. Табл. 4. № 3) [Босп. надгр., 2009, с. 92] – возможно, вощеная табличка для записей, использовавшаяся интеллектуалами для составления черновиков текста (Quint. X. 1. 31–32).

Прототипами для изображения интеллектуалов в мемориальной скульптуре Северного Причерноморья, судя по всему, послужили греческая (прежде всего, аттическая) круглая скульптура конца IV– III в. до н. э. и малоазийские рельефные надгробия (распространены с первой половины II в. до н. э.) [Smith, 1994, p. 203–211; Zanker, 1994, p. 213–231, pic. 1–29; Zanker, 1995, p. 190–194]. В массовом производстве подобных памятников следует видеть, скорее, «моду на ученость», «интеллектуализацию» гражданского портрета, особенно актуальную в условиях иностранного господства [Zanker, 1995, p. 189–193]. Во II–I вв. до н. э. античные города Малой Азии попадают под власть Римской республики и греческая наука, философия становятся основами национальной идентичности, которую можно противопоставить завоевателям [Zanker, 1994, p. 213, 219]. Римские саркофаги с изображением Муз и надгробия, где умерший держит свиток, наследовали описанный тип изображения и, в свою очередь, также не всегда изображали профессиональных ученых или философов. Но изображение должно было показать, что умерший стремился к знаниям [Прижан, 1996, p. 180]. О популярности описанного портретного типа свидетельствуют статуэтки и рельефы на саркофагах эллинистического и римского времени, где в образе интеллектуалов представлены дети (Прил. II. Табл. 1. № 13–14) [Wegner, 1966, № 139; Прижан, 1996, p. 179; Zanker, 1995, p. 189–193].

Связь распространения иконографического типа интеллектуала в Северном Причерноморье с «модой» в городах Малой Азии и других греческих центрах, а также в Риме, подтверждается серией памятников. Позднеэллинистическое надгробие из Археологического музея Стамбула представляет умершего в гиматии, со свитком в руке, со слугой рядом; на верхней части рельефа изображена полочка, где стоит связка свитков. При этом умерший одет не только в плащ, но и в хитон, обут в сапоги, как и герои боспорских рельефов (Прил. II. Табл. 3. № 1). Близкие аналоги рельефам Северного Причерноморья представляют рельефы на эллинистических надгробиях Смирны. Мужчины и юноши изображены в хитонах, гиматиях, иногда в мягких сапожках, в ораторской позе, со свитками в руках или рядом с ящиками для свитков и письменных принадлежностей. Как и на более поздних северопричерноморских надгробиях, рядом с ними – фигурки слуг с различными предметами, иногда в позе скорби (Прил. II. Табл. 3. № 2–4). Смирнские мастера II–I вв. до н. э. изображали в качестве интеллектуалов даже женщин (Прил. II. Табл. 3. № 6). Некоторые надгробия представляют супружескую чету (Прил. II. Табл. 3. № 5) – тип рельефа во всех значимых деталях совпадает с более поздним римским рельефом с Виа Статилиа и херсонесским надгробием Феагена и Макарии (Прил. I. Табл. 1. № 4, Прил. II. Табл. 3. № 7). Наиболее же отчетливо связь изображения интеллектуала в мемориальной скульптуре северопричерноморских колоний с общегреческими эллинистическими традициями прослеживается на примере статуи пантикапейца I в. н. э. (Прил. I. Табл. 4. № 2). Статуя мужчины найдена рядом с женской статуей. Вероятно, эти две фигуры представляли собой парное супружеское надгробие [Шкорпил, 1908, с. 57–59; Соколов, 1972, с. 126–127, №№ 132, 133]. Тип скульптуры перекликается с рельефами Малой Азии, Рима, Херсонеса, но наиболее очевидный аналог – делосские круглые парные супружеские надгробия второй половины II в. до н. э. [Smith, 1994, p. 229, pic. 3]. В них отсутствуют признаки, указывающие на ученость умершего, но постановка и одежда фигур совпадают с пантикапейскими.

Статуя «Антикитерского философа». Помимо рассмотренных боспорских и херсонесских памятников, возможно, мы располагаем и скульптурным портретом философа-выходца из Ольвии (Прил. I. Табл. 8. № 1–2). Это статуя из находок с места антикитерского кораблекрушения. Она сохранилась лишь частично: уцелели голова, руки (правая воспроизводит ораторский жест, левая, по-видимому, держала посох), фрагмент плаща, ноги, обутые в сандалии. С. Карузу предположил, что антикитерский философ – это Бион Борисфенит [Το Ναυάγιο.., 2013, σ. 82–86]. Предположение основывается на стилистических особенностях самой статуи – ее должны были выполнить скульпторы родосской школы во второй половине III в. до н. э. – и версии, что затонувший корабль с ценным грузом шел с Родоса в Афины [Marchant, 2006]. Это согласуется со временем жизни Биона и с его преподаванием на о. Родос. Если предположение верно, то единственный сохранившийся портрет Биона представляет его не в трибоне, надетом в Афинах по случаю выбора кинической школы (как об этом сообщал Диоген Лаэртский), а все же в гиматии. Но кинические черты также присутствуют в скульптурном портрете: длинные неухоженные волосы, ветхий гиматий, дорожный посох. Скульптор изобразил Биона в пожилом возрасте, но передал живые черты лица и легкую усмешку. Версия С. Карузу на сегодня не подтверждена и не опровергнута, но достаточно часто приводится, в том числе в каталогах выставок, на сайтах Афинского национального археологического музея и ЮНЕСКО, в музейной аннотации к экспонату [Portrait head of a bronze statue..; Antikythera Philosopher..; Did You Know..; Лейбенсон, 2016г].

Выводы. Традиция мемориального портрета философа в Северном Причерноморье является общепонтийской и берет начало с эллинистического времени. В I в. до н. э. и позднее в Северном Причерноморье распространяются надгробия, в которых представлен образ интеллектуала. Они испытывают римское влияние, но сохраняют те же особенности, что и малоазийские рельефы: умерший в сопровождении слуги, ораторская поза и жест, гражданская одежда, свиток в руке. Надгробия Северного Причерноморья описанного типа не всегда изображали профессиональных ученых, ораторов или философов. Они, скорее,

передавали идеал образованного человека как достойного гражданина. Вероятно, можно говорить об определенной «моде» на изображение интеллектуала в Северном Причерноморье, аналогичной «моде» малоазийских городов II–I вв. до н. э. и Рима I–II вв. н. э. О широте распространения малоазийских и римских образцов свидетельствует то, что аналогичный тип мемориальной скульптуры во II в. н. э. известен и на территории Болгарии [Божинова, Русинов, 1987, с. 24–26]. Цель постановки мемориальной скульптуры описанного типа заключалась в том, чтобы подчеркнуть образцовый характер покойного, показать его этические качества, достижения и социальный статус. Образование и любовь к наукам выступали маркером этих характеристик: как высокого статуса, так и нравственной, «философской» жизни. Однако несколько северопричерноморских эпитафий все же специально отмечают интеллектуальную деятельность погребенных, и содержание надписей совпадает с рассмотренным типом изображения. Отсюда можно сделать вывод, что такие рельефы должны были восприниматься современниками как изображения интеллектуалов и – шире – образованных граждан, преданных идеалам греческой пайдейи [Лейбенсон, 2017; Лейбенсон, 2017г; Лейбенсон, 2017е].

ГЛАВА VI. МЕСТО И РОЛЬ СЕВЕРОПОНТИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЭЛЛАДЫ И ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Наибольшее число имен философов, поэтов и авторов ученых сочинений из северопонтийских государств сохранилось в источниках эллинистической эпохи – их 13, включая шесть имен, которые известны за пределами Северного Причерноморья. От римского времени сохранилось семь имен. Здесь следует учитывать также наличие достаточного количества анонимных авторов метрических и прозаических текстов, риторов, возможно, философов. Творчество поэтов представлено в основном памятниками эллинистического и римского времени, но есть и тексты классического времени, гипотетически принадлежавшие профессиональным поэтам. Иконографический тип интеллектуала наиболее распространен в римское время. Следует обратить внимание на хронологическую близость источников, несущих сведения о представителях разного рода интеллектуальных занятий: с уверенностью можно говорить, что в эллинистический и римский периоды в Ольвии, на Боспоре и в Херсонесском государстве синхронно действовали поэты, философы, риторы, авторы сочинений по истории, географии. Исключение составляет лишь Тира, где должна была существовать система греческого образования и наверняка были известны интеллектуальные занятия, но кроме сведений о практикующих врачах, состоявших при римском гарнизоне во II в. н. э., нам ничего не известно. Что касается архаического и классического периодов, к ним относятся сведения о греческой образованности в колониях, но отчетливого представления о местных интеллектуалах они не дают. Исключением является, возможно, Аристоним, предположительно бывший автором березанской метрической эпитафии середины VI в. до н. э. К классическому времени можно отнести зарождение боспорской историографии.

Важным представляется вопрос о численности лиц, которые в разное время занимались интеллектуальным творчеством в северопонтийских колониях. Однако фрагментарность источников практически не позволяет установить точное их количество, равно как и определить численное соотношение интеллектуалов и остального населения. Известных имен слишком мало по сравнению с общим количеством граждан. Например, если принять численность в две тысячи за количество полноправных граждан в Херсонесе в эллинистическое время [Даниленко, 1966, с. 171], то на этом фоне несколько человек, сведения о которых сохранились (Сириск, авторы Присяги, декрета в честь Диофанта, авторы трех метрических эпитафий), выглядят ничтожной и нерепрезентативной группой, что, конечно, не может корректно отражать их значение в общественной жизни Херсонесского государства. Невозможно уточнить и количество анонимных авторов (например, неизвестно, сколько было авторов боспорских историографических сюжетов и к какому времени точно относится составление текста боспорской истории), а также тех, кто предположительно мог составлять научные кружки при известных интеллектуалах в качестве учеников и преемников.

Что касается социального статуса, можно выделить несколько лиц, чье аристократическое происхождение более или менее очевидно: в архаический период – Аристоним (предположительно, автор березанской эпитафии); в эллинистическое время – Сириск, сын Гераклида; Дионисий Ольвианский; Посидоний Ольвиополит [Даниленко, 1966; Николаев, 2014]; в римское – Стратоник, сын Зенона; Демотел, сын Феофила. Возможно, аристократами были некоторые анонимные поэты, чье творчество известно по эпитафиям. Это нельзя установить с точностью, но в некоторых текстах встречаются отсылки к аристократическим идеалам – хотя слово *ἄριστος* в них не присутствует, авторы все же подчеркивают, что умершие происходили «не от ничтожных родителей» (например: IosPE. I^2. 482, 519). Аристократом с большой степенью вероятности можно считать Исилла, автора пеана Асклепию и Аполлону. В его надписи указан патронимик, подчеркнута выдающаяся роль в организации эпидаврского культа.

Обращают на себя внимание аристократические взгляды Исилла, которые он декларирует в тексте эпидаврской надписи, подражая Солону и Ликургу – тоже аристократам.

Известно и несколько лиц низкого социального происхождения. Вероятно, имеет некую реальную основу сообщение Биона (в передаче Диогена Лаэртского) о том, что он происходил из семьи вольноотпущенника и сам в отрочестве был рабом. Надежно сообщение о вольноотпущеннике Сосии – авторе метрической эпитафии. С большой вероятностью вольноотпущенником был Авл Ситесий, представитель медико-философской школы. Нельзя не отметить отсутствие патронимиков у мыслителей Смикра (эллинистический период), Гекатея (римское время), поэтому их происхождение из вольноотпущенников может быть вероятным. Остальные известные лица, скорее всего, были представителями свободной гражданской общины, получившими стандартное греческое воспитание и образование.

Если в письменных и эпиграфических источниках иногда сообщалось о социальном положении того или иного интеллектуала (важную роль в ряде случаев играло указание патронимика), то этническое происхождение не фигурирует ни в одном известном случае (по всей видимости для современников оно не составляло проблемы). Как было показано, неоднократно предпринимались попытки представить Биона и Сфера выходцами из варварского или смешанного населения [см. об этом: Лейбенсон, 2016; Лейбенсон, 2016а]. «Варваризации» в литературе подвергались даже Смикр, Дифил Боспорский и Стратоник, сын Зенона [Мащенко, 2002, с. 14; Черный, 2013, с. 105–113]. Но убедительные доводы в пользу того, что кого-то из перечисленных философов следует считать варварами или миксэллинами, отсутствуют.

Отдельно нужно отметить попытку связать с варварами некоторые образцы мемориальной скульптуры Азиатского Боспора. Сравнительно примитивное исполнение некоторых рельефов Азиатского Боспора привело Н. И. Сокольского к выводу, что их следует относить к памятникам синдской скульптуры [Сокольский, 1965, с. 86–96]. Такая интерпретация встретила возражения

позднейших исследователей. Один из аргументов против синдского характера скульптур – наличие на многих портретах свитка, «который едва ли возможен в случае изображения варвара-синда» [Новичихин, 2014, с. 31]. Данные ономастики также свидетельствуют о том, что погребенные, которым ставили стелы и статуи, изображавшие интеллектуала, относились к греческому населению (за несколькими исключениями – именами римского, иранского и семитского просхождения [Босп. надгр., 2009, с. 66, 119, 217, 269; КЛХ 105]).

Значительно более важным представляется то, что все известные нам интеллектуалы являлись эллинами по культуре. Языком интеллектуалов Северного Причерноморья был греческий; те культурные, религиозные и философские максимы, которые ими провозглашались, также находят соответствия в общеэллинской культуре. Само по себе это снимает остроту вопроса об их этническом происхождении. Для того чтобы быть последователем и даже творцом греческой культуры в эллинистическую или римскую эпоху, «чистота крови» не была принципиально важна. В качестве примеров могут быть приведены Зенон Китийский (чья этническая принадлежность, впрочем, до сих пор вызывает дискуссии [Поленц, 2011; Поленц, 2015; Сидаш, 2008]), Аристобул Александрийский, Филон Александрийский, Лукиан Самосатский. Уже в раннеэллинистическое время в греческой ученой среде встречается утверждение о том, что можно быть эллином «по языку и в душе» (Клеарх из Сол в пересказе Иосифа Флавия – Jos. Flav. Cont. Apion. I. 176–183).

6.1. Место и роль интеллектуалов в истории и культуре античных государств Северного Причерноморья

Становление и собственное творчество интеллектуала неразрывно связано с городскими центрами. Большинство памятников, свидетельствующих о деятельности интеллектуалов, происходят из городской территории или

городских некрополей. Планировка античного города, в том числе на Северном Понте, предполагала ряд мест, приспособленных для такой деятельности.

Театр. С театром связаны публичные чтения исторических произведений, мусические агоны. Здание театра, выстроенное, по-видимому, в последней четверти IV в. до н. э., обнаружено в Херсонесе [Домбровский, 1960, с. 29; Кадеев, 1996, с. 35–40; Туровский, 2016, с. 114]; архитектурный комплекс, который гипотетически мог выполнять роль амфитеатра, – в Нимфее [Федосеев, 2001; Бутягин и др., 2011; Соколова, 2010]. Херсонесский историк Сириск предположительно читал свой труд в театре, появившемся незадолго до написания им сочинения по истории города. О театральных постановках профессиональных драматургов и чтении поэтических произведений известно из херсонесской агонистической надписи (IosPE. I². 433). Эпиграфические, письменные и археологические источники указывают на существование театров в Ольвии в IV–III вв. до н. э. (IosPE. I². 31; НО 28; Виноградов, 1984, с. 57, 58), на Боспоре в эллинистическое и римское время (Polyaen. V. 44. 1; КТ–239; КТ–423; КТ–649, 1922, 4113; КЛ–1718) [Кондаков, 1879, с. 147–149; Гайдукевич, 1949, с. 162; Передольская, 1950, с. 255–272; Передольская, 1955, с. 54–73; Пругло, 1974, с. 64–77; Ходза, 2001, с. 206–213; Власова, 2010, с. 230–234; Скржинская, 2014а, с. 98–108]. Именно в этот период в Ольвии и городах Боспора работали профессиональные поэты, на Боспоре развивалась историческая традиция.

Агора. Дион Хризостом, говоря об ольвийских поэтах и их выступлениях перед воинами, промолчал о том, где происходили такие выступления (Or. XXXVI. 10). Скорее всего, это мог быть театр или площадь народного собрания. Там же должны были проходить выступления риторов, выполнявшие не только политические, но и культурные функции. Подобным образом – на агоре, в Народном собрании – вероятно, организовывались выступления риторов в Херсонесе. Что касается Боспора, единственное упоминание о созыве народного собрания связано с экстраординарной ситуацией (победа Евмела в братоубийственной войне – Diod. Sic. XX. 24). Вероятнее всего, постоянно действующее народное собрание и специально отведенное для него место в

боспорских городах отсутствовало после их объединения в одно монархическое государство. Вместе с тем, выступления риторов, публичные чтения прозаических и поэтических сочинений могли происходить в общественных зданиях (например, в пританее) и в других публичных местах, на что указывает раннеэллинистическая пантикапейская эпитафия Смикра (КБН 118).

Частные собрания. Распространение философских идей, чтение поэтических произведений происходило и в собраниях частных лиц, на симпосиях. О том, что симпосии в Северном Причерноморье уже в архаическую и классическую эпохи проходили по образцу пиров в других античных центрах и на них выступали актеры, декламировались эпические произведения, свидетельствуют надписи из Березани и Пантикапея [Блаватский, 1964, с. 93. Рис. 28; Яйленко, 1982, с. 302]. Очевидно, собрания происходили в домах зажиточных граждан, где имелся просторный андрон (такие дома известны в Ольвии, Тире, Херсонесе [Крыжицкий, 1993, с. 151–159; Фурманская, 1963, с. 45]).

Гимнасии. Примеры центров античной культуры показывают, что выступления софистов и философов часто происходили в гимнасиях. На основе частных гимнасиев возникали философские школы (Академия, Ликей, Киносарг – в Афинах, Краний – в Коринфе).

Известно о гимнасиях в Ольвии, где открыто здание постройки классического времени, а эпиграфический источник свидетельствует о существовании гимнасия в III в. н. э. (IosPE. I². 42, 186) [Карасев, 1975, с. 3–10; Карасев, Леви, 1975, с. 11–20]; о гимнасиях сообщают надписи Херсонеса, городов Европейского и Азиатского Боспора эллинистического и римского времени [Кадеев, 1996, с. 33–35] (IosPE. I². 418, 436; КБН 129, 406, 1137) [Цветаева, 1979, с. 99, 104]. Отдельно стоит отметить существование на Боспоре (в Пантикапее, Мирмекии, Танаисе) должностей гимнасиархов и неанискархов фиасов, но неясна их связь с образовательными учреждениями (КБН 90, 103, 870, 1260а, 1263, 1264,1268, 1267, 1277, 1278, 1279, 1280, 1282, 1287, 1288) [Книпович, 1949, с. 105; Завойкина, 2006, с. 26]. Гимнасии существовали в северопонтийских городах в периоды, отмеченные деятельностью известных нам философов и

ученых. Но наличие философских школ при гимнасиях в источниках не отражено. Можно лишь предполагать, что какой-то кружок существовал в Пантикапее при Смикре, а также при Авле Ситесии. Но если такие философские сообщества имелись, то, скорее всего, они не были долговременными и не оставили следа в имеющихся источниках.

Сакральные объекты. По аналогии с историей Исилла в Эпидавре можно предположить, что деятельность некоторых интеллектуалов могла быть связана с городскими святилищами, где они работали с храмовыми записями, исполняли должность жреца (как жрец пантикапейского Асклепиона Стратий – Strab. II. 1. 16). Очевидна связь труда Сириска со святилищем Девы в Херсонесе – часть текста должна была основываться на жреческих записях об эпифаниях. Вероятно, и авторы первых боспорских хроник в классический период опирались на храмовые архивы и посвятительные надписи. С сакральными объектами было связано творчество поэтов, поскольку ими составлялись и исполнялись религиозные гимны, о чем свидетельствуют записи гимнов Гермесу из Херсонеса и Ольвии, березанского гимна Ахиллу, а также сообщение об исполнении песнопений в ритуальной процессии приглашенным поэтом Гаем Сильваном [Сапрыкин, 2002, с. 72–84].

Определенная часть деятельности интеллектуалов не была публичной, а проводилась в уединении, в частных домах. Там же предположительно собиралось небольшое число учеников. В частных домах могли быть оборудованы библиотеки – известно, что в римскую эпоху феномен книжного собирательства распространился даже в отдаленных уголках античного мира (Luc. Adv. indoct.) [Юренева, 2002, с. 136–146]. Это подтверждается и надписью с изображением на стеле Стратоника, сына Зенона. Его книги должны были храниться, во-первых, в собственной библиотеке автора, во-вторых, исходя из надписи, могли быть изданы и распространяться, чтобы сохранить славу Стратоника среди потомков. Для эллинистической эпохи интересно замечание Биона Борисфенита о книгах его хозяина-ритора. У нас нет сведений о наличии в Северном Причерноморье общественных библиотек; частные, вероятно, были

немногочисленными из-за дороговизны материала и появились не ранее эллинистического времени (в классический период книжное собирательство еще не было распространено и не поощрялось [Куле, 2004, с. 95–101]).

Отдельно следует сказать о деятельности философов на Боспоре. Неоднократно отмечалась любовь некоторых боспорских царей к наукам и искусствам, предполагалось, что при их дворе, как при дворах эллинистических монархов, образовывались литературные и философские кружки. Выдвигалась версия о том, что надгробные памятники Смикру и Гекатею, не имевшим патронимиков, а значит, происходившим из социальных низов, были поставлены от лица боспорских царей; панегирический фрагмент в тексте боспорской истории у Диодора Сицилийского приводил исследователей к выводу о существовании придворной историографии на Боспоре [Гайдукевич, 1949, с. 161–162; Струве, 1968, с. 172; Матукина, 2016; Молев, Матукина, 2016; Шевченко, 2016]. Предположение, что деятельность философов и ученых на Боспоре была организована по образцу дворов Пеллы или Александрии, выглядит заманчивым, но приходится признать отсутствие надежных свидетельств о долговременном существовании философской школы или литературно-философского кружка при каком-либо боспорском правителе (хотя известно об интересе боспорских царей к философии – Philostr. Vit. soph. I. 24).

Как и в случае с известными выходцами из Северного Причерноморья, среди важных характеристик деятельности интеллектуалов следует указать образовательные путешествия (Смикр, с большой долей вероятности, учился в Афинах; составитель энкомия в честь боспорского полководца – в Риме), миграции, связанные с поиском работы и учеников (в Пантикапей из Малой Азии прибыли учитель Фарнак и медик Авл Ситесий, с острова Тенедос в Херсонес – врач Эвклес).

Наиболее значимым представляется вопрос о влиянии интеллектуалов Северного Причерноморья на различные сферы культурной жизни в колониях. Те литературные труды, которые ими составлялись, сохраняли и транслировали

литературную норму греческой прозы и поэзии, а также гражданские идеалы и философские идеи.

По сохранившимся эпиграммам и эпитафиям эллинистического и римского времени можно судить о том, что поэты сохраняли нормы поэтического языка, принятого еще в архаическую эпоху: правила стихосложения (гекзаметр, элегический дистих), эпическую лексику, характерную для гомеровских поэм и дидактического эпоса Гесиода (КБН 113, 117, 126, 121, 130–133, 147) [Блаватский, 1964, с. 93; Яйленко, 1982, с. 256; Виноградов 1991. С. 176–179; Босп. надгр., 2009, с. 42, 47, 95, 97; Скржинская, 2013, с. 179–180]. Замечание Диона Хризостома о высоком авторитете Гомера среди колонистов подтверждается значительным количеством реминисценций из гомеровских поэм и гимнов в профессиональных и аматорских метрических текстах (IosPE. I². p. 401; КБН 117, 124, 132, 133, 136, 139, 145, 439; КЛХ 105) [Латышев, 1902, с. 39; Шангин, 1938, с. 78; Шкорпил, 1914, С. 71–75; Белов, 1948, с. 119; КБН, с. 115; Болтунова, 1968, с. 130–132; Шелов-Коведяев, 1990, с. 57–58; Босп. надгр., 2009, с. 94–95]. Местные авторы использовали прямые заимствования и из других знаменитых поэтов архаического и классического времени: Симонида (КБН 135), Тиртея (КБН 145), Пиндара (КБН 913), Еврипида, Софокла (КБН 140), отсылки к литературным приемам Платона, Аристотеля (КБН 130), таким образом утверждая и распространяя общеэллинскую литературную норму в колониях [Виноградов, 1989, с. 141–145; Гаврилов, 2005, с. 60–85, 215–240]. Этому способствовали и труды местных прозаиков, в частности, авторов надписи в честь Диофанта, энкомия в честь боспорского полководца.

Стоит еще раз подчеркнуть, что языком произведений, которые создавались как выходцами из северопонтийских городов, действовавшими за пределами родины, так и местными интеллектуалами, был древнегреческий. Латынь, со II в. н. э. вошедшая в документы официального и частного характера, не стала здесь языком культуры и образования. Влияние ее на творчество местных интеллектуалов минимально и ограничивается, по сути, двумя латинизмами в сочинении «Повесть о крепости Херсон».

Творчество интеллектуалов являлось также проводником различных философских идей в Северном Причерноморье. Наиболее очевидно это для таких пространных текстов, как энкомий в честь боспорского полководца, в котором его автор делится с читателем и слушателем своими взглядами на человеческую природу, соотношение судьбы и рациональных факторов, обнаруживая некоторые стоические тезисы. Но даже в небольших по объему текстах метрических эпитафий транслировались максимы этической и религиозной философии: о блаженном посмертии людей, причастных к мудрости и, возможно, сакральным знаниям (КБН 118, 121, 130, 145), о том, что философ способен благоприятным образом влиять на окружающих (КБН 118), о смирении перед смертью (КБН 123, 126). Авторы подобных текстов и сами могли быть учениками местных философов, на что указывает эпитафия Гекатею (КБН 121).

Сочинения местных интеллектуалов транслировали и некоторые нормы полисной религии. Вероятнее всего, в Северном Причерноморье творчество поэтов и прозаиков не приводило к конфликту между философией и гражданской религией и моралью. По крайней мере, ничего не известно о процессах по делам о нечестии, подобных тем, что происходили в классических Афинах и Кирене, Риме первых вв. н. э. Немногочисленные и небольшие по объему тексты отражают ряд общегреческих верований и поэтическое их переосмысление, не отступавшее слишком далеко от полисной религии. Связь интеллектуалов и полисной религии демонстрирует текст декрета в честь Сириска, который создает впечатление, что описания эпифаний Девы составляли важную смысловую часть его исторического труда. Уточнить это невозможно ввиду отсутствия текста сочинения Сириска. Однако на основе упоминания в декрете об описаниях эпифаний высказывались мнения о содержании и характере труда херсонесского историка (рациональное смешано с мистическим, что представляет старую «наивную традицию») [Блаватский, 1985, с. 206]. Делался даже вывод о том, что история города написана Сириском под влиянием или по заказу жрецов храма Девы, поскольку культ этого божества переживал временный упадок и необходимо было привлечь адорантов и паломников с помощью рассказа о чудесах [Русяева, 2005, с. 271]. С

таким взглядом на сочинение Сириска нельзя согласиться: посвящения Деве конца IV – первой трети III в. до н. э. – не только жреческие, но и от частных лиц (IosPE. I^2. 407, 408, 409, 410) – а также выпуск монеты с изображением божества не дают повода говорить о сколько-нибудь заметном упадке культа [Зограф, 1951, с. 149–151]. Скорее, Сириск поддержал и укрепил общее убеждение херсонеситов о помощи городу божеством, возможно, сделал акцент на формах этой помощи, способствовав таким образом развитию не только местной историографии, но и мифологической традиции. Эту линию в херсонесской прозе продолжил автор присяги в честь Диофанта, однако отметим, что в его тексте помощь Девы не играет самостоятельной сюжетной или смысловой роли, поскольку приводится и рациональная причина победы Диофанта.

Сложнее дело обстоит с «Повестью о крепости Херсон», включенной в труд Константина Багрянородного. При том, что большая часть описанных херсонесскими анналистами событий относится к III–IV вв. н. э., а сюжет о спасении города Гикией – к концу I в. до н. э. – началу I в. н. э., в тексте упоминается всегда лишь один «помогающий херсонитам» бог, чье имя не называется. Упоминание об этом божестве (только в единственном числе мужского рода – *ὁ Θεός*) появляется как в словах героев хроник, так и в авторской речи довольно часто (11 раз). Вероятно, «христианизация» текста произошла в V в. [Виноградов, 2010а, с. 155]. Существует предположение, что первоначально в тексте херсонесской хроники вместо *ὁ Θεός* говорилось о Деве [Скржинская, 2014, с. 167]. Предположение вполне логично и позволяет видеть в херсонесских историках поздней античности продолжателей традиций Сириска, однако доподлинно неизвестно, говорилось ли вообще что-то об участии божества у ранних авторов хроники. Некоторые фрагменты показывают, что сентенции о помощи христианского Бога херсонеситам могли быть введены в текст, ранее не содержавший замечаний о божестве (например: De admin. imp. 53. 208, 334, 345, 383, 445) [Const. Porphyr., 1985, p. 258–284], поэтому нельзя с уверенностью говорить о том, какие религиозные идеи провозглашал автор предполагаемого раннего текста.

Автор (авторы) сюжетов о боспорской истории, которые сохранены у Диодора Сицилийского, засвидетельствовали веру боспорских царей и боспорян в целом в прорицания. Однако не совсем ясно, как боспорский автор подавал рассказ о прорицаниях своим слушателям и читателям: с тем же осуждением, которое находим у Диодора, или некритично. Иными словами, здесь мог зародиться конфликт историка с общепринятыми верованиями (ведь в тексте Диодора специально отмечается, что веру в прорицания разделяли все боспоряне), но неизвестно, как сам автор смотрел на народную религию.

Поэты северопонтийских колоний транслировали определенные религиозные и мифологические воззрения, вместе с тем, формировали их у аудитории. В поэтических текстах описано участие божеств в жизни и смерти человека; различные варианты посмертия – как позитивные, так и неутешительные (КБН 117, 119, 121, 124, 130, 131, 133, 145, 1057, 1192); в одном случае приведена даже довольно подробная топография загробного мира (IosPE. I^2. 519). Иногда поэты предлагали достаточно оригинальные концепции посмертной участи человека: как мифологические (КБН 130), так и религиозно-философские (КБН 121). Только в немногих текстах участие богов связывается с моралью (боги посылают блага за почтение к родителям – КБН 122). К религиозным идеям, которые утверждали поэты Северного Причерноморья, следует отнести и ту, согласно которой некую форму бессмертия человек обретает с помощью долговечной надписи на могильном камне (IosPE. I^2. 226, 270, 482; КБН 128, 142) [Козуб, Белецкий, 1977].

Тексты, которые создавались интеллектуалами, содержали и пропаганду гражданских идеалов. В первую очередь, это полисный патриотизм. Он прослеживается в краткой «аннотации» к сочинению Сириска в декрете в честь историка. Способность херсонеситов мужественно защищать отечество – одна из важных тем в надписи в честь Диофанта. Все сюжеты «Повести о крепости Херсон» посвящены прославлению побед защитников Херсонеса над врагами – боспорянами. Возможно, в задачи автора этого труда входило утверждение еще одной идеологемы – о вечном союзе Херсонеса и Рима (что следует из первых

двух сюжетов). Вместе с тем, следует учитывать, что эта идеологема могла появиться и значительно позднее, при обработке разновременных произведений херсонесской анналистики в X в. [Ярцев, 2016, с. 270]. Среди херсонесских метрических надписей, отразивших мотив доблестной смерти защитника отечества, на сегодня известна только одна (IosPE. I^2. 482). Из произведений ольвийских авторов следует отметить метрическую надпись в честь тираноборца, декреты в честь благотворителя Протогена и защитника города Никерата (IosPE. I^2. 32, 34) [Виноградов, 1989, с. 141–145]. Что касается фрагментов боспорской истории, переданных Диодором Сицилийским, они посвящены не защите государства его гражданами или даже царями. Напротив, описывая кризисную военно-политическую ситуацию на Боспоре, авторы боспорской истории стремились обосновать право победившего наследника на престол. Вместе с тем патриотические идеалы провозглашались боспорскими поэтами – в I в. н. э. появился энкомий в честь боспорского полководца; в I в. до н. э. – I в. н. э. – поэтические эпитафии, прославлявшие граждан, погибших в бою за родину (КБН 119, 131, 136).

Из других добродетелей, которые нашли отражение в текстах северопонтийских авторов, следует отметить *ἀρετή* (доблесть, превосходство, высочайшее достоинство человека) [Shantraine, 1968, p. 107]. В эпитафиях это наиболее часто встречающаяся положительная характеристика как для мужчин, так и для женщин (КБН 124) [Денисова, 1988]; в эпитафиях мужчинам *ἀρετή* связана с воинской доблестью (КБН 119, 133) [Виноградов, 1989, с. 89]. Однако проявлением доблести синопейца Фарнака, по мнению поэта I в. н. э., было его путешествие (КБН 129), *ἀρετή* Саббиона, сына Стефана, связано с умом и этическими качествами (КБН 146). Поэты указывали читателям эпитафий и на такие прижизненные достоинства покойных, как разумность, мудрость, справедливость (КБН 118, 199, 121, 145, 146), умение ладить с согражданами (IosPE. I^2. 226, 479; КБН 115, 120, 131, 134, 146). На Боспоре поэты отдельно отмечали тех, кто угодил царям и получил почести от них и от сограждан (КБН 138, 140, 143). Иногда в текстах поэтов прослеживаются идеалы

аристократической калокагатии (IosPE. I^2. 519; КБН 119, 144). Идеалы, провозглашаемые северопонтийскими интеллектуалами в текстах, исполняемых публично или в узком кругу, записанных «в долговечном камне», судя по всему, формировали взгляды сограждан и способствовали сохранению культурной идентичности.

Деятельность интеллектуалов влияла также на аккультурацию народов, окружавших греческие колонии. Этот процесс в Северном Причерноморье не был столь масштабным, как, например, в Великой Греции, однако и здесь представители варварского населения знакомились не только с достижениями греческого прикладного искусства, но и с греческой словесностью. О распространении текстов в этой среде свидетельствуют составленные греческими поэтами эпитафии скифскому царю Арготу, жителям Пантикапея Тихону и Кпеефиру, сыну Кабафакса (КБН 114, 115) [Twardecki, 2013, p. 333–336]. Процесс аккультурации был связан с распространением элементов греческого образования, что подтверждает существование на Боспоре должности переводчика, которую, как известно из трех надписей, могли занимать выходцы из ираноязычных племен (КБН 698, 1053) [Завойкина, 2013, с. 244, №26; Подосинов, 2016, с. 30–35], а также распространение негреческих имен и патронимиков среди должностных лиц, связанных с греческой образованностью (секретари – КБН 1263, 1264, 1268, гимнасиархи, неанискархи – КБН, 1263, 1264, 1268, 1267, 1277,1278, 1279, 1280, 1282, 1287, 1288).

Наконец, именно интеллектуалы античных городов Северного Понта способствовали формированию представлений об образцовом гражданине, воспитанном в идеалах греческой пайдейи и причастном к «таинству Муз». Распространение иконографического типа интеллектуала в Херсонесе и на Боспоре не является местным изобретением и, по всей видимости, превышает действительное количество интеллектуалов конца I в. до н. э. – II в. н. э. Это значит, что и те граждане, которые не занимались собственным интеллектуальным творчеством, стремились оставить память о себе как о людях, не чуждых образованию и философии. Все это было бы невозможно без наличия в

Северном Причерноморье реальных исторических лиц, занимавшихся философией, литературой, образовательной деятельностью.

6.2. Место и роль выходцев из античных колоний Северного Понта в истории и культуре античного мира

Некоторые интеллектуалы родом из северопричерноморских колоний смогли снискать славу за пределами родины, поэтому возможно рассмотреть и их место в истории античного мира в целом. Следует отметить, что своему становлению в качестве интеллектуалов они обязаны крупным античным центрам. Так, становление Биона, Сфера, Дифила, Исилла в качестве философов и поэтов произошло не в Северном Причерноморье, а в Афинах или иных центрах. С другой стороны, демотиконы в античной литературной традиции связали этих интеллектуалов с местами их рождения, кроме того, на родине они получили образование, подготовившее их к дальнейшему обучению.

Значимой была роль Исилла в эпидаврской гражданской общине. В надписи специально отмечены его роль в реорганизации культа и даже участие в управлении Эпидавром. Исилл выступил с законодательной инициативой, которую приняли и записали вместе с сакральным текстом. Не вызывает сомнений, что Исилл не только получил гражданство, но и был связан с аристократическими кругами Эпидавра. Указание в надписи на то, что божество повелело ему оставаться при эпидаврском храме, вероятно, следует понимать как исполнение Исиллом роли жреца в Асклепийоне. Выходец из Боспора принял участие в дипломатических отношениях Эпидавра и Спарты, что в надписи отражено как путешествие Исилла в Лакедемон с вестью о явлении Асклепия. По всей видимости, именно с этого события началась «карьера» Исилла в Эпидавре.

Заметна роль Сфера Боспорского в событиях военно-политической истории. Даже с учетом ограниченного характера влияния Сфера на реформы Клеомена в

Спарте, этот философ все же сыграл свою роль в воспитании спартанского царя, спартанской молодежи, и, по-видимому, своим учением об идеальном государстве убедил реформатора в правильности выбранного им курса. Не случайно Плутарх счел необходимым специально подчеркнуть влияние стоической философии на формирование личности государственного деятеля (Plut. Cleom. 23). Нет достаточных оснований для того, чтобы преувеличивать влияние Сфера на спартанского царя (например, видеть в нем соавтора реформ или организатора египетского восстания Клеомена), но и не учитывать фигуру Сфера в событиях второй половины III в. до н. э. было бы неправильно. Сфер принимал участие и в культурной политике эллинистических монархов, какое-то время находясь при дворе египетских Птолемеев. Впрочем, не совсем ясна хронология его пребывания в Александрии, да и о его роли в качестве придворного философа судить сложно. Источники передают только фрагменты бесед философа с монархом. Если учесть характер этих бесед, а также сообщение о клевете на Сфера, можно думать, что философ все же не был близок к Птолемею III или Птолемею IV и не мог оказать на них серьезного влияния. И тем не менее наш философ участвовал в деятельности ученых кружков, которые существовали при Птолемеях, и имел возможность пропагандировать в них идеи стоической философии.

В процесс создания ученых кружков при эллинистических монархах включился Бион Борисфенит. Однако высказывавшаяся В. Тарном точка зрения, согласно которой Бион не только долгое время состоял в литературно-философском кружке при Антигоне Гонате, но и был царским советником [Tarn, 1913, p. 235–236], не может быть подтверждена. В сохранившихся изречениях самого Антигона видели отсылки к философии Борисфенита, но идеи, высказанные македонским царем (Plut. Mor. 183d; Claud. Aelian. II. 20; Stob. Ant. 3. 2. 38) [Kinstrand, 1976, p. 15; Hense, 1909, p. 88]), вообще имели широкое распространение в эллинистический период. Имеющиеся источники говорят лишь о том, что Бион некоторое время находился при дворе Антигона и снискал благосклонность царя. Распространение его взглядов при дворе Антигона, скорее

всего, было ограниченным – возможно, из-за отсутствия цельной философской системы у Биона или из-за преимущественного влияния стоиков на царя.

И Сфер Боспорский, и Бион Борисфенит оказали заметное влияние на современников и последователей. Известно, что Сфер имел собственных учеников в Афинах, находил заинтересованную аудиторию в Спарте. Он разрабатывал все три направления стоической философии, написал значительное число трудов, которые были известны современникам, и даже их перечень сохранялся на протяжении четырех столетий – вплоть до времени написания биографии Сфера Диогеном Лаэртским. Школьная традиция сохранила некоторые цитаты Сфера и упоминание о его авторитете среди стоиков (Cic. Tusc. disp. IV. 53). При этом необходимо отметить, что Сфер довольно быстро «растворился» в школьных текстах стоиков – ни одно из его сочинений не сохранилось, но взгляды его излагались в виде анонимных цитат. Возможно, часть из них была приписана более известному современнику и соученику Сфера – Хрисиппу из Сол. Но в позднеэллинистическое и римское время его еще помнили как одного из лучших учеников Зенона Китийского (Plut. Cleom. 23; Diog. Laert. VII. 6. 177).

Бион Борисфенит был известен среди философов и поэтов гораздо дольше, его остроумные высказывания цитировались на протяжении всей античной эпохи и даже некоторыми средневековыми авторами. Наиболее важным вкладом Биона в историю литературы стала разработка жанра диатрибы – монолога, предполагающего использование обращений к фиктивному оппоненту, восклицаний, риторических вопросов [Гаспаров, 1971, с. 130–131]. Распространено мнение, что Бион стал изобретателем нового жанра [Спиридонов, 1918, с. 210; Нахов 1982, с. 194; Анткин, 1996, с. 26; Чанышев, 1991, с. 116; Солопова, 2010, с. 267; Burns, 2015, p. 11–12]. По другой версии, он лишь усовершенствовал форму диатрибы, возникшую до него в кинической среде [Arnim, 1897, s. 484; Tarn, 1913, p. 238; Тронский, 1946, с. 235; Desmond, 2008, p. 34; Скржинская, 2014б, с. 36]. Поскольку время и обстоятельства появления первой диатрибы неизвестно, вряд ли можно с уверенностью приписывать авторство целого жанра Биону (несохранившиеся диатрибы упоминались в связи

с Аристиппом и стоиками, жившими ранее Биона или бывшими его современниками – Diog. Laert. II. 8. 84; VII. 1. 34, 36; VII. 6. 178). Но несомненно то, что Биону принадлежат одни из первых литературно обработанных диатриб (их фрагменты записаны современником – Телетом из Мегар). Эта форма ораторско-философской прозы, чья история прочно связана с Бионом Борисфенитом, приобрела популярность в эллинистическую эпоху и оказала влияние на авторов римского времени (Горация, Ювенала, Плутарха, Эпиктета), раннехристианских писателей (приемы диатрибы находят Посланиях к Римлянам и к Галатам ап. Павла, а также в Деяниях апостолов – Деян. 17:22–31), на творчество гуманистов (например, «Диатриба» Эразма Роттердамского) [Жебелев, 1922, с. 176; Arnim,1897, s. 485; Burns, 2015, p. 8–11; Йегер, 2014, с. 30,32; Кондратьев, 2015]. Еще в XIX в. было признано влияние Биона на античную литературную традицию. Его видели в огромном количестве сочинений греческих и римских авторов (это историографическое течение даже получило название «биономании» [Kinstrand, 1976, p. 79]). Но было бы справедливее признать влияние Биона только в тех случаях, где оно очевидно и выражено в прямом цитировании и жанровой преемственности. Однако и при таком ограничивающем подходе наследие Биона выглядит довольно значительным и долговременным.

Память о поэте Исилле благодаря записи пеана сохранялась в Эпидавре, возможно, в течение жизни нескольких поколений. Но о дальнейшем влиянии говорить не приходится. Творчество Исилла было известно только в Эпидавре, предложенная им мифология не нашла отражения у других авторов.

Что касается Дифила Боспорского, чья жизнь и ученичество пришлись на время преподавания таких оригинальных мегарских философов как Евклид, Стильпон, Диодор Крон, то можно думать, что он просто следовал мегарской философии в изложении Стильпона и собственных идей не оставил. Интересна попытка представить Дифила наставником Сфера Боспорского [Шевченко, 2016, с. 177–178], хотя достаточных оснований для такой реконструкции все же не имеется.

6. 3. Интеллектуалы античных городов Северного Причерноморья и рецепция античности

Образцы литературного творчества, которые создавались в северопричерноморских колониях или выходцами из них, разумеется, не имели того глобального влияния на европейскую литературу средневекового, нового и новейшего времени, какое присуще аттической и ионийской прозе и поэзии. Однако нельзя игнорировать несколько эпизодов рецепции античного наследия, напрямую связанных с творчеством северопонтийских интеллектуалов.

Прежде всего, это пять сюжетов херсонесской историографии, которые вошли в сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей». Сложно установить, насколько текст был изменен при включении в «Повести о крепости Херсон», но обилие топографических деталей свидетельствует о том, что основные характеристики труда херсонесского автора сохранились.

Апофтегмы и хрии Биона Борисфенита, как было показано, сохранялись и переписывались средневековыми Отцами Церкви, составителями «Ватиканского гномология» и «Парижского гномология». Безусловно, в таких компиляциях не передавались значительные фрагменты сочинений Биона, эллинистический философ цитировался вне контекста. Однако цитирование такого рода продолжалось вплоть до X–XII вв., когда были составлены энциклопедия «Суда» и «Общие места» Антония Мелисского. Бион Борисфенит фигурирует также в художественной литературе XX в. Впервые в качестве литературного героя он появился в романе Н. М. Коробкова «Скиф» (роман вышел в 1930 г., переиздан в 1992 г.), где Бион представлен эллинизированным скифом, даже имевшим последователя своей философии из скифов-земледельцев окрестностей Ольвии [Коробков, 1992]. Во второй раз Бион появился в русской литературе только в качестве цитаты (Diog. Laert. IV. 7. 48), использованной – наряду с многочисленными обращениями к античным авторам – в романе Б. Ш. Окуджавы «Путешествие дилетантов» [Окуджава, 1980, с. 411].

Византийская энциклопедия «Суда» сохранила имя и название некоторых произведений эллинистического писателя Посидония Ольвиополита (при этом Посидония уже не отличали от других известных носителей этого имени). В «Суде» также есть рассказ о пребывании Сфера Боспорского у Птолемея. Впрочем, имя философа забыто и заменено на нейтральное *«Φιλόσοφος»* [Suidae, T. I, p. 895].

Тексты, составленные поэтами Северного Причерноморья, конечно, не были широко известны, но и они нашли отражение в поэзии XX в. Надпись о фонтане, поставленном Гликарией, женой Асандра, из Нимфея в I в. до н. э. (КБН 913; как отмечалось, эпиграмма и сама носит следы профессионального поэтического творчества), послужила источником вдохновения для русского поэта Серебряного века. Первые исследователи надписи – М. И. Ростовцев и В. В. Шкорпил – опубликовали эпиграфический памятник в «Известиях ИАК» и завершили публикацию памятника «изящным переводом К. Р., любезно разрешившим опубликовать свой перевод в предлагаемой статье» [Шкорпил, Ростовцев, 1910, с. 22]. К. Р. – литературный псевдоним великого князя Константина Константиновича Романова, который живо интересовался историческими и археологическими изысканиями, и в 1892 г. был избран председателем Императорского Русского археологического общества. В это общество входил и М. И. Ростовцев, с которым великий князь консультировался при написании историко-религиозной драмы «Царь Иудейский» [Зуев, 1997, с. 233–247; Тихонов, 2008, с. 154]. Античные мотивы нередко встречались в сочинениях К. Р. (например, цикл «Гекзаметры»), что было общим явлением в русской поэзии конца XIX – начала XX в. Поэтическое переложение нимфейской надписи выполнено К. К. Романовым по подстрочнику М. И. Ростовцева и опубликовано в «Известиях ИАК» после некоторых правок, предложенных ученым [Шкорпил, Ростовцев, 1910, с. 22]. Иная версия перевода, менее точная, но поэтически более изящная, вошла и в сборник стихов К. Р. Этот перевод публиковался с посвящением М. И. Ростовцеву в благодарность за помощь в работе над поэмой «Царь Иудейский» [К. Р., 1966, с. 160].

Надписи ольвийского и боспорского некрополей – в том числе метрические – стали источником вдохновения для современного поэта К. С. Фарая. В его сборнике «Надписи» они представлены в виде цитат и псевдоцитат [Фарай, 2014].

Выводы. Число интеллектуалов античных государств Северного Причерноморья или выходцев из них нам неизвестно, можно только констатировать, что наибольшее количество свидетельств о них относится к эллинистическому и римскому времени. Источники архаического и классического периодов служат указанием на распространение среди первых поколений колонистов греческой образованности, о первых авторах поэтических текстов и предположительно о зарождении историографической традиции. Значительное количество памятников, свидетельствующих о деятельности интеллектуалов, относятся к Ольвии, городам Боспора (как Азиатского, так и Европейского) и Херсонесу; при этом практически нет сведений об интеллектуалах Тиры. Этническое происхождение местных интеллектуалов было преимущественно греческим. Социальное положение не всегда можно установить, но имеющееся данные показывают, что в эллинистическое и римское время среди них могли быть как аристократы, так и представители незнатного гражданского населения, даже вольноотпущенники. С большей долей уверенности можно говорить о той роли, которую интеллектуалы играли в жизни античного Северного Причерноморья и за его пределами. Сфер и Исилл, выходцы из Боспора, принимали участие в военно-политических событиях эллинистических государств. Сфер и Бион Борисфенит оставили значительное литературное наследие и участвовали в деятельности придворных научных сообществ Македонии, Птолемеевского Египта; Бион стал разработчиком (возможно, даже создателем) нового литературного жанра. Примечательно, что фрагменты сочинений северопонтийских историков, некоторые сведения из биографий философов-выходцев из Северного Причерноморья вошли в сочинения античных и средневековых авторов. По-видимому, наиболее востребованным был Бион Борисфенит. В городах Северного Причерноморья местные интеллектуалы играли видную роль в общественной жизни: сохраняли и распространяли стандарты

высокой литературы; транслировали общеэллинские этические, религиозные, философские идеалы; в определенной степени способствовали аккультурации негреческого и смешанного населения. В эллинистический и римский периоды деятельность интеллектуалов способствовала утверждению в городах Северного Причерноморья идеала образцового гражданина, важной характеристикой которого была образованность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Античность как таковая не знала общности под названием «интеллектуалы» или «интеллигенция». Однако объединение философов, ученых, риторов, поэтов в группу интеллектуалов является оправданным, поскольку позволяет рассмотреть специфические особенности деятельности тех лиц, которые занимались производством нового знания и его распространением в виде текста (устного или письменного). Понимание интеллектуалов в качестве деятелей культуры, непосредственно связанных с текстом, учитывает собственно античную традицию, согласно которой производство материальных объектов, то есть труд художников, скульпторов, даже архитекторов, представляет собой ремесло, а производство текста стоит близко к философии – наиболее достойному занятию и образу жизни в представлении эллинов.

Сведения об интеллектуалах античных колоний Северного Причерноморья содержат различные источники: разрозненные сообщения античных и средневековых авторов, эпиграфические памятники. Ценным источником, дающим представление об иконографии античного интеллектуала, являются надгробные стелы, фиксирующие тип образованного человека в мемориальной скульптуре.

Все эти типы источников позволяют реконструировать следующую картину деятельности северопонтийских интеллектуалов античного времени.

Период архаики – время основания первых колоний, их становления (VII–VI вв. до н. э.). О собственных интеллектуалах в колониях говорить еще не приходится, однако памятники из Березани, Таганрогского поселения, Ольвии свидетельствуют о распространении греческой образованности в среде колонистов. Уже на рубеже VII–VI вв. до н. э. здесь появляются метрические тексты. Известно имя одного составителя такого текста – Аристонима из Ольвии, бывшего, по-видимому, одним из первых ольвийских ойкетов.

В классическое время (V–IV вв. до н. э.) появляется больше метрических надписей, авторы которых могли быть местными поэтами, грамматиками. События классического периода отражены в сюжетах боспорской историографии, а значит, именно к этому времени можно отнести деятельность первых северопонтийских историков на Боспоре.

Практически все занятия интеллектуалов представлены в эллинистический период (последняя треть IV – I в. до н. э.), притом они отражены в источниках, происходящих как из Северного Понта, так и из других регионов греческого мира. В Ольвии, Херсонесе, городах Европейского и Азиатского Боспора появлялись собственные философы, риторы, профессиональные поэты. Их деятельность во многом обеспечивалась связями северопричерноморских колоний с различными культурными центрами, прежде всего, Афинами. Это подтверждается сведениями о посещении известными специалистами – врачами, поэтами – из крупных центров Херсонеса и Боспора, а также биографиями некоторых философов и поэтов, бывших выходцами из Ольвии и Боспора. О философах, распространявших свое учение в Северном Причерноморье в этот период, известно немного. Однако сохранилось имя одного мыслителя – Смикра из Пантикапея. Вместе с тем, в источниках много указаний на деятельность профессиональных риторов: пространные тексты, авторы которых следовали образцам аттической риторской прозы, известны в Херсонесе и Ольвии III–II вв. до н. э. Эллинистическое время отмечено также развитием исторической прозы в Херсонесе и на Боспоре. Сохранилось имя одного из историков III в. до н. э. – херсонесита Сириска, сына Гераклида. Остальные историки на данный момент остаются безымянными, но о них известно по текстам, сохранившимся в эпиграфических памятниках и пересказах античных авторов. Деятельность поэтов в этот период уже отмечена специфическими профессиональными признаками: владением метром, просодией, знанием античной литературной традиции. Как было показано, на основании этих признаков некоторые местные авторы могут быть отнесены к профессиональным поэтам. Обращает на себя внимание приверженность поэтов Северного Причерноморья общегреческим поэтическим

образцам, частые обращения к Гомеру. Творчество местных поэтов становится известным за пределами северопонтийских колоний, среди негреческого населения, о чем свидетельствует эпитафия скифскому царю Арготу. Именно для эллинистического времени характерно обилие сведений (хотя и фрагментарных) о выходцах из Северного Причерноморья, ставших известными в крупных эллинских центрах. К III в. до н. э. относится деятельность трех философов – Дифила Боспорского, Биона Борисфенита, Сфера Боспорского. На эллинистическое время приходится жизнь поэта и жреца Исилла, писателей Посидония Ольвиополита и Дионисия Ольвианского.

Насколько можно судить, в римское время (конец I в. до н. э. – II в. н. э.) интенсивность интеллектуальной жизни в северопричерноморских городах не снижается. В текстах местного происхождения засвидетельствован высокий интерес их авторов к философии, науке, поэзии. Увеличивается число известных профессиональных поэтических текстов (впрочем, растет и количество поэтических эпитафий, составленных по шаблону); появляются сведения о проведении поэтических состязаний. Поэты Северного Причерноморья были знакомы с разнообразными жанрами античной литературы, топосами классической и эллинистической поэзии; продолжали использовать в своей поэзии отсылки к Гомеру и поэтам архаической и классической эпох. Именно в римский период широкую известность получил иконографический тип интеллектуала, проявившийся, главным образом, в мемориальной скульптуре. Его распространение вызвано популярностью подобных памятников в крупных античных центрах (Аттика, Малая Азия, Рим) и, безусловно, наличием в самих городах Северного Причерноморья людей, приобщившихся к интеллектуальным занятиям. Иконографический тип представлял собой сочетание устойчивых признаков (поза, костюм, атрибуты), которые в аттической скульптуре приобретают функцию маркировки интеллектуала с последней трети IV в. до н. э. Интерпретация таких изображений, как продемонстрировал текстологический и терминологический анализ, подтверждается сообщениями античных авторов об особенном внешнем виде философа. С III в. до н. э. в городах Малой Азии, с I в.

до н. э. в Риме этот иконографический тип использовался в скульптуре и живописи. Тип изображения, характерный для памятников Малой Азии и Рима, появляется в скульптуре Северного Причерноморья не позднее III в. до н. э. и существует вплоть до IV в. н. э. Наибольшее распространение и местные особенности (сочетание варварских и греческих элементов костюма) он получил на Боспоре.

В позднеантичный период (IV–V вв.) наблюдается вполне ожидаемое сокращение памятников, свидетельствующих о деятельности интеллектуалов. Однако встречаются отдельные образцы поэзии и мемориальная скульптура, отразившая старый иконографический тип интеллектуала. Завершается античная традиция историописания в Херсонесе – сюжеты «Повести о крепости Херсон», вероятнее всего, созданы в V в.

Необходимо признать, что имеющиеся данные не позволяют говорить о существовании собственно северопричерноморских научных, философских центров. Насколько можно судить, выходцы из северопонтийских колоний не дали античному миру какого-либо нового направления мысли (в отличие от, например, уроженцев Малой Азии и островных колоний, основавших новые философские школы в Афинах). Однако примечательно, что ряд уроженцев Ольвии, Боспора, Херсонеса и их труды приобрели достаточно широкую известность. Причиной этому являются те оригинальные черты, которые носили их биографии и творчество: Бион Борисфенит развивал новый литературный жанр (диатрибу), востребованный и в последующие эпохи; Сфер Боспорский вошел в литературную традицию не только как один из лучших учеников Зенона Китийского, но и как философ-практик, принявший участие в реформах спартанского царя Клеомена III; труды херсонесских и боспорских историков содержали важные и вместе с тем занимательные сведения, и потому их фрагменты были включены в тексты известных авторов античной и средневековой эпохи; очевидно, ценные географические и этнографические данные находились также в сочинениях выходцев из Ольвии Посидония и Дионисия.

Необходимо отметить, что деятельность интеллектуалов Северного Причерноморья отразила важные культурные процессы, характерные для всего античного мира. Среди них:

- распространение в периферийных регионах уже в раннеэллинистический период этической философии сократического толка (о чем говорит эпитафия боспорскому философу Смикру);

- эклектический характер философии раннего эллинизма (биография Биона; с большой вероятностью, эпитафия Гекатею);

- создание философских кружков при дворах эллинистических монархов (биографии Биона и Сфера);

- появление и становление новых литературных жанров (бионова диатриба; Исилл Эпидаврский/Боспорский, насколько можно судить, был одним из первых разработчиков ареталогической литературы и миметических гимнов); популярность старых жанров в римское время (энкомий и новая комедия);

- распространение в эллинистический период литературных шаблонов и топосов, характерных для профессионального и аматорского поэтического текста (о чем свидетельствуют метрические тексты Херсонеса и Боспора);

- развитие в периферийных регионах собственной историографии, сочетающей мифолого-историческую традицию Геродота с рациональным, критическим подходом (автор декрета Диофанту, автор боспорских сюжетов о династических войнах; возможно, Сириск); поверхностное влияние на историографическую традицию христианского мировоззрения в позднеантичный период (о чем свидетельствует лексика текста херсонесских сюжетов из «Повести о крепости Херсон»);

- высокая мобильность интеллектуалов в эллинистическое и римское время, включавшая в себя образовательные поездки и путешествия с целью заработка, поиска учеников (многочисленные путешествия Биона, Сфера; переселение Исилла из Боспора в Эпидавр, Авла Ситесия и педотриба Фарнака – из Малой Азии в Пантикапей; деятельность иностранных поэтов в Херсонесе и на Боспоре; римское влияние на автора пантикапейского энкомия);

- распространение идеологемы о философии как наиболее достойном занятии, имеющем как интеллектуальное, так и нравственное измерение (о чем свидетельствуют эпитафии боспорским философам);

- широкое распространение в мемориальной скульптуре эллинистического и римского времени иконографии интеллектуала. При этом, как удалось выявить, этот тип не всегда обозначал подлинного философа, оратора или поэта, он использовался для представления умершего в качестве образцового гражданина, не чуждого образованию.

Безусловно, в данном исследовании решены не все вопросы, касающиеся деятельности интеллектуалов античных государств Северного Причерноморья. Перспективными представляются дальнейшие исследования иконографического типа интеллектуала и его сопоставление с аналогичными памятниками других – в том числе провинциальных – античных центров как в синхронии, так и в диахронии. Нерешенным остается вопрос о наличии философских школ в северопричерноморских городах. Известные на сегодня памятники пока не позволяют достаточно точно выявить различия в деятельности интеллектуалов в государствах с демократическим (Ольвия, Херсонес) и монархическим (Боспор) строем. В частности, можно только предполагать деятельность ученых кружков при дворе боспорских царей. Крайне скудны материалы Тиры, поэтому осветить деятельность ее интеллектуалов помогут только дальнейшие исследования.

В целом, имеющиеся сведения об интеллектуалах античного Северного Причерноморья показывают, что на протяжении всей античной эпохи здесь сохранялись традиции греческого образования, это позволяло их жителям поддерживать и развивать культурную и интеллектуальную сферы городской жизни. Деятельность интеллектуалов способствовала сохранению среди колонистов общеэллинской идентичности. Несмотря на то, что Северное Причерноморье не дало античному миру мыслителей первой величины, можно с уверенностью говорить о том, что ряд интеллектуалов-выходцев из данного региона внес вполне заметный вклад в развитие общегреческой философии и литературы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Источники

1. Августин Блаженный. Творения: в 4 т. / Подг. С. И. Еремеев. Т. 4: О Граде Божием. Кн. XIV–XXII. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ–Пресс, 1998. 589 с.
2. Авл Геллий. Аттические ночи / Пер. А. Я. Тыжова. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия. Кн. I–X. 2007. 480 с.; Кн. XI–XX. 2008. 448 с.
3. Античная скульптура: Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника / Сост. Т. Матковская, Е. Зинько, Е. Иллариошкина. Киев.: Мистецтво, 2004. 256 с.
4. Античная скульптура Херсонеса / Под ред. С. И. Бибикова. Киев: Мистецтво, 1976. 344 с.
5. Античные свидетельства о жизни и творчестве Менандра // Менандр. Комедии. Фрагменты / Пер. В. Чемберджи. М.: Наука, 1982. 574 с.
6. Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. СПб.: Алетейя, 2000. 608 с.
7. Антология кинизма: Философия неприятия и протеста / Ред. И. М. Нахов. М.: ТЕРРА, 1996. 432 с.
8. Аполлодор. Мифологическая библиотека / Отв. ред. Я. М. Боровский. М.: НИЦ «Ладомир», Наука, 1993. 214 с.
9. Апулей. Метаморфозы и другие сочинения / Пер. М. Кузмина, Е. Рабинович, Р. Урбан, А. Кузнецова. М.: Художественная литература, 1988. 404 с.
10. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль. Т. 1 / Ред. В. Ф. Асмус. 1976. 550 с.; Т. 2. / Ред. З. Н. Микеладзе. 1978. 687 с; Т. 4. Ред. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди. 1983. 830 с.
11. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. 1391 с.

12. Аристофан. Комедии. Фрагменты / Пер. А. Пиотровского. М.: НИЦ «Ладомир», Наука, 2008. 1033 с.
13. Афиней. Пир мудрецов: в 15 кн. / Изд. подгот. Н. Т. Голинкевич.– М.: Наука. Кн. I–VIII. 2004. 655 с.; Кн. IX–XV. 2010. 597 с.
14. Беседы Эпиктета / Пер. Г. А. Тароняна. М.: НИЦ «Ладомир», 1997. 312 с.
15. Боспорские надгробия: II в. до н. э. – III в. н. э. / Т. Матковская, А. Твардецки, С. Тохтасьев, А. Бехтер. Киев: Мистецтво, 2009. 496 с.
16. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1964. 374 с.
17. Гален, Клавдий. О толках для начинающих / Пер. Е. В. Афонасина // ΣΧΟΛΗ: Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Vol. 9. 1. С. 56–72.
18. Гален, Клавдий. О моих воззрениях / Пер. Е. В. Афонасина // ΣΧΟΛΗ: Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Vol. 10. 1. С. 190–215.
19. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л: Наука, 1972. 600 с.
20. Гесиод. Полное собрание текстов / Пер. В. В. Вересаева, О. П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2001. 256 с.
21. Гигин. Мифы / Пер. Д. О. Торшилова; под ред. А. А. Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 1997. 370 с.
22. Гиппократ. Сочинения: Избранные книги / Пер. В. И. Руднева; ред. В. П. Карпова. М.; Л.: Биогиз, 1936. 736 с.
23. Гомер. Илиада. Одиссея / Пер. Н. И. Гнедича, В. А. Жуковского. М.: Художественная литература, 1967. 768 с.
24. Гомеровы гимны / Пер. Е. Г. Рабинович. М.: Carte Blanche, 1995. 232 с.
25. Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 231–315.
26. Греческая эпиграмма / Изд. подг. Н. А. Чистякова; отв. ред. М. Л. Гаспаров. СПб: Наука, 1993. 448 с.

27. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. 571 с.
28. Дион Хризостом. Кинические речи / Пер. Т. Г. Сидаша. СПб.: Нестор-История, 2012. 260 с.
29. Древний мир на юге России. Изборник источников / Ред. Б. А. Тураев, И. Н. Бороздин, Б. В. Фармаковский. М.: Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1918. С.59–60.
30. Древности Южной России: Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 годах. С объяснениями В.В. Латышева // МАР. 1892. № 9. 64 с.
31. Древности Южной России. Ч. I. В. К. Мальмберг. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах. Ч. II. А. В. Орешников. Обозрение монет, найденных при Херсонесских раскопках в 1888 и 1889 гг. // МАР. 1893. №7. 46 с.
32. Еврипид. Трагедии: в 2 т. // Пер. И. Анненского и С. Шервинского. М.: Художественная литература, 1969. Т. 1. 640 с.
33. Евсевий Памфил. Церковная история // Коммент. И. В. Кривушина. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013. 545 с.
34. Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. Речи / Сост. Э. Д. Фролов. М.: НИЦ «Ладомир», 2013. 1074 с.
35. Иустин Философ. Творения / Пер. П. Преображенского. Репринтное издание 1892 г. М.: Паломник, 2005. 485 с.
36. Каменная летопись Боспора: Лапидарная коллекция: Каталог / Керчь: Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник; Симферополь: ФСКП «Титул», 2016. 132 с.
37. К. Гораций Флакк / В пер. и с объяснениями А. Фета. М.: Тип. М. П. Щепкина, 1883. 485 с.
38. Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1970. 479 с.

39. Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан. О плаще / Пер. А. Я. Тыжова; комм. Ю. С. Довженко. СПб.: Алетейя, 2000. 217 с.

40. Климент Александрийский. Строматы / Подг. Е. В. Афонасин. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. Т. 1. Кн. 1–3. 544 с; Т. 2. Кн. 4–5. 336 с.; Т. 3. Кн. 6–7. 368 с.

41. Климент Александрийский. Увещевание к язычникам. Кто из богатых спасется. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2006. 286 с.

42. Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.

43. Корпус боспорских надписей / Ред. В. В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.

44. Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций (КБН–альбом). СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. XVI+432 с.

45. Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения / Пер. С. И. Соболевского. М.; Л.: ACADEMIA, 1935. 419 с.

46. Ксенофонт. Анабасис. Греческая история. М.: АСТ: Астрель, 2011. 644 с.

47. Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху: Каталог выставки. М.: Советский художник, 1983. 163 с.

48. Лактанций. Божественные установления. Кн. I–VII / Пер. В. М. Тюленева. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 512 с.

49. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 годах // МАР. 1892. № 9. 64 с.

50. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 годах // МАР. 1895. № 12. 86 с.

51. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 году (с 30 снимками) // ИИАК. 1902. Т. 3. С. 21–57.

52. Латышев В. В. Известия Древних писателей о Скифии и Кавказе. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. Т. 1: Греческие писатели. Вып. 1. 296 с.

53. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901–1903 годов) // ИИАК. 1904. Т. 10. С.1–91.

54. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (находки в 1903–1905 гг.) // ИАК. 1905. Вып. 14. С. 94–137.

55. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (с 12 снимками) // ИИАК. 1907. Т. 23. С. 28–48.

56. Лукиан Самосатский. Сочинения: в 2 т. / Под общ. ред. А. И. Зайцева. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. 480 с.; Т. 2. 538 с.

57. Марк Туллий Цицерон / Ред. М. Гаспарова, С. Ошерова, В. Смирина. М.: Художественная литература, 1975. 454 с.

58. Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1994. 470 с.

59. Марк Туллий Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / Пер. Н. А. Федорова. М.: РГГУ, 2000. 474 с.

60. Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг Риторических наставлений / Пер. А. Никольского. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1834. 1071 с.

61. Марциал. Эпиграммы / Пер. Ф. А. Петровского. СПб.: АО «Комплект», 1994. 448 с.

62. Мировое наследие Европейского Боспора. Коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: Каталог. Керчь: Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник; Симферополь: ИП Игнатов, 2016/ 356 с.

63. Надписи Ольвии (1917–1965) / Под ред. Т. Н. Книпович, Е. И. Леви. Л.: Наука, 1968. 131 с.

64. Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1978. 270 с.

65. Ораторы Греции / Сост. М. Л. Гаспаров. М.: Художественная литература, 1985. 495 с.

66. Павсаний. Описание Эллады: в 2 т. / Пер. С. П. Кондратьева. СПб: Алетейя, 1996. Т. 1. Кн. I–IV. 336 с.; Т. 2. Кн. V–X. 538 с.

67. Памятники поздней античной научно–художественной литературы II–IV века / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1964. 414 с.

68. Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / Отв. ред. А. Ф. Петровский. М.: Наука, 1980. 503 с.
69. Платон. Избраные диалоги / Под. общ. ред. С. Апта, М. Грабарь-Пассек, Ф. Петровского, А. Тахо-Годи, С. Шервинского. М.: Художественная литература, 1965. 442 с.
70. Платон. Сочинения: в 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль. Т. 1. 1990. 860 с.; Т. 2. 1993. 528 с.; Т. 3. 1994. 654 с.; Т. 4. 1994. 830 с.
71. Плутарх. Моралии: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1999. 1120 с.
72. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1994. Т. 1. 706 с.; Т. 2. 674 с.
73. Плутарх. Сочинения / Пер. Т. Г. Сидаша. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 384 с.
74. Полиэн. Стратегемы / Пер. с греч. под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб.: Евразия, 2002. 608 с.
75. Секст Аврелий Виктор. История Рима / Пер. В. С. Соколова // ВДИ. 1963. №4. С. 215–257.
76. Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. / Пер. А. Ф. Лосева. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 399 с.
77. Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1977. 383 с.
78. Соколов Г. И. Античное Причерноморье: Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л.: Аврора, 1972. 192 с.
79. Соломоник Э. И. Новые эпиграфически памятник Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1964. 196 с.
80. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1973. 283 с.
81. Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического: Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1983. 136 с.

82. Соломоник Э. И. Древние надписи Крыма. Киев: Наукова думка, 1988. 112 с.

83. Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса: Греческие лапидарные надписи. Симферополь: Таврия, 1990. 112 с.

84. Софокл. Драмы / Пер. Ф. Ф. Зелинского. М.: Наука, 1990. 605 с.

85. Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко. Л.: Наука, 1964. 943 с.

86. Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 5. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1879. 482 с.

87. Творения Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского: в 2 т. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1912. Т. 1. 680 с.

88. Учебники платоновской философии / Сост. Ю. А. Шичалин.: М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина; Томск: Водолей, 1995. 160 с.

89. Флавий Арриан. Руководство Эпиктета / Пер. А. Я. Тыжова // МНЕМОН: Исследования и публикации по истории античного мира. 2007. Вып. 6. С. 515–532.

90. Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского / Подг. Е. Г. Рабинович. М.: Наука, 1985. 328 с.

91. Флавий Филострат. Жизни софистов / Под общ. рук. Е. Г. Рабинович. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 536 с.

92. Фрагменты ранних стоиков: в 3 т. / Сост. А. Столяров. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. Т. I. 1998. 252 с.; Т. II (1). 1999. 234 с.; Т. II (2). 2002. 261 с.; Т. III (1). 2007. 302 с.; Т. III (2). 2010. 275 с.

93. Цельс Авл Корнелий. О медицине / Под ред. В. Н. Терновского, Ю. Ф. Шульца. М., 1959. 407 с.

94. Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Под. ред. С. Л. Утченко. М.: Наука, 1993. 246 с.

95. Цицерон Марк. Эстетика: Трактаты, Речи. Письма / Отв. ред. Г. С. Кнабе. М.: Искусство, 1994. 540 с.

96. Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э.: Эпос, элегия, ямбы, мелика / Ред. М. Л. Гаспаров. М.: НИЦ «Ладомир», 1999. 515 с.

97. Элиан. Пестрые рассказы / Пер. С. В. Поляковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 186 с.

98. Эсхилл. Трагедии / Пер. В. Иванова. М.: Наука, 1989. 589 с.

99. Athenai. Deipnosophistarum, libri quindecim / Acced. notae I. Casauboni animadversiones integrae. T. I. Lib. 1–5. Lipsiae: In Bibliopolio Schäferiano, 1796. 334 p.

100. Constantine Porphyrogenitus de Administrando Imperio // Corpus fontium historiae Byzantinae (T. 1) / Ed. Gyula Moravcsik. Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1967. 341 p.

101. D. Iunii Iuvenalis. Satirae // Comm. Caroli Frid. Heinrichii. Bonn: Apud Adolphum Marcum. 1839. Vol. I. 1003 p.

102. Diodorus of Sicily: In 20 vol. / Transl. by C. H. Oldfather and others. Gambrige: Harvard Univercity Press; London: William Heinneman Ltd. Vol. II. 1933. 539 p.; Vol. IV. 1946. 468 p.; Vol. VII. 1952. 431 p.; Vol. III. 1954. 454 p.

103. Diogenes Laertius. Lives of eminent philosophers. In 2 volumes. / Transl. By D. Hicks. Vol. II. London: William Heinemann; New York: G. P. Putnam's sons, 1925. 704 p.

104. Diogenes Laertius. Lives of eminent philosophers: In 2 vol. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. Vol. I. Books 1–5. 549 p; Vol. II. Books 6–10. 713 p.

105. Epictetus. The Discourses as reported by Arrian, the manual, and fragments. In 2 vol. / Transl. by W. A. Oldfather. Cambridge: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd. Vol. II. 1959. 559 p.

106. Epigrammata Graeka / Ed. G. Kaibel. Berlin: G. Reimer, 1878. 703 p.

107. Epistolographoi hellenikoi: Epistolographi graeci / Critica et indicibus R. Hercher. Parisiis: A. F. Didot, 1873. 948 p.

108. Eusebius of Caesarea. Praeparatio Evangelica (Preparation for the Gospel): In 15 libr. // Transl. by E.H. Gifford. Cambridge: Typographeo Academico, 1903. 479 p.

109. Fragmenta Bionis Borysthenitae philosophi, e variis scriptoribus collecta / Emend. Jo. P. Rossignol. Lutetiae: Excudebat typhographia regia, 1830. 35 p.

110. Fragmenta philosophorum graecorum / Coll. by F. W. A. Mullach. Vol. II. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1875. 602 p.

111. Fragmenta historicorum graecorum: in 5 vol. / Auxer. K. Mueller. Vol. 3. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1841. 729 p.

112. Inscriptiones Graecae. XII. Inscriptiones insularum maris Aegaei praeter Delum, 1. Inscriptiones Rhodi, Chalces, Carpathi cum Saro, Casi / Ed. F. H. von Gaertringen. Berlin, 1895.

113. Inscriptiones Graecae. Vol. IV: Inscriptiones Argolidis / Ed. M. Fraenkel. Berolini: apud Georgium Reimerum, 1902. 411 p.

114. Iōannou Stobaiou Anthologion: Ioannis Stobæi Florilegium. Lipsiae: Bibliopolio Kuehniano, 1823. 484 p.

115. Kinstrand J. F. Bion of Borysthenes: A Collection of the Fragments with Introduction and Commentary. Uppsala: Distributed by Almqvist & Wiksell International, 1976. 310 p.

116. Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini grecae et latinae / Societatis Archaeologice Impeii Russici. Vol. 2. Petropoli, 1916. 598 p.

117. Macrobius. Saturnalia: in 2 vol. / Ed. and transl. by R. A. Kaster. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011. Vol. I. Books 1–2. 391 p.

118. Martial. Epigrams: in 2 vol. / With transl. by W. C. A. Ker, M. A. Sometimb. Vol. I. London: William Heinemann; New York: G. P. Putnam's Sons. 1919. 490 p.

119. Olympiodori philosophi: Scholia in Platonis Phædonem / Ed. C.E. Finckh. Heilbronnae: Sumpt. J. U. Landherr, 1847. 228 p.

120. Opuscula graecorum veterum sententiosa et moralia: Graece et Latine / Coll. Jo. K. Orelli. Lipsae; Weidmannia. Vol. 1. 1819. 684 p.; Vol. 2. 1821. 810 p.

121. Pindar / Ed. and transl. by W. H. Race. Cambridge; London: Harvard University Press, 1997. Vol. I. 416 p.

122. Platon's Protagoras / Mit. Einleit. E. Jahn. Wien: C. Gerold's Sohn, 1864. 182 s.

123. Platonis Symposium in usum studiosae iuvplattis et scholarum cum commentario critic. Halis: In Libraria Orphanotrophei, 1875. 368 p.

124. Quintilian's Institutes of oratory or Education of an orator. In 12 books / R. Watson, J. S. London: George Bell and sons. Vol. 1. Books 1–6. 1903. 464+26 p.; Vol. 2. Books 7–12. 1876. 474 p.

125. Stephanus Byzantius. Ethnicorum quae supersunt. Ex recensione Augusti Meinekii. T. I. Berolini: Imp. G. Reimeri, 1849. 817 p.

126. Stoicorum veterum fragmenta // Coll. Ioannes ab Arnim. Vol. I. Stuttgart: B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1964. 348 p.

127. Suidae Lexicon. Græce & Latine / Ed. L. Kuster. Cantabrigiæ: Typis Academicis, 1705. T. I. 962 p.; T. II 782 p.; T. III. 762 p.

128. The Hymn of Cleanthes / Greek text translated into English. London, New York: The Macmillan Company, 1921. 21 p.

129. The Greek Anthology: in V vol. / Transl. by W. R. Paton. London: William Heinemann; New York: G. P. Putnam’s sons. Vol. I. 1916. 500 p.; Vol. II. 1918. 517 p.; Vol. IV. 1916. 422 p.; Vol. V. 1918. 400 p.

130. Teletis reliquiae / Recog. O. Hense. Tubingae: In librariae I. C. B. Monrii, 1919. 107 p.

131. The Oxyrhynchus papyri. P.VIII // By A. S. Hunt. London: Oxford, Horace Hart, 1911. 314 p.

132. Ξενοφών. Απομνημονεύματα: Εισαγωγή, μετάφραση, σχόλια / Μτφρ. Ε.Γ. Παντελάκης. Αθήνα: Ζαχαρόπουλος, 1939. 153 σ.

133. Το Ναυάγιο των Αντικυθήρων: Το πλοίο – οι θησαυροί – ο Μηχανισμός / Επ. Ν. Καλτσάς, Έ. Βλαχογιάννη, Π. Μπούγια. Αθήνα: Εθνικό Αρχαιολογικό Μουσείο, 2013. 303 σ.

II. Литература

134. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
135. Аверинцев С. С. Античный риторический идеал и культура Возрождения // Античное наследие в культуре Возрождения / Под ред. Л. М. Брагиной. М.: Наука, 1984. 360 с.
136. Аверинцев С. С. Образ античности. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
137. Адо П. Что такое античная философия / Пер. В. П. Гайдамака. М: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. 320 с.
138. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
139. Алексеева Е. М., Галут О. В., Мельникова И. Н., Хачатурова Е. А. Анапский археологический музей-заповедник // Античное наследие Кубани: В 3-х т. Т. 3. М.: Наука, 2010. С. 98–145.
140. Алексеева Е. М. Интерпретация комплекса анапских склепов 1975 г. – Древности Боспора. Т. 20. 2016. С. 34–67.
141. Андреева С. Э. Ольвийские стихотворные эпитафии // Боспорский феномен. СПб., 2002. С. 30–36.
142. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней: Античность и Средневековье / Пер. С. А. Мальцевой. СПб.: Пневма, 2003. 688 с.
143. Антонова И. А., Яйленко В. П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида // ВДИ. 1995. № 4. С. 58–86.
144. Асмус В. Ф. Античная философия: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1973. 542 с.

145. Афонасин Е. В., Афонасина А. С., Щетников А. И. Пифагорейская традиция. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 747 с.

146. Афонасин Е. В., Афонасина А. С. Герофил о пульсе // ΣΧΟΛΗ: Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9. № 1. С. 93104.

147. Афонасин Е. В., Афонасина А. С. Неоплатонический Асклепий // ΣΧΟΛΗ: Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10. Вып. 1. С. 260–280.

148. Афонасин Е. В., Афонасина А. С. ΙΑΤΡΙΚΗ ΤΕΧΝΗ. Очерки истории античной медицины. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 298 с.

149. Балалыкин Д. А., Щеглов А. П., Шок Н. П. Единство философской теории и медицинской практики во взглядах Галена // Философия науки. 2014. №1 (60). С.70–85.

150. Белов Г. Д. Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк. Л.: Гос. Эрмитаж, 1948. 147 с.

151. Бион // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. IV. СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона, 1891. С. 37–38.

152. Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М.: Наука, 1983. 325 с.

153. Блаватский В. Д. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА. 1954. № 20. С. 31–56.

154. Блаватский В.Д. Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964. 232 с.

155. Блаватский В. Д. Дионисий Ольвианский // СА. 1978. № 3. С. 80–89.

156. Блаватский В. Д. Ученые, поэты, архитекторы, скульпторы и другие мастера, работавшие в Северном Причерноморье // АГСП / Под ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликовой, В. С. Долгорукова. М.: Наука, 1984. С. 219.

157. Блаватский В. Д. Воззрения боспорского анонимного историографа конца IV в. до н.э. // Античная археология и история. М.: Наука, 1985. С. 203–207.

158. Блаватский В. Д. Иррадиация античной культуры в Северном Причерноморье // Античная археология и история. М.: Наука, 1985а. С. 172–182.

159. Божинова Ю., Русинов В. Три надгробни паметника от долината на Средна Струма // Археология. № XXIX (1). София: Археологически институт и музей при БАН, 1987. С. 25–27.

160. Болтунова А. И. Метрическая эпитафия из пантикапейского некрополя // ВДИ. 1968. № 2. С. 130–132.

161. Болтунова А.И. Надгробная эпиграмма жены Диа // История и культура античного мира. М., 1977. С. 23–28.

162. Борухович В. Г. В мире античных свитков. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1976. 223 с.

163. Брагинская Н. В. Бион Борисфенит // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 204–207.

164. Бриссон Л. Сократики // Греческая философия: в 2 т. / Под. ред. М. Канто-Спербер; пер. В. П. Гайдамака. Т. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006. С. 158–190.

165. Бриссон Л. Христианство перед лицом философии // Греческая философия: в 2 т. / Под. ред. М. Канто-Спербер; пер. В. П. Гайдамака. Т. 2. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. С. 772–820.

166. Бритова Н. Икусство Северного Причерноморья // Всеобщая история искусств: в 6 т. / Под. общ. ред. А. А. Чегодаева. Т. 1: Искусство Древнего мира. М.: Искусство, 1956. С. 350–362.

167. Бритова Н. Н., Лосева Н. М, Сидорова Н. А. Римский скульптурный портрет. М.: Искусство, 1975. 220 с.

168. Брюнсвиг Л. Сократики // Греческая философия: в 2 т. / Под. ред. М. Канто-Спербер; пер. В. П. Гайдамака. Т. 2. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006. С. 560–617.

169. Бутягин А. М., Соколова О. Ю., Вахтина М. Ю., Хршановский В. А., Винокуров Н. И., Внуков С. Ю., Масленников А. А., Егорова Т.

В., Попова Е. А., Зубарев В. Г., Молев Е. А., Толстиков В. П. Исследования российских экспедиций в Крыму в 2009-2011 гг. // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического Съезда. СПб.: ФГБУН ИИМК РАН, 2011. С. 304–305.

170. Вальдгауер О. Ф. Этюды по истории античного портрета: в 2 ч. / О. Ф. Вальдгауер. Ч. 2. Л.: ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1938. 295 с.

171. Варнеке Б. В. Из культурной жизни греческих колоний на юге России // ЗООИД. 1916. Т. 33. С. 21–24.

172. Варнеке Б. В. Театры в греческих колониях Северного побережья Черного моря // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1. С. 28–29.

173. Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб.: Печ. В. Головина, 1869. 326 с.

174. Вдовиченко И. И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). Симферополь: Сонат, 2008. 352 с.

175. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. СПб.: Изд-е автора, 1899. 1370 с.

176. Верлинский А. Л. К Боспорской просопографии: стоик Сфер // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / Отв. ред. А. К. Гаврилов. СПб.: Глаголъ, 1992. С. 146–177.

177. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Общ. ред. Ф. Х. Кессиди, А. П. Юшкевича. М.: Прогресс, 1988. 224 с.

178. Виноградов А. Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 224 с.

179. Виноградов А. Ю. Херсонес-Херсон: две истории одного города. Имена, места и даты в исторической памяти полиса // ВДИ. 2013. №1. С. 40–58.

180. Виноградов Ю. Г. Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 1969. № 3. С. 142–150.

181. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука, 1989. 288 с.

182. Виноградов Ю. Г. Остракон с Таганрогского поселения // ВДИ. 1991. № 4. С. 176–179.

183. Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А. Laudatio funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2. С. 42–44.

184. Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.: Наука, 1990. С. 311–371.

185. Виноградов А. Ю., Зайцев Ю. П. Новый эпиграфический памятник из Неаполя скифского (предварительная публикация) // Археологія. 2003. №1. С. 44–53.

186. Власова Е. В. Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани: в 3 т. Т. 3. М.: Наука, 2010. С. 198–265.

187. Властос Г. Сократ и его влияние // Греческая философия: в 2 т. / Под. ред. М. Канто-Спербер; пер. В. П. Гайдамака. Т. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006. С. 135–157.

188. Гаврилов А. К. Скифы Савмака: восстание или вторжение? (IosPE21, 352 = Syll.3 709) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.: Глаголъ, 1992. С. 53–73.

189. Гаврилов А. К. Боспорский воин Аполлоний и его поэт // Hyperboreus. V. 11. Fasc. 1. 2005. С. 60–85; Fasc. 2. 2005. С. 215–240.

190. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 591 с.

191. Гайдукевич В. Ф. Еще о восстании Савмака // ВДИ. 1962. № 1. С. 3–23.

192. Гайдукевич В. Ф. О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э. // Античное общество: Труды международной конференции по изучению античности. Ленинград, 9–14 апреля 1964 г. М.: Наука, 1967. С. 17–22.

193. Гаспаров М. Л. Античная литературная басня. М.: Наука, 1971. 280 с.

194. Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. I. О поэтах. М.: Языки русской культуры, 1997. 664 с.

195. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 272 с.

196. Грацианская Л. И. К хронологии античных херсонесских сюжетов Константина Багрянородного (De administratio imperio. Cap.53, lin. 1-492) // Боспорские чтения. Вып. X.: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы / Ред.-сост. В. Н.Зинько, Е. А. Зинько. Керчь, 2009. С. 106–107.

197. Герцман Е. В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб.: Алетейя, 1995. 336 с.

198. Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. Пг.: Изд. т-ва О. Н. Поповой, 1915. 108 с.

199. Головня В. В. История античного театра. М.: Искусство, 1972. 400 с.

200. Гомперц Т. Жизнепонимание греческих философов и идеал внутренней свободы / Пер. И. Давыдова и С. Салитан. СПб: Изд-е Тов. «Общественная польза», 1912. 320 с.

201. Горончаровский В. А. Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб.: «Петербургское Востоковедение»; М.: Филоматис, 2003. 224 с.

202. Грабарь-Пассек М. Е. Александрийская греческая литература // Александрийская поэзия. М.: Художественная литература, 1972. С. 5–21.

203. Грейвс Р. Мифы Древней Греции / Пер. К. П. Лукьяненко; под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1992. 620 с.

204. Даниленко В. Н. Просопография Херсонеса IV–II вв. до н. э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья) // АДСВ. Свердловск, 1966. Вып. 4. С. 136–178.

205. Даниленко В. Н. Херсонесские каменные саркофаги эллинистического времени // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 64–68.

206. Дарвин А. Л. Сфер Борисфенит и реформаторское движение в Спарте (историография вопроса) // МНЕМОН: Исследования и публикации по истории античного мира. 2003. Вып. 2. С. 171–190.

207. Денисова В.И. Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии // СА. 1988. № 1. С. 251–256.

208. Доватур А. И. Проводы Феофилы (CIRB 130) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.: Глаголъ, 1992. С. 11–27.

209. Довженко Ю. С К уточнению смыслового поля понятия «интеллектуальная элита античного мира» // Интеллектуальная элита античного мира (Тезисы докладов научной конференции 8–9 ноября 1995 г.). СПб, 1995. Режим доступа: http://www.centant.pu.ru/

210. Доддс Э. Греки и иррациональное / Пер. С. В. Пахомова. СПб.: Алетейя, 2000. 507 с.

211. Домбровский О. И. Античный театр в Херсонесе (раскопки 1954–1958 гг.) // СХМ. 1961. Вып. 1. С. 29–35.

212. Дройзен И. Г. История эллинизма: в 3 т. Т. 3. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 608 с.

213. Дьячков С. В. Римские граждане в Северном Причерноморье // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева (Сб. науч. трудов). Харьков: АО «Бизнес Информ», 1997. С. 57–79.

214. Еремин А. Ю. «Спартанский мираж»: идеализация, пропаганда и инвенция традиции // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2010. № 4. С. 184–185.

215. Жебелев С. А. Апостол Павел и его послания. Пг.: ОГНИ, 1922. 199 с.

216. Жебелев С. А. Пеан Исилла // ДАН-В. 1929. № 11. С. 193–200.

217. Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // ВДИ. 1938. № 3. С. 49–71.

218. Жебелев С. А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. – М.; Л: Изд-во АН СССР, 1953. 388 с.

219. Заботит Н. В. Частные сообщества городов Боспорского государства в I – первой половине III в. новой эры (по материалам эпиграфики) // Дис… канд. ист. наук. М., 2006. 285 с.

220. Завойкин А. А. Политическая история азиатского Боспора: Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н. э.) // Античное наследие Кубани: в 3 т. Т. 2. М.: Наука, 2010. С.12–78.

221. Завойкина Н. В. Частные сообщества городов Боспорского царства в I – первой половине III вв. н. э. / Дис... канд. ист. наук. М., 2006. 285 с.

222. Завойкина Н. В. Фанагорийское общество (по материалам эпиграфики) // Фанагория. Результаты археологических исследований / Под общ. ред. В. Д. Кузнецова. М.: Ин-т археологии РАН, 2013. Т. 1. С. 240 – 313.

223. Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. СПб.: Марс, 1995. 380 с.

224. Золин П. М. Античные истоки отечественной философии как стержня культуры и этики. В. Новгород: НовГУ, 2003. 120 с.

225. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев: Шлях, 2004. 312 с.

226. Зубарь В. М., Сон Н. А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху: Основные тенденции социально-экономического развития // МАИЭТ. Supplementum. 2007. Вып. 3. 240 с.

227. Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев и великий князь Константин Константинович // Скифский роман. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. С. 233–247.

228. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. Т. I: А–Λ. 1043 с.; Т. II: М–Ω. 1904 с.

229. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

230. Довженко Ю. С. К семантике плаща раннехристианского философа // Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан. О плаще / Пер. А. Я. Тыжова; комм. Ю. С. Довженко. СПб.: Алетейя, 2000. С. 121–216.

231. Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. – Киев: Изд-во АН УССР, 1961. 148 с.

232. Иванчик А. И., Толстиков В. П., Ковальчук А. В. Новая эпиграмма из Пантикапея // ВДИ. 2007. № 1. С. 107–117.

233. История греческой литературы: в 3 т. / Под ред. С.И.Соболевского, Б. В. Горнунга, С. Г.Гринберга и др. М.; Л., Т. I. 1946. 487 с.; Т II. 1955. 309 с. Т. III. 1960. 439 с.

234. История всемирной литературы: в 9 т. / Ред. И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. Т. 1. М.: Наука, 1983. 584 с.

235. Йегер В. Пайдейя: Воспитание античного грека / Пер. А. И. Любжина. Т. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю. Шичалина, 2001. 592 с.

236. Йохансен Ф. С. Мраморные портреты Юлия Цезаря: обзор / Пер. С. Э. Таривердиевой, О. В. Любимовой // Ancient Portraits in the J. Paul Getti Museum. 1987. Vol. I. P. 17–40.

237. Каган Ю. М. О латинских словах, обозначающих одежду // Быт и история в античности. М.: Наука, 1988. С. 127–142.

238. Казакович Э. Л. К полемике о восстании Савмака // ВДИ. 1963. № 1. С. 57–70.

239. Кадеев В. И. О медицине в Херсонесе Таврическом // Древности. Харьков, 1994. С. 58–65.

240. Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура (I–III вв. н. э.). Харьков: АО «Бизнес Информ», 1996. 207 с.

241. Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во, 1952. 186 с.

242. Каллистов Д. П. Античный театр. Л.: Искусство, 1970. 177 с.

243. Карасев А. Н. , Леви Е. И. Раскопки ольвийской агоры в 1970 г. // КСИА. М. 1975. Вып. 143. С. 11–20.

244. Карышковский П. О. Посвятительная надпись римских врачей из Тиры // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. К: Наукова думка, 1987. С. 52–56.

245. Киреева Е. В. История костюма: Европейские костюмы от античности до XX века. М.: Просвещение. 1970. 165 с.

246. Книпович Т. Н. Танаис: Историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 180 с.

247. Кобылина М. М. Скульптура // АГСП. М.: Наука, 1984. С. 212–214.

248. Кондаков Н. Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии и быту // ЗООИД. 1879. Т. XI. С. 75–179.

249. Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного. Киев: Наукова думка, 1993. 246 с.

250. Козуб Ю. И., Белецкий А. А. Стихотворная эпитафия Эпикрата из Ольвии // ВДИ. 1977. №1. С. 171–175.

251. Кондратьев Ю. А. Литературный подход к изучению Послания к Галатам апостола Павла: история и современное состояние // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2015. №3(2). С. 204–212.

252. Коробков Н. М. Скиф: Первоистория земли Российской. М.: Патриот, 1992. 320 с.

253. Крюгер О. О. Надгробие Леокса, сына Молпагора // ИГАИМК. 1921. Т. 1. С. 41–50.

254. Кузищин В. И. Существовала ли интеллигенция в античном обществе? // Интеллигент и интеллигенция на рубеже XXI века: итоги пройденного пути, перспективы (Тезисы докладов X Междунар. научно-теоретической конференции. Иваново, 22–24. 09. 1999). Иваново, 1999. С. 32–33.

255. Куле К. СМИ в Древней Греции: Сочинения, речи, разыскания, путешествия / Пер. с франц. С. В. Кулланды. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 256 с.

256. Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2001. 432 с.

257. Кутайсов В. А. Античный полис Керкинитида. Симферополь: ЧП «Феникс», 2013. 400 с.

258. Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887. 294 с.

259. Латышев В. В. Новый гимн в честь Гермеса // ЖМНП. 1905. Май. С. 261–264.

260. Латышев В. В. Заметки по греческой эпиграфике // ИГАИМК. 1922. Т. 2. С. 65–83.

261. Латышев В. В. Неизданные Воспорские надписи // ИГАИМК. 1922. Т. 2. С. 84–104.

262. Леви Е. И. К вопросу о датировке херсонесской присяги // СА. 1947. № 9. С. 89–100.

263. Левинская И. А. Боспорское посвящение Зевсу Высочайшему Непобедимому // ВДИ. 2017. №1. С. 140–151.

264. Лега В. П. Секст Эмпирик: Скептицизм как образ жизни // Mathesis: Из истории античной науки и философии / Ред. И. Д. Рожанский. М.: Наука, 1991. С. 210–219.

265. Мосейко Ю. Т. Художественная культура эллинистического Херсонеса (на примере расписных стел из башни Зинона) // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. V (II). Серия А. Античность и средневековье. Избранные мат-лы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения 2011 г.» (Севастополь, 12–13 ноября 2011). Севастополь: Филиал МГУ, 2011. С. 91–95.

266. Лейбенсон Ю. Т. Общегреческие и местные традиции в художественной культуре эллинистического Херсонеса (на примере расписных стел из башни Зинона) // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме: Тезисы докладов. Серия: История, археология. Ялта: РИО КГУ, 2011а. С. 59–60.

267. Лейбенсон Ю. Т. Эволюция взглядов на посмертную участь в античных государствах Северного Причерноморья (по материалам эпиграфических памятников) // ХСб. 2012. Вып. XVII. С. 169–175.

268. Лейбенсон Ю. Т. «Да будет легок тебе всякий камень»: представления северопонтийских эллинов о посмертной участи (по материалам эпиграфических памятников) // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки. Т. 25. № 2 (64). 2012а. С. 132–143.

269. Лейбенсон Ю. Т. Ars medica северопонтийских городов в античную эпоху // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки. Т. 24. № 4 (66). 2014. С. 26–40.

270. Лейбенсон Ю. Т. Соотношение сакральной и профессиональной медицины в античных государствах Северного Причерноморья // Античный мир и современность. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки министерства образования и науки республики Казахстан, 2015. С.75–88.

271. Лейбенсон Ю. Т. «Союз тоги и меча на берегах Боспора» // Таврические студии. Серия: Исторические науки. №7. Симферополь, 2015а. С. 74–78.

272. Лейбенсон Ю. Т. Конструирование биографии и автобиографии философа: Бион Борисфенит // Современные проблемы социально-гуманитарных наук: Сборник докладов I Всероссийской науч.-практ. заочной конференции (с международным участием). Казань: Отечество, 2015б. С. 126–133.

273. Лейбенсон Ю. Т. Интеллигенция и интеллектуальная элита античных государств Северного Причерноморья // Мат-лы Междунар. молодежного науч. форума «ЛОМОНОСОВ–2015». М.: МАКС Пресс, 2015в. [Электронный ресурс].

274. Лейбенсон Ю. Т. Варвары-философы с окраины греческой ойкумены или эллинские мудрецы из скифского края: Бион Борисфенит и Сфер Боспорянин в историографии веков XIX–XX // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы. Мат-лы междунар. научн. конференции (пгт. Коктебель, 25–29 сентября 2016 г.). Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2016. С. 174–192.

275. Лейбенсон Ю. Т. Об этническом происхождении философов-выходцев из Северного Причерноморья // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки. Т. 2 (62). № 2. 2016а. С.3–26.

276. Лейбенсон Ю. Т. Может ли варвар быть философом? Негреческое население Северного Причерноморья как представители интеллигентных профессий // Диалог двух культур Востока и Запада через призму единства и многообразия: древний мир, средневековье, новое и новейшее время. Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения Комитета науки министерства образования и науки республики Казахстан, 2016б. С. 115–127.

277. Лейбенсон Ю. Т., Лейбенсон А. В. Образ античного философа и мудрецы «Хрисмологиона» // Россия и Греция: Диалоги культур: Мат-лы III Междунар. конф. (Петрозаводск, 12–15 октября 2016). Петрозаводск: ПетрГУ, 2016в. С. 91–110.

278. Лейбенсон Ю. Т. Интеллектуальная жизнь греческих колоний Северного Понта в эллинистическое время и биография Биона Борисфенита // Мат-лы Междунар. молодежного науч. форума «ЛОМОНОСОВ–2016». М.: МАКС Пресс, 2016г. [Электронный ресурс].

279. Лейбенсон Ю. Т. Σχήμα философа и мемориальная скульптура античных городов Северного Причерноморья римского времени // Мат-лы Междунар. молодежного науч. форума «ЛОМОНОСОВ–2017». М.: МАКС Пресс, 2017. [Электронный ресурс].

280. Лейбенсон Ю. Т. Топосы в поэзии античных городов Северного Причерноморья // Ломоносовские чтения 2017 г.: Сборник мат-лов науч. конференции (22 марта 2017 г., г. Севастополь). Севастополь: Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2017а. С. 24–25. [Электронный ресурс]

281. Лейбенсон Ю. Т. Великий Слепой как «христианин до Христа»: Образ Гомера в литературе эпохи апологетов // Лингвокультурные пролегомены: Мифология, фольклор, религия: Сборник науч. трудов по мат-лам II науч.-

практ. форума (Симферополь, 19 апреля – 11 мая 2017) Симферополь: Таврическая академия КФУ им. В. И. Вернадского, 2017б. С. 29–49.

282. Лейбенсон Ю. Т. Плащ философа и варварский костюм в античных городах Северного Причерноморья // Диалог двух культур Востока и Запада через призму единства и многообразия: древний мир, средневековье, новое и новейшее время. Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения Комитета науки министерства образования и науки республики Казахстан, 2017в. С. 36–45.

283. Лейбенсон Ю. Т. Клио в философском плаще: образ интеллектуала в античных текстах и памятниках искусства // Клио и логос: история и культурология в пространстве взаимодействия: Сб. статей и тезисов докладов / Отв. ред.: А. В. Бондарев, А. А. Хлевов. СПб.: Астерион, 2017г. С. 91–93.

284. Лейбенсон Ю. Т. Авл Ситесий – представитель философско-медицинской школы на Боспоре // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2017д. Т. 3 (69). № 1. С. 56–68.

285. Лейбенсон Ю. Т. Как узнать философа: σχήμα интеллектуала в мемориальной скульптуре античных городов Северного Причерноморья // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2017е. Т. 3 (69). № 2. С. 43–68.

286. Лейбенсон Ю. Т. Жизнь Биона Борисфенита: источники и историография // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017ж. № 12(86): в 5 ч. Ч. 5. С. 131–140.

287. Лейбенсон Ю. Т. Поэт Исилл. Боспорский или эпидаврский: историография вопроса // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. № 1 (170). С. 77–82.

288. Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции / Пер. с англ. Н. А. Поздняковой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 430 с.

289. Лосев А. Ф. Античная мифология в её историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 624 с.

290. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Софисты, Сократ, Платон. Т. II. М.: Искусство, 1969. 617 с.

291. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1885. 1552 с.

292. Макаров И. А. Эпитафия командира армянских лучников из Херсонеса Таврического // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 239–248.

293. Макаров И.А. Две метрических эпитафии римского времени из Херсонеса Таврического // ВДИ. 2009. № 3. С. 113–121.

294. Макгаффи Дж. П., Джилман А. Империя Александра Великого / Пер. Л. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2013. 288 с.

295. Марти Ю.Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 57–89.

296. Марти Ю. Ю. Поздне-эллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ // СА. 1941. № 7. С. 31–44.

297. Марру А.–И. История воспитания в античности (Греция) / Пер. с франц. А. И. Любжина. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. 415 с.

298. Матковская Т. А. Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н. э. // Население и культура Крыма в первые века н. э. / Отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1983. С. 114–136.

299. Матковская Т. А. «...Камень, изливающий немую скорбь»: Коллекция Керченского лапидария. Керчь: БФ «Деметра», 2000. 96 с.

300. Матковская Т.А. Мужской костюм европейского Боспора первых веков // Боспорские исследования. Симферополь: Изд-во Крымск. отделения Института востоковедения, 2001. Т. 1. С. 101-136.

301. Матковская Т.А. Образ боспорянки (по материалам Керченского лапидария) // Боспорские исследования. 2002. Вып. II. С. 89–102.

302. Матукина А. Н. Философские системы эпохи эллинизма на Боспоре // Мат-лы Междунар. молодежного научн. форума «ЛОМОНОСОВ–2016». М.: МАКС Пресс, 2016г. [Электронный ресурс].

303. Мащенко С. Т. Основные проблемы в истории украинской философии. Чернигов, 2002. 161 с.

304. Мельников О. Н. К интерпретации сообщения Диодора Сицилийского о хронологии правлений Спартокидов на Боспоре // Боспорские чтения. Вып. X.: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы / Ред.-сост. В. Н.Зинько, Е. А. Зинько. Керчь, 2009. С. 283–288.

305. Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов: в 4-х т. Т. 1. М.: АО «Академия моды», 1993. 543 с.

306. Молев Е. А. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М.: Центрполиграф, 2003. 399 с.

307. Молев Е. А., Матукина А. Н. К вопросу о философии и философах на Боспоре // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 63–70.

308. Молев Е. А. Сопей и Сопеид: К истории боспорской политической элиты // Боспорский феномен: Элита Боспора и Боспорская элитарная культура: Мат-лы междунар. круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). СПб.: ПАЛАЦЦО, 2016. С. 47–50.

309. Молева Н. В. Боспорская элита в надгробных надписях // Боспорский феномен: Элита Боспора и Боспорская элитарная культура: Мат-лы междунар. круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). СПб.: ПАЛАЦЦО, 2016. С. 40–46.

310. Мосолкин А. В. Несколько слов к русскому переводу «Александры» Ликофрона. // ВДИ. 2011. № 1. С. 216–218.

311. Нахов И. М. Философия киников. М.: Наука. 1982. 223 с.

312. Николаев Н. И. Аксиома ольвийской просопографии IV–I вв. до н. э. // Історичний архів. 2014. Вип.12. С. 156–164.

313. Новичихин А. М. Античный философ на краю ойкумены // Смысл жизни в системе нравственных приоритетов современной молодежи: Мат-лы науч.-практ. конференции. Анапа: Анапский филиал Сочинского гос. университета туризма и курортного дела, 2006. С. 55–57.

314. Новичихин А. М. К вопросу о «синдской скульптуре» // МАИСК. 2014. № 6. С. 30–39.

315. Окуджава Б.Ш. Путешествие дилетантов. М.: Советский писатель, 1980. 544 с.

316. Пантермалис Д. Дион: Археологический заповедник и музей / Пер. О. Цыбенко. Афины: Адам, 1997. 112 с.

317. Панченко Д. В. Эпитафия Гекатея (CIRB 121): Конфессия, философский топос или выбор пути? // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.: Глаголъ, 1992. С. 28–42.

318. Папанова В. А. Урочище Сто могил: Некрополь Ольвии Понтийской. Киев: Знання України, 2006. 278 с.

319. Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 1974. 220 с.

320. Передольская А. А. К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница // СА. 1955. №. 24. С. 54–73.

321. Передольская А. А. О сюжетах трёх терракотовых статуэток из кургана Большая Близница // СА. 1950. №. 13. С. 255–272.

322. Петрова Э. Б. Историческая традиция в античных городах Северного Причерноморья и ее истоки // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. №4. С. 108– 123.

323. Петрова Э. Б. Античная Феодосия: История и культура. Симферополь: СОНАТ, 2000. 264 с.

324. Петрова Э. Б. Аноним Боспорский // Греки в истории Крыма Симферополь: Таврия-Плюс, 2000а. С. 113–114.

325. Петрова Э. Б. Дифил // Греки в истории Крыма. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000в. С. 151–152.

326. Петрова Э. Б. Гекатей // Греки в истории Крыма. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000г. С. 140 –141.

327. Петрова Э. Б. Смикр // Греки в истории Крыма. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000д. С. 237–238.

328. Петрова Э. Б. Стратоник // Греки в истории Крыма. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000е. С.246–247.

329. Петрова Э.Б. Сфер Боспорский // Греки в истории Крыма. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000ж. С. 248–249.

330. Петрова Э. Б. Сосий // Греки в истории Крыма. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000з. С. 240.

331. Петрова Э. Б. Мыслители античных городов Северного Причерноморья // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2000и. Т. 1. №13 (52). 62–80.

332. Петрова Э. Б. Мыслители Пантикапея // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2002. № 30. С. 84–87.

333. Печатнова Л. Г. Первый этап реформ в эллинистической Спарте // МНЕМОН: Исследования и публикации по истории античного мира. 2011. Вып. 10. С.174–200.

334. Печатнова Л. Г. Реформы спартанского царя Клеомена III // МНЕМОН: Исследования и публикации по истории античного мира. 2012. Вып.11. С. 65–100.

335. Печатнова Л. Г. Спарта. Миф и реальность. М.: Вече, 2013. 382 с.

336. Пичикян И. Р. Малая Азия Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М.: Наука, 1984. 294 с.

337. Подосинов А. В. Великие греческие кифареды на гастролях в Пантикапее? // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Мат-лы междунар. науч. конференции. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 89–92.

338. Подосинов А. В. К вопросу о языковой ситуации в греко-варварском Боспорском царстве // Восточная Европа в древности и средневековье: Письменность как элемент государственной инфраструктуры: XXVIII

Чтения памяти члена-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: Мат-лы конф. (Москва, 20–22 апреля, 2016). М., 2016. С. 30–35.

339. Поленц М. Стоя и семитизм // Порфирий. Сочинения / Пер. В. М. Линейкина. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2011. С. 387–414.

340. Поленц М. Стоя. История духовного движения // Пер. В. М. Линейкиной. СПб.: Изд. проект «Quadrivium», 2015. 1040 с.

341. Полное собрание сочинений К. Р. Париж: «Военная быль», 1966. 169 с.

342. Пономарев Д. Ю. К вопросу о последователях медицинской школы Авла Корнелия Цельса в Крыму (по палеопатологическим данным) // ПИФК. 2001. Вып. 11. С. 121–127.

343. Пономарев Д. Ю. Крым в первые века нашей эры – контактная зона греческой и римской медицины (по палеопатологическим данным) // Боспор Киммерийский и Понт в античности и средневековье / Ред.-сост. В. Н.Зинько, Е. А. Зинько. Керчь, 2001а. С. 111–115.

344. Прижан П. Образы христианские, образы священные: Об одной историко-богословской проблеме древнего христианства // Revue d'histoire et de philosophie religieuse. 1996. Vol.76. P.179–193.

345. Пругло В. И. К вопросу о дате кургана Большая Близница // СА. 1974. № 3. С. 64–77.

346. Пятышева Н. В. Мраморная статуэтка Гигиейи из Херсонеса (К вопросу о культе богов-врачевателей в Северном Причерноморье) // ВДИ. 1971. № 2. С. 71–77.

347. Радциг С. И. История древнегреческой литературы. М.: Высшая школа, 1982. 482 с.

348. Рабинович Е. Г. Мифотворчество классической древности: Hymni Homerici. Мифологические очерки. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2007. 472 с.

349. Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 383 с.

350. Рассел Б. История западной философии / Подг. В. В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 992 с.

351. Рист Д. М. Сенека и стоическая ортодоксия // Луций Анней Сенека. Философские трактаты. СПб.:Алетейя, 2001. С. 368–385.

352. Робертс Дж. М. Иллюстрированная история мира: в 10 т. Т. 3. Рим и классический Запад. М.: БММ АО, 1999. 192 с.

353. Ростовцев М. И. Сириск – историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. № 4. Отдел классич. фил. С. 151–170.

354. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л.: Ленинградский Гублит, 1925. 621 с.

355. Рубан А. И. «Эпиграфическое чутье» или «исторические соображения»? Об одной несостоявшейся публикации С. А.Жебелева // Tradita non explorata: Исследования по классической филологии и истории антиковедения: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. Л. Верлинский. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 217–222.

356. Русяева А. С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. 1978. № 1. С.87–104.

357. Русяева А. С., Русяева М. В. Ольвия Понтийская: Город счастья и печали. Киев: Стилос, 2004. 228 с.

358. Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев: ИД «Стилос», 2005. 559 с.

359. Русяева А. С. О Присяге граждан Херсонеса Таврического и загадочном слове ΣΑΣΤΕΡ // Боспорские исследования. 2010. Вып XIII. С. 191–213.

360. Сапрыкин С. Ю. Из музыкальной и общественной жизни Херсонеса Таврического в римскую эпоху (К надписи IosPE. I². 365) // ВДИ. 2002. №2. С. 72–84.

361. Сапрыкин С. Ю. Заметки по истории Боспорского царства // Древности Боспора. 2004. № 7. С. 317–331.

362. Сапрыкин С. Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э // ВДИ. 2005. № 2. С. 45–81.

363. Сапрыкин С. Ю. Боспорские фиасы // Боспорские чтения. Вып. X.: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья.

Святилища и сакральные объекты / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2007. С. 369–373.

364. Сапрыкин С. Ю., Парфёнов В. Н. «Бывший император» энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? // ВДИ. 2012. № 1. С. 163–182.

365. Светлов Р. В. Сократ и «Спартанский мираж» // МНЕМОН: Исследования и публикации по истории античного мира. 2011. Вып. 10. С. 363–374.

366. Сидаш Т. Г. О полемике Плутарха со стоиками // Плутарх. Сочинения / Пер. Т. Г. Сидаша. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 302–350.

367. Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб.: Алетейя, 2001а. 304 с.

368. Скржинская М. В. Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. 2002. № 2. С. 133–143.

369. Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев: Ин-т истории Украины НАНУ 2009. 363 с.

370. Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. 464 с.

371. Скржинская М. В. Поэзия в культуре античных государств Северного Причерноморья // МНЕМОН: Исследования и публикации по истории античного мира. 2013. Вып. 12. С. 173–186.

372. Скржинская М. В. Сочинения боспорских и херсонесских историков // МНЕМОН: Исследования и публикации по истории античного мира. 2014. Вып. 14. С. 357–376.

373. Скржинская М.В. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. Киев: Ин-т истории Украины НАНУ, 2014а. 250 с.

374. Скржинская М. В. Награды граждан Ольвиии и Херсонеса // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. Philologia classica et historia antiqua. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. Т. XII. С. 31–48.

375. Скржинская М. В. Интеллектуальные занятия боспорской элиты // Боспорский феномен: Элита Боспора и Боспорская элитарная культура:

Мат-лы междунар. Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.) // Отв. ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ПАЛАЦЦО, 2016. С. 16–20.

376. Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес: Ионическое и дорическое искусство. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1999. 560 с.

377. Соколов Ф. Ф. Третье столетие до Рождества Христова // ЖМНП. 1886. Май. С. 1–16.

378. Соколова О. Ю. Античный город Нимфей // Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. СПб.: Коло, 2010. Т. I. С. 470–485.

379. Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. Вып. 100. 1965. С. 86–96.

380. Соломоник Э. И. Сириск // Греки в истории Крыма. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 237.

381. Соломоник Э. И. Лесханорид // Греки в истории Крыма. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000а. С. 193

382. Соломоник Э. И. Эвклес // Греки в истории Крыма. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000б. С. 275.

383. Солопова М. А. Скептики // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. Т. III: Н – С. М.: Мысль, 2010. С. 511–512.

384. Соломоник Э. И., Антонова И. П. Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. 1974. №1. С. 94–105.

385. Солопова М. А. Бион // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Научно-ред. совет: В.С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. Т. I: А – Д. М.: Мысль, 2010. С. 267.

386. Спиридонов Д. С. Уроженцы северного берега Черного моря в истории древнегреческой мысли // ИТУАК. 1918. № 54. С. 187–233.

387. Стемпковский И. А. Исторические изыскания о жизни и писаниях боспорянина Сфера, философа стоической секты // Московский вестник. М., 1828. №10. С. 203–220.

388. Столяров А. А. Стоя и стоицизм. М.: АО «Ками Групп», 1995. 448 с.

389. Столяров А. А. Сфер // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 721.

390. Столяров А. А. Сфер // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. III: Н – С / Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. С. 683.

391. Столяров А. А. Посидоний // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Научно-ред. совет: В.С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. Т. III: Н – С. М.: Мысль, 2010а. С. 291–292.

392. Столяров А. А. К будущему изданию фрагментов Посидония // Философский журнал. 2011. № 1. С. 31–53.

393. Страшный В. С. Медицина Ольвийского государства // Тез. VII республиканской научной историко-медицинской конференции «Актуальные вопросы истории медицины в УССР». Киев, 1977 URL: http://www.astra-lit.com/svs/svs-7.htm (дата обращения: 25.11.2013)

394. Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. 1969. IV. С. 7–29.

395. Струве В. В. Древнейший историк СССР // Этюды по истории Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Средней Азии. Л.: Наука, 1968. С. 47–200.

396. Суриков И. Е. От переводчика (о поэме Ликофрона Александра) // ВДИ. 2011. № 1. С. 219.

397. Суриков И. Е. Гомер. М.: Молодая гвардия, 2017. 320 с. (Сер. ЖЗЛ. Вып. 1653).

398. Тарн В. Эллинистическая цивилизация / Пер. С. А. Лясковского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1949. 375 с.

399. Тихонов И. Л. «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров»: российские монархи и археология // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2008. Вып. 4. С. 151–161.

400. Толстиков В. П. Храм Аполлона в Пантикапее. Проблемы датировки, типологии и периодизации // ПИФК. 2010. № 27. С. 277–315.

401. Толстиков В. П. Новые материалы к локализации древнейшего теменоса Пантикапея // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик и др. – СПб.: Нестор-История, 2013. С. 18–20.

402. Толстиков В. П., Муратова М. Б. К проблеме пространственного развития пантикапейской апойкии в первой половине VI – первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 2013. № 1. С. 176–193.

403. Толстой И. И. Академик Сергей Александрович Жебелев в развитии русской историографии по античности // ВДИ. 1940. №1. С. 162–168.

404. Торшилов Д. О. Античная мифография: Мифы и единство действия. СПб.: Алетейя, 1999. 427 с.

405. Тохтасьев С. Р. К чтению и интерпретации посвятительной надписи Левкона I с Семибратнего городища // Hyperboreus. Vol. 4. 1998. С. 286–301.

406. Трейстер М. Ю. Бронзовая статуэтка из Фанагории // Фанагория: Результаты археологических исследований / Под общ. ред. В. Д. Кузнецова. – М.: Институт археологии РАН, 2016. Т. 1. С. 403–414.

407. Тронский И. М. История античной литературы. М.: Учпедгиз, 1946. 496 с.

408. Тронский И. М. История античной литературы. М.: Высшая школа, 1988. 483 с.

409. Туровский Е. Я. О датировке херсонесского декрета в честь Сириска, сына Гераклида // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского: История, исторические науки. Симферополь, 2016. Т. 2 (68). №1. С. 249– 259.

410. Тюменев А. И. Херсонесские этюды. IV // ВДИ. 1950. № 2. С. 48–56.

411. Утченко С. Л. Цицерон и его время. М.: Мысль, 1972. 389 с.

412. Фарай К. Надписи. М.: Русский Гулливер, 2014. 80 с.

413. Федосеев Н.Ф. Театр в Пантикапее // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 76–77.

414. Финогенова С.И. Античные медицинские инструменты // СА. 1967. № 1. С. 147–161.

415. Фролов Э.Д. Парадоксы истории – парадоксы Античности: очерки. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. 420 с.

416. Фролов Э. Д. Гонорар историка в Античной Греции // МНЕМОН: Исследования и публикации по истории античного мира. 2005. Вып. 4. С. 180–181.

417. Фролов Э. Д. История и историк в античном мире // Античный мир и археология. Вып. 12. Саратов: Изд-во СГУ, 2006. С. 1–14.

418. Фролова Н. А. Монетное дело Фофорса (285–308 гг.) // СА. 1984. №. 2. С. 46–52.

419. Фурманская А. И. Античный город Тира // Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 40–50.

420. Хазагеров Г. Г. Топос vs концепт: к изучению топосферы культуры // Известия ЮФУ: Филологические науки. 2008. №3. С. 6–26.

421. Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности: 337 портретов в слове и образе / Пер. В. А. Сеферьянц. М.: Прогресс, 1984. 314 с.

422. Харалдина З. Е., Новичихин А. М. Античные коллекции Анапского музея // Горгиппийский сборник / Анапский археологический музей. Анапа: ООО «Донской издательский дом», 2000. С. 60–75.

423. Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество: Труды конференции по изучению античности. М.: 1967. С. 204–207.

424. Херсонес Таврический в I в. до н.э. – VI в. н. э.: Очерки истории и культуры / Отв. ред. В. М. Зубарь, С. Д. Крыжицкий, Л. В. Марченко и др. Харьков: Майдан, 2004. 732 с.

425. Ходза Е. Н. Статуэтки актеров древней и средней комедии в собрании Эрмитажа // ВДИ. 2001. N 1. С. 206–213.

426. Хомчик М. А. Античные хирургические инструменты из Ольвии // Восточноевропейский археологический журнал. Киев, 2000. №2. URL:

http://www.olbio.org/2000/04/01/m-a-homchik-antichnye-hirurgicheskie-instrumenty-iz-olvii.html (дата обращения: 25.11.2013)

427. Цветаева Г. А. Боспор и Рим. М.: Наука, 1979. 136 с.

428. Целлер Э. Очерк истории греческой философии / Пер. С. Л. Франка. СПб.: Алетейя, 1996. 294 с.

429. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней и средневековой философии: Уч. пос. для вузов. М.: Высшая школа, 1991. 512 с.

430. Чернышов Ю. Г. К вопросу о «спартанском тоталитаризме» // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. С. 3–15.

431. Чистякова Н. А., Вулих Н. В. История античной литературы. М.: Высшая школа, 1971. 452 с.

432. Черный А. А. Ключевые источники и их роль в зарождении славянской философской мысли до Киевской Руси // Инновации в науке. 2013. №19. С.105–113.

433. Шавырина Т. Г., Ворошилова О. М. Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 г.) // Фанагория: Результаты археологических исследований / Под общ. ред. В.Д. Кузнецова. М.: Институт археологии РАН. Т. 1. 2013. С. 415–481.

434. Шамбаров В. Е. Русь: Дорога из глубин тысячелетий: Когда оживают легенды. М.: Алетейя, 1999. URL: http://xwap.me/books/8830/Rus-Doroga-iz-glubin-tysyacheletiy-Kogda-ozhivayut-legendy.html?p=60 (дата обращения: 18.06.2016)

435. Шангин М. А. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. № 3. С. 72–87.

436. Шауб И. Ю. Культ Диониса и свинцовые вотивы из Ольвии // Археологические вести. М.: Наука, 2008. №15. С. 112–117.

437. Шевченко О. К. Системная реконструкция политики и творчества Сфера Боспорского: опыт изучения пространства текста автора как свернутого

состояния его политической биографии // Пространство и Время. 2016. № 3–4 (25–26). С. 175–187.

438. Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 195 с.

439. Шелов Д. Б. Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. 1986. № 1. С. 36–42.

440. Шелов-Коведяев Ф.В. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3. С. 49–62.

441. Шкорпил В. В. Из архива Керченского музея древностей // ИТУАК. 1908. Т. 42. С. 56–72.

442. Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1913 году (с 3 рис. и 14 снимками) // ИИАК. 1914. № 54. С. 65–82.

443. Шкорпил В. В., Ростовцев М. И. Эпиграмма из Эль-Тегеня (с 3 снимками) // ИИАК. 1910. Т. 37. С. 14–22.

444. Штаерман Е. М. Античная эпиграфика в СССР // ВДИ. 1947. № 3. С. 51–67.

445. Шталь И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. М.: Наука, 1983. 295 с.

446. Юренева Т. Ю. Коллекции и коллекционеры античного мира // ВИ. 2002. № 9. С. 135–141.

447. Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. С. 75–116.

448. Яйленко В. П. Греческая колонизация. VII –III вв. до н. э. М.: Наука, 1982. 312 с.

449. Яйленко В. П. Уроженцы Ольвии в духовной жизни Греции: философ Бион, поэт Дионисий, историк Посидоний // Тез. докл. Крымской науч. конф. «Проблемы античной культуры». Ч. 3. Симферополь, 1988. С. 276–277.

450. Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 250–309.

451. Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире: Сб. статей. М.: Наука, 1995. С. 204–272.

452. Яйленко В. П. Человек в античной Ольвии: Очерки социальной истории Ольвии // Человек и общество в античном мире / Ред. Л. П. Маринович. М.: Наука, 1998. С. 90–129.

453. Яйленко В. П. Вотив Левкона I из Лабриса // Древности Боспора. М.: Изд-во ИА РАН, 2004. Т. 7. С. 425–445.

454. Ярхо В.Н. Эллинистическая мелика как фактор античной культуры // Античность как тип культуры / А. Ф. Лосев, Н. А. Чистякова, Т. Ю. Бородай и др. М.: Наука, 1988. С. 181–198.

455. Ярхо В. Н. Пять веков древнегреческой поэзии // Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э: Эпос, элегия, ямбы, мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: НИЦ «Ладомир», 1999. С. 5–26.

456. Ярцев С. В. Античный мир и варвары Северного Причерноморья в первых сюжетах «Повествования о крепости Херсон» Константина Багрянородного // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. 2010. № 19 (90). Вып. 16. С. 20–28.

457. Ярцев С. В. Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций (3-я четверть I в. до н. э. – 3-я четверть IV в. н. э.) // Дис. … докт. ист. наук. Белгород, 2016. 669 с.

458. Antikythera Philosopher // Athens, National Archaeological Museum. URL:http://www.perseus.tufts.edu/hopper/artifact?name=Antikythera+Philosopher&object=Sculpture (дата обращения: 05.04.2017)

459. Arnim H. v. Bion der Borysthenite // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. H. 5: Barbaras bis Campanus. Stuttgart, 1897. S. 483–485.

460. Africa T. Stoics, Cynics, and the Spartan Revolution // International Review of Social History. 1959. 4 (3). P. 461–469.

461. Benedum C. Asklepios: Der homerische Arzt und der Gott von Epidauros // Rheinisches Museum für Philologie. 1990. 133. P. 210–226.

462. Bremer J. M. Zeus Lightning in early Greek myth and in Kleanthes' hymn // Roczniki Humanistyczne. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II Wydział Nauk Humanistycznych, 2006–2007. T. 54–55. Z. 3. P. 21–36.

463. Baldwin Ch. N. Bion // A universal biographical dictionary containing the lives of the most celebrated characters of every age and nation. Hartford: S. Andrus and Son, 1828. P. 71.

464. Bion // Pierer's Universal-Lexikon der Vergangenheit und Gegenwart oder Neuestes encyclopädisches Wörterbuch der Wissenschaften, Künste und Gewerbe. Bd. 2. Altenburg: Verlagsbuchhandlung von H. A. Pierer, 1857. S. 803.

465. Bion // A Dictionary of Greek and Roman biography and mythology / Ed. by W. Smith. Vol.1. Boston: Little, Brown and co., 1867. P. 489.

466. Bion // Brockhaus' Conversations-Lexikon. Bd. 3. Leipzig: F. A. Brockhaus. 1882. S. 70.

467. Bion // A new dictionary of Greek and Roman biography and mythology / Ed. by W. Smith. New York: Harper & Brothers, 1884. P. 143.

468. Bion // Meyers–Großes Konversations-Lexikon. Bd. 2. Leipzig; Wien: Bibliographisches Institut, 1905. S. 889–890.

469. Burns A. Diatribe and Plutarch's practical ethics // A thesis…for the PhD. Iowa: The University of Iowa, 2015. 119 p.

470. Carter J. C. The Gravestones of Chersonesos. İstanbul: Ege Yayinlari, 2006. 91 p.

471. Curtius E. R. European literature and the Latin Middle Ages. New York: Bollingen Foundation Inc., 1953. 658p.

472. Daszewski W. A., Michaelides D. Guide to the Paphos mosaics. Nicosia, Cyprus: Bank of Cyprus Cultural Foundation, 1988. 73 p.

473. Desmond W. D. Cynics. London; New York: Routledge, 2008. 290 p.

474. Did You Know? A mysterious mechanism was discovered off Greece // Underwater Cultural Heritage. URL:

http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/underwater-cultural-heritage/the-heritage/did-you-know/antikythera/ (дата обращения: 05.04.2017)

475. Elworthy F. T. The Evil Eye: An Account of this Ancient and Widespread Superstition. London: J. Murray, 1895. 438 p.
476. Fantuzzi M. Sung Poetry: The Case of Iscripted Peans // A Companion to Hellenistic Literature / Ed. by J. J. Clauss, M. Cuypers. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010. P. 181–196.
477. Frangeskou V. The Hymns of Gregory of Nazianzus and their Place in the History of Greek and Early Christian Hymnography // A thesis…for the PhD. The University of Leeds School of Classics, 1984. 363 p.
478. Hopkinson N. A Hellenistic Anthology. Cambridge: The University Press, 1988. 304p.
479. Isyllus // The Encyclopaedia Britannica: a dictionary of arts, sciences, literature and general information. 11 ed. Vol. XIV: Husband to Italic. Cambrige: The Univercity Press, 1914. P. 887.
480. Kinstrandt J. F. Introduction // Bion of Borysthenes: A Collection of the Fragments with Introduction and Commentary. Uppsala: Distributed by Almqvist & Wiksell International, 1976. P. 3–97.
481. Konstantakos L. On Cleomenes and Sphaerus: How Stoic was the Spartan King? // Anais de filosofia clássica. 2013. Vol. 7. №14. P. 74–81.
482. Kurke L. The strangeness of “song culture”: Archaic Greek poetry // Literature in the Greek World. Oxford: The Oxford University Press, 2001. P. 40–69.
483. Mahaffy J. P. A history of Egypt under the Ptolemaic dynasty. London: Methuen & Co, 1899. 261 p.
484. Marchant J. In search of lost time // Nature. 2006. № 444 (7119). P. 534–538.
485. Mathiesen T. J. Apollo's Lyre: Greek Music and Music Theory in Antiquity and the Middle Ages. London: U. of Nebraska Press, 1999. 806 p.
486. Michell H. Sparta. Cambridge: Cambridge University Press, 1964. 384 p.
487. Navia L. E. Classical Cynicism: A Critical Study. Westport: Greenwood Publishing Group, 1996. 240 p.

488. Nadel B. Literary tradition and epigraphical evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom of Emperor Diocletian Reconsidered // DHA. 1977. № 33. P. 87–114.

489. Ollier F. Le philosophe stoïcien Sphairos et l'œuvre réformatrice des rois de Sparte Agis IV et Cleomène III // Revue des Études Grecques Année. 1936. Vol. 49. Num. 233. P. 536–570.

490. Portrait head of a bronze statue of a philosopher from the Antikythera shipwreck (X 13400) // The National Archaeological Museum of Athens. Sculpture Collection: Hellenistic Period. URL: http://www.namuseum.gr/collections/sculpture/hellenistic/hellenistic07-en.html (дата обращения: 05.04.2017)

491. Posamentir R. Chersonesan Studies 1: The Polychrome Grave Stelai from the Early Hellenistic Necropolis. Austin: University of Texas Press, 2012. 510 p.

492. Schmitz H. Die Isyllos-inschrift von Epidauros (IG IV I², 128). 6 p. URL: http://www.outis.info/Isyllos.pdf (дата обращения: 16.05.2017)

493. Schultz P., Wickkiser B. Communicating with the Gods in Ancient Greece: The Design and Functions of the ‘Thymele’ at Epidauros // The international journal of technology, knowledge and society. Champaign: Common Ground, 2000. P. 143–164.

494. Sheppard A. Why Inscribe? Isyllos of Epidauros and the Function of Inscribed Hymns // 144th Abstracts of APA Annual Meeting. January 3–6, 2013. Washington State Convention Center Seattle, WA. P. 227–228.

495. Shantraiine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque histoire des mots. Paris: Éd. Klincksieck. T. I: A–Δ. 1968; T. II.: E–K. 1970; T. III: Λ–Π. 1974; T. IV–1: P–Y. 1977; T. IV–2: Φ–Ω. 1980. 1368 p.

496. Slater W. J. Lexicon to Pindar. Berlin: De Gruyter, 1969. 563 p.

497. Smith R. R. R. Kings and Philosophers // Images and Ideologies: Self-definition in the Hellenistic World. / Ed. by A. W. Bulloch, E. S. Gruen, A. A. Long, A. Stewart. Berkeley: University of California Press, 1994. P. 203–212.

498. Solin H. Inschriftliche Wunderheilungsberichte aus Epidauros // Zeitschrift für Antikes Christentum. Berlin: De Gruyter. 2013. 17(1). P. 7–50.

499. Susemihl F. Geschichte der griechischen litteratur in der Alexandrinerzeit. Vol. 1. Leipzig: B. G. Teubner, 1891. 906 p.

500. Tarn W. Antigonos Gonatas. Oxford: Clarendon, 1913. 501 p.

501. Twardecki A. Whether orphic nor philosopher but mysterious // Боспорские чтения. Вып. VIII: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2007. С. 361–368.

502. Twardecki A. Poetic epitaph for Glyrarion son of Glyrarion, son of Glyrarion (KL 439) // Боспорские чтения. Вып. X.: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2007б. С. 540–546.

503. Twardecki A. Priest and Poet? (CIRB 118) // Боспорские чтения. – Вып. XI: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2010. P. 519–525.

504. Twardecki A. Greek metric inscription about fountain construction (KL 1279 = CIRB 913) // Боспорские чтения. Вып. XIII Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации / Ред.-сост. Зинько В. Н. Керчь, 2012. С. 501–507.

505. Twardecki A. Poezja Królestwa Bosporańskiego a proces akulturacji jego elit // Świat starożytny. Państwo i społeczeństwo / Red. R. Kulesza, M. Stępień, E. Szabat, M. Daszuta. Warszawa 2013. S. 131–145.

506. Wegner M. Die Musensarkophage. Berlin, 1966. URL: http://arachne.uni-koeln.de/browser/index.php?view[layout]=sarkophag (дата обращения: 01.02.2018)

507. Wilamowitz-Moellendorff U. von. Isyllos von Epidauros. Berlin, 1886. 201 s.

508. Zanker P. The Hellenistic Grave Stelai from Smyrna: Identity and Self-image in the Polis // Images and Ideologies: Self-definition in the Hellenistic World. / Ed.

by A. W. Bulloch, E. S. Gruen, A.A. Long, A. Stewart. Berkeley: University of California Press, 1993. P. 213–231.

509. Zanker P. The Mask of Socrates: The Image of the Intellectual in Antiquity. Berkeley: University of California Press, 1995. 426 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и средние века

АГСП – Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР. Т. 9)

Анткин – Антология кинизма

ВДИ – Вестник древней истории

ВИ – Вопросы истории

ДАН – Доклады академии наук

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ЗООИД – Записки Одесского Общества истории и древностей

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры

ИИАК – Известия Императорской Археологической Комиссии

ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры

ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии

ИТУАК – Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии

КБН – Корпус боспорских надписей

КЛХ – Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МАИСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МАР – Материалы по археологии России

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НЭПХ – Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса Таврического

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры

СА – Советская археология

СХМ – Сообщения Херсонесского музея

ХСб – Херсонесский сборник

DHA – Dialogues d'histoire ancienne

IG. IV - Inscriptiones Graecae. Vol. IV: Inscriptiones Argolidis

IosPE. I² - Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, ed. Basilius Latyshev

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I. Изображения интеллектуалов в мемориальной скульптуре античных городов Северного Причерноморья

Таблица 1. Херсонес. Рельефы с задрапированными фигурами, держащими свитки в руках

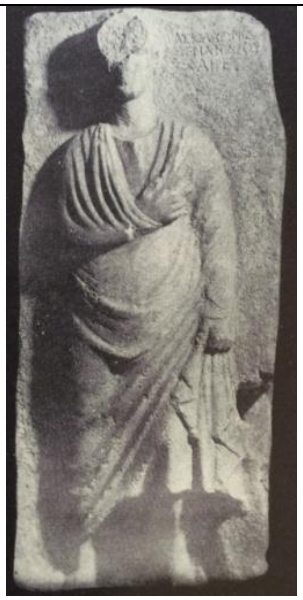
№	Инв. №, место хранения	Надпись	Дата	Изображение
1	3674, ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (фото автора).	–	I в. н. э.	
2	15400, ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (фото автора).	–	I в. н. э.	

3	3669, ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (фото автора).	Жена тавричанка.	I в. н. э.	
4	X. 1793.1, Государственный Эрмитаж (по: Древние надписи Северного Причерноморья. URL: http://iospe.kcl.ac.uk/3.362-ru.html дата обращения: 28.09.2017).	Теаген, сын Хрестиона, и жена его Ульпия Макария, лет 65 и 52. Прощай.	I–II вв. н. э.	
5	223/36679, ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (по: АСХ, 1976, № 349).	Афиней, сын Аполлонида, прощай.	II в. н. э.	

6	35264, ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (по: Каменный архив Херсонеса. URL: http://lapidarium.chersonesos.org/ru/inscriptions/greek_epitaphs/ дата обращения: 28.09.2017)	Горе мне, по злому року получившему в удел горькие дни Мойр, которого пагуба против воли принудила погибнуть в пучине блестящих вод. Там под волной скошена моя жизнь. Басс, сын Патериона, 33 лет.	III в. н. э.	
7	4284, ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (фото автора).	–	IV в. н. э.	

Таблица 2. Херсонес. Рельефы с фигурами в гиматиях в ораторской позе

№	Инв. №, место хранения	Надпись	Дата	Изображение
1	4550, ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (по: АСХ, 1976, № 304).	–	I в. до н. э.	

2	4552, ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (по: АСХ, 1976, № 305).	–	I в. до н. э.	
3	3670, ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (по: АСХ, 1976, № 134).	Аполлонид, сын Менандра, прощай.	Римское время	
4	3630, ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (фото автора).	Север, сын Лиллона, он же Лиллис, живший 37 лет.	Кон. II – нач. III в. н. э.	

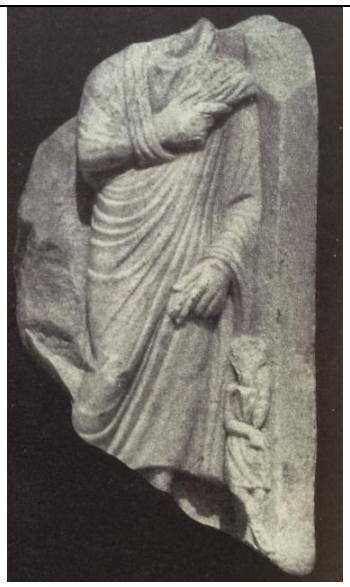
5	16109, ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"» (по: АСХ, 1976, № 306).	–	Не определено	

Таблица 3. Боспор. Надгробия, содержащие эпитафии с текстом об интеллектуальных занятиях умершего

№	Инв. №, место хранения	Надпись	Дата	Изображение
1.	Памятник не сохранился.	Это памятник Смикра, который велик был внушаемым к себе доверием и у которого справедливость внедрена была в уме природою от рождения. Его воспитали Музы, а он учил на распутьях дорог и дал согражданам наилучший образ мысли (КБН 118).	IV–III вв. до н. э.	Не сохранилось
2.	П. 1860.39, Государственный Эрмитаж (по: КБН-альбом, 2004, Т. I, № 121).	Фарнак, сын Фарнака, прощай. Взгляни, странник, на памятник Фарнака, которого сломил тяжкий Аид, уловив в свои сети несчастного юношу, по профессии учителя гимнастики, возрастом молодого, ушедшего по своей доблести из родной Синопы на запад. Урну его скрывает Боспорская земля, и на глазах у всех гимнасий оплакивает его немыми слезами. Хематион, приемный отец его, превзошел в любви природного отца, поставив на могиле каменный памятник (КБН 129).	I в. до н. э.	

3.	КЛ–438, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (фото автора).	Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, познав сам священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты сам скорее избежал круга мучительных страданий (КБН 121).	2-я. пол. I в. до н. э.	Сохранилась только нижняя часть рельефа. Судя расположению ступней хозяина и слуги, рельеф принадлежит к тому же типу, что и рельеф на стеле Фарнака, сына Фарнака
4.	КЛ–141, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Камен. лет. Боспора, 2016, № 90.).	Стратоник, сын Зенона, прощай. Хранивший разумность и славные нравы, погиб ты, Стратоник, оставив слезы печальному отцу. Божественный друг, причисленный к прежним великим людям, твою прелестную мудрость узнают из книг бесчисленные века. Стратонику, сыну Зенона, своему господину, воздвиг стелу Сосий, вольноотпущенник, памяти ради (КБН 145).	Кон. I – II в. н. э.	
5.	Памятник не сохранился.	Саббион, сын Стефана, прощай. Несчастный, тебя поразил удар судьбы, и погибло все доблестное, что было в тебе: добрый нрав, ум	II в. н. э.	Надгробие не сохранилось; по описанию Ю. Ю. Марти, рельеф изображал

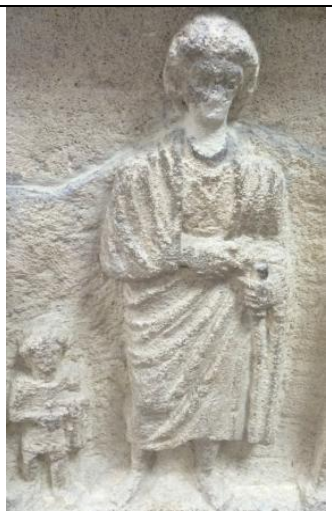
		расцвет – и это причина наших терзаний. Музы, прежде услаждавшие тебя среди нас, теперь плачут, над тобой, несчастный. Ты стал предметом скорби для матери и печали для отца. Словно ветка дерева, ты теперь был сломлен и ушел в Аид. Но да будет легок тебе всякий камень, если при жизни ты был так ласков со всеми (КБН 146).		стоящего мужчину в плаще, с короткой бородкой и со свитком, рядом – слуга [Марти 1941, № 7].
6.	ХЕМ–а–5816, Херсонский областной краеведческий музей (по: КБН-альбом, 2004, Т. I, № 655).	Авл Ситесий, эмпирик, прощай. (КБН 655).	II в. н. э.	

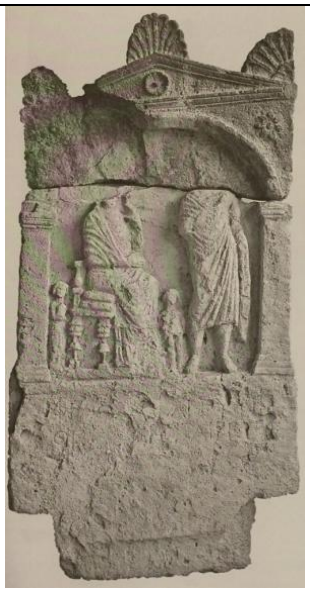
Таблица 4. Боспор. Надгробия с задрапированными фигурами со свитками в руках

№	Инв. №, место хранения	Надпись	Дата	Изображение

1	КЛ–141, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Камен. лет. Боспора, 2016, № 90).	Стратоник, сын Зенона, прощай. Хранивший разумность и славные нравы, погиб ты, Стратоник, оставив слезы печальному отцу. Божественный друг, причисленный к прежним великим людям, твою прелестную мудрость узнают из книг бесчисленные века. Стратонику, сыну Зенона, своему господину, воздвиг стелу Сосий, вольноотпущенник, памяти ради (КБН 145)	Кон. I – 2-я. пол. II в. н. э.	
2	П. 1850. 25 (мужская статуя), П. 1850. 26 (женская статуя), Государственный Эрмитаж (по: Государственный Эрмитаж. URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/25.+archaeological+artifacts/16527 дата обращения: 28.09.2017).	–	I в. н. э.	

3	КЛ–219+691, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 49 a-b).	Психарион, сын Гигиенонта, прощай.	Кон. I – 2-я пол. II в. н. э.	
4	КЛ–317, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: КБН-альбом, 2004, № 620).	Маей, сын Аноптения, прощай.	I в. н. э.	

5	КЛ–193, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 40).	Аполлоний, сын Гастия, прощай.	I в. н. э.	
6	КЛ–470. Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр, 2009, № 27).	Сорак, воспитанник Сеуфа. Прощай.	I в. н. э.	
7	КЛ–419+673, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (фото автора).	Эрот, сын Панэрота, прощай.	I–II вв. н. э.	

8	КЛ–222, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 28).	–	I–II вв. н. э.	
9	КЛ–409, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 25).	Ахилл, сын Пофа, прощай.	I в. н. э.	
10	КЛ–279+489, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 175).	Филот и жена Феоника, прощайте.	I в. н. э.	

11	ХЕМ–а–5816, Херсонский областной краеведческий музей (по: КБН-альбом, 2004, № 655).	Авл Ситесий, эмпирик, прощай.	II в. н. э.	
12	КМ–8365/722, Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	–	IV в. до н. э. – I в. н. э.	
13	КМ–8365/1273, Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	–	Конец I в. до н. э.	

14	КМ–8365/722, Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	–	I–III вв. н. э.	
15	КМ–8365/1730, Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	–	I–III вв. н. э.	
16	КМ–8365/2523, Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	–	I–II вв. н. э.	

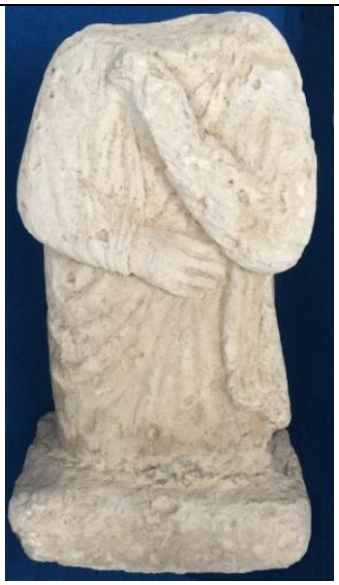
17	КМ–8365/3551, Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	–	I–III вв. н. э.	
18	КМ–10580/6, Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	–	I–II вв. н. э.	
19	КМ–10580/7, Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	–	IV–II вв. до н. э.	

20	КМ–13494, Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	–	IV в. до н. э. – III в. н. э.	
21	КМ–8365/107, Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	–	I–II вв. н. э.	
22	Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	–	–	

23	Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	Гликарион, сын Пофиска, прощай.	I в. н. э.	

Таблица 5. Боспор. Надгробия с задрапированными фигурами в ораторской позе

№	Инв. №, место хранения	Надпись	Дата	Изображение
1	КЛ–69, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Ант. скульптура: из собр. КИАМЗ, 2004, № 56).	–	III в. до н. э.	

2	КЛ–469, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Ант. скульптура: из собр. КИАМЗ, 2004, № 57).	–	III–II вв. до н. э.	
3	КЛ–63, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (фото автора).	–	I в. до н. э.	
4	КЛ–62, Лапидарий ГБУК «Восточно–Крымский историко–культурный музей–заповедник» (фото автора).	Сарапион, сын Аполлонида, прощай.	I в. н. э.	

6	КЛ–773, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Ант. скульптура: из собр. КИАМЗ, 2004, № 61).	–	Первые вв. н. э.	
7	КЛ–584, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (фото автора).	–	I–II вв. н. э.	
8	КЛ–67, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Ант. скульптура: из собр. КИАМЗ, 2004, № 64).	–	I–II вв. н. э.	

9	ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (по: Ант насл. Кубани, Т. 3., 2010., с. 123., рис. 39)	–	–	
10	П. 1895.3–4, Государственный Эрмитаж (по: КБН-альбом, 2004, № 119).	Аполлоний, сын Аполлония, прощай. Ты неоплаканным сошел к Аиду, испустив ветрам дух под вражеской рукой, а твоя супруга стонет в слезах, восприяв нежданную скорбь. Погибла твоя красота, угасла прелесть, улетел разум, все полно горя: в твоем лице сломлен единственный канон доблести. Но если веретено Мойр и завертело тебя, наткнувшегося на страшное варварское копье, то ныне тебя примет не мрачный дом (Аида), а обители героев: ибо тебе, Аполлоний, и прежде была положена почетная слава, и теперь, после смерти, воздается всяческая честь (КБН 119).	I в. до н. э.	

11	КП–12537, КРУ Центральный музей Тавриды (фото автора).	Масфион, жена Родокла, прощай.	I в. до н. э. или нач. I в. н. э.	
12	50 055, Одесский археологический музей НАН Украины (по: КБН-альбом, 2004, № 377).	Гастий, сын Мойрагена, прощай.	I в. н. э.	
13	КЛ–820, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: КБН-альбом, 2004, № 386).	Стела Диогена…	I в. н. э.	

14	GR 1856. 7–10.2, Британский музей (по: The British Museum: Collection online. URL: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=394218&partId=1&searchText=kerch&images=true&page=2 дата обращения: 28.09.2017).	Дионисий, сын Ламаха, прощай.	I в. н. э.	
15	1856,0710.20, Британский музей (по: The British Museum: Collection online. URL: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=394972&partId=1&searchText=kerch&images=true&page=1 дата обращения: 28.09.2017)	–	Сер. I в. до н. э.	
16	П. 1851. 5, Государственный Эрмитаж (по: КБН-альбом, 2004, № 399).	Гермес, сын Гермия, прощай.	I в. н. э.	

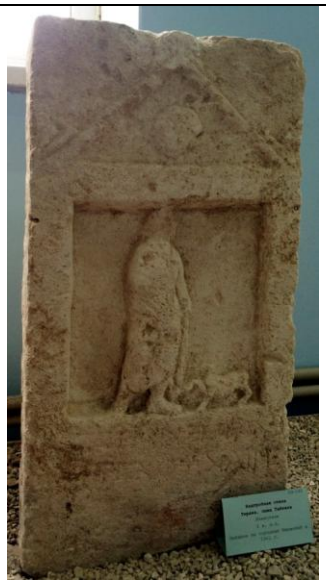
17	ПАН–142, Государственный Эрмитаж (КБН-альбом, 2004, № 497).	Посидоний, сын Посидония, прощай.	I в. н. э.	
18	Государственный исторический музей (по: КБН-альбом, 2004, № 508).	...жена Диомеда и Диоклит, прощайте.	I в. н. э.	
19	ХЕМ–а–5808, Херсонский областной краеведческий музей (по: КБН-альбом, 2004, № 525).	Фанн, сын Фанна и жена Ма, прощайте.	I в. н. э.	

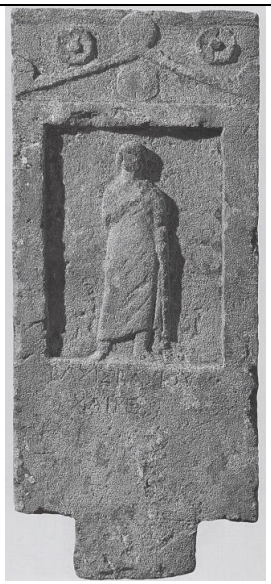
20	ХЕМ–а–5814, Херсонский областной краеведческий музей (по: КБН-альбом, 2004, № 604).	Не читается полностью (КБН 604).	I–II вв. н. э.	
21	5710[23], Б–1776, Государственный исторический музей (по: КБН-альбом, 2004, № 643).	Хемата, жена Эвхариона, прощай.	I–II вв. н. э.	
22	КЛ–329, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (фото автора).	–	I–II вв. н. э.	

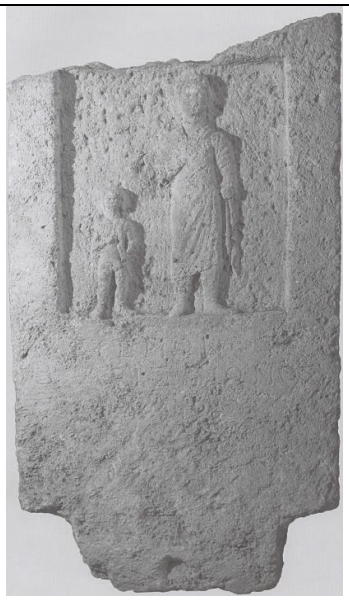
23	18847[4], Б–1179, Государственный исторический музей (по: КБН-альбом, 2004, № 275).	Эрот, сын Тиллея, прощай.	Кон. I в. до н. э.	
24	ТГ–20, Государственный Эрмитаж (по: КБН-альбом, 2004, № 961).	Эрот, сын Кинолиса.	Первые вв. н. э.	
25	5712, Б–1776, Государственный исторический музей (по: КБН-альбом, 2004, № 286).	Пап, сын Филокла, прощай.	I в. до н. э.	

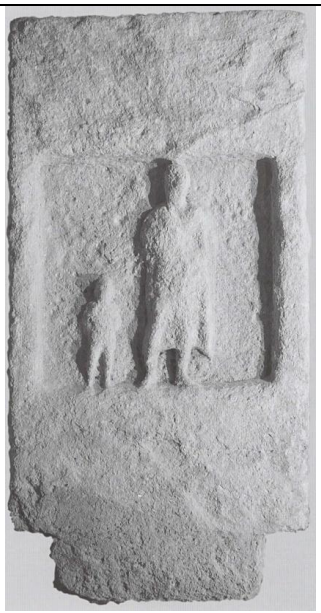
26	КЛ 403+1328, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 39 a-b).	Пасикрат, сын Пасикрата.	I в. до н. э.	
27	КЛ–495, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (фото автора).	–	I в. н. э.	
28	КЛ–394, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (фото автора).	Басилид, сын Мения, прощай.	I в. н. э.	

29	КЛ–405, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (фото автора).	Порфиена и Клеон, прощайте.	II в. н. э.	
30	ПАН.146, Государственный Эрмитаж (по: КБН-альбом, 2004, № 661).	Басилид, сын Хондина, и дочь Макария, прощайте.	II в. н. э.	
31	КЛ–398, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (фото автора).	Лисандр, сын Десха, прощай.	I в. н. э.	

32	КЛ–214, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (фото автора).	Феофилиск, сын Феофила, прощай.	Кон. I – II в. н. э.	
33	КЛ–211, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (фото автора).	–	Первые вв. н. э.	
34	КЛ–191, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (фото автора).	Тиран, сын Тауриска, прощай.	I в. н. э.	

35	КЛ–494, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 26).	Бакхий, сын Бакхия, прощай.	I в. н. э.	
36	КЛ–460–1361, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 29).	Патий, сын Хрестуса, прощай.	Кон. I – II в. н. э.	
37	КЛ–454, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 33).	–	Первые вв. н. э.	

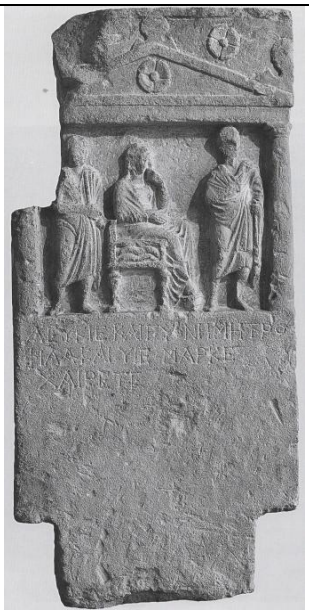
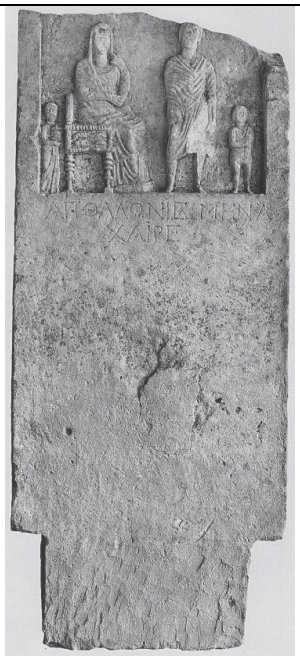
38	КЛ–207, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 41).	Эсхин, сын Антиоха, прощай.	I в. н. э.	
39	КЛ–386, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 43).	Гесих, сын Акки, прощай.	Кон. I – нач. II в. н. э.	
40	КЛ–427+625, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 44).	Артемон, сын Аристиона, прощай.	I в. н. э.	

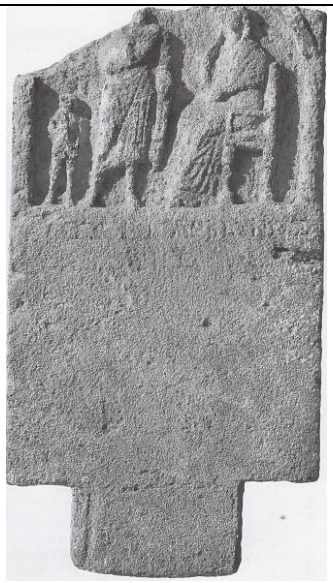
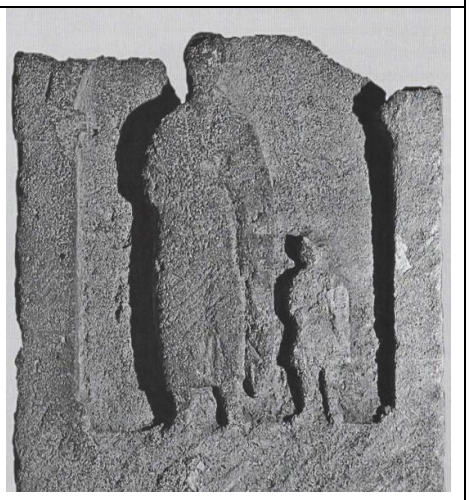
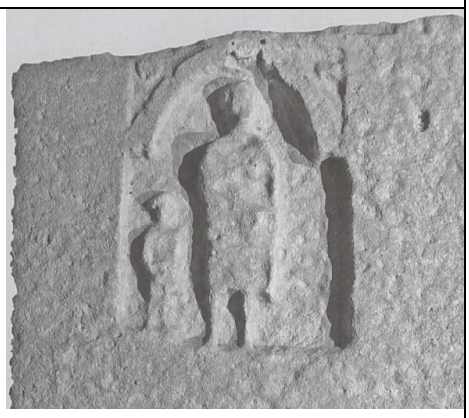
41	КЛ–137, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Босп. надгр., 2009, № 45).	–	Первые вв. н. э.	
42	КЛ–2331, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 53).	–	II в. н. э.	
43	КЛ–250, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 56).	–	I в. н. э.	

44	КЛ–288, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 62).	–	I в. н. э.	
45	КЛ–1761, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 67).	Зауда и сын Диодор, прощайте.	I–II в. н. э.	
46	КЛ–1122, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 76).	Евгения, жена Менемаха, прощай.	I – нач. II в. н. э.	

47	КЛ–1540, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 78).	Стратон, (сын) Дамаса, прощай.	II в. н. э.	
48	КЛ–278–490, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 118).	Поф и сын Гелен, прощайте.	I в. н. э.	
49	КЛ–410, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 134).	Агафус и жена Никареон, и сыновья Агафус и Филокл, прощайте.	I в. н. э.	

50	КЛ–184, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 135).	Фарнак, сын Гоплона, и жена Метрофила, и дочь Парфена, и сыновья Фарнак и Гипсигон, прощайте.	I в. н. э.	
51	КЛ–310, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 166).	Агафон и жена Аполлония, отец и мать Горгия из рода Ахемена, прощайте.	I в. н. э.	
52	КЛ – 428+841, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 167).	Демохарис, дочь Родона, прощай.	II в. н. э.	

53	КЛ–327, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 168).	Мастарус, сын Мастуса, прощай.	I – II вв. н. э.	
54	КЛ–153, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 169).	Левкий и жена Метрофила, и сын Марк, прощайте.	I в. н. э.	
55	КЛ–151, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 174).	Аполлоний, сын Мены, прощай.	I – нач. II в. н. э.	

56	КЛ–412, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 183).	Феофил, сын Биона, прощай.	I в. н. э.	
57	КЛ–1532, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 54).	–	Первые вв. н. э.	
58	КЛ–190, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 46).	Колия, жена Дионисия, и сын Дионисий, Никоксения, дочь Ямвлиха и Маст, сын Ямвлиха, прощайте.	II в. н. э.	

59	33, Государственный музей Грузии им. Симона Джанашия (по: КБН-альбом, 2004, № 1196).	Пантакл, сын Гадикия, прощай.	I в. н. э.	
60	АМ–1023[А320], Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	Гепатион, сын Патера, прощай.	I – нач. II в. н. э.	
61	КМ–8365/453, Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	–	I–II в. н. э.	

62	КМ–8365/221, Анапский Археологический музей-филиал ГБУК КК «Краснодарский Государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (фото автора).	–	Кон. I в. до н. э.	
63	50 056, Одесский археологический музей НАН Украины (по: КБН-альбом, 2004, № 623).	Маей, сын Маея, прощай.	II в. н. э.	
64	КЛ – 129, Лапидарий ГБУК «Восточно–Крымский историко–культурный музей–заповедник» (по: КБН-альбом, 2004, № 499).	Промеф, сын Агафа, и брат Агафа Промеф, прощайте.	I в. н. э.	

65	КЛ – 476, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (фото автора).	Дионисий, сын Никандра, прощай. Аристид, сын Дионисия, прощай.	II в. н. э.	
67	КЛ – 132, Лапидарий ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (по: Босп. надгр., 2009, № 132).	Архелай и Фавн отцу Архелаю, прощай.	II–I вв. н. э.	

Таблица 6. Статуя тогата из Харакса

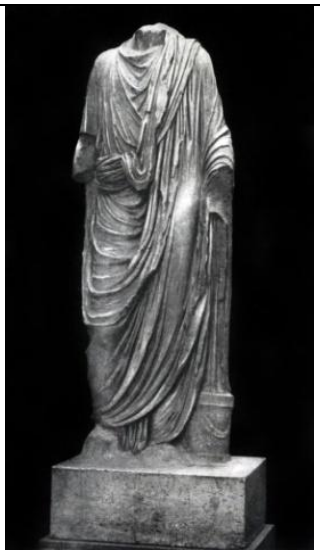
№	Инв. №, место хранения	Надпись	Дата	Изображение
1	124 ГМИИ им. А. С. Пушкина (по: Всеобщ. ист. искусств., 1956, Т. 1, № 321).	–	I в. до н.э. – I в.н.э.	

Таблица 7. Памятники Ольвии

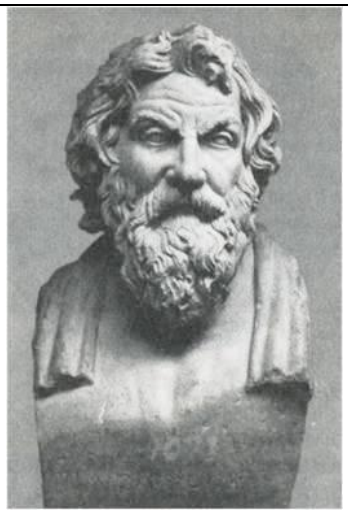
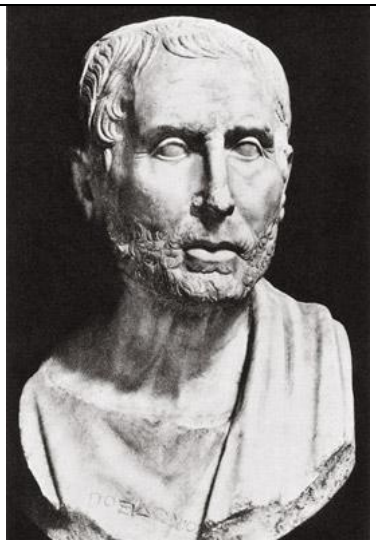
№	Инв. №, место хранения	Надпись	Дата	Рельеф
1	Институт истории материальной культуры РАН (по: НО, 1968, Табл. XXXVII).	Бывшие ситонами Феокл, сын Фрасиадама, Деметрий, сын Фокрита, Афеней, сын Конона, Навтим, сын Героксена, при секретаре Афенодоре, (это) изображение Герою Внемлющему (посвятили).	3-я четв. III в. до н. э. – 1-я пол. II в. до н. э.	
2	Николаевский областной краеведческий музей (по: НО, 1968, Табл. XLVIII).	Прощайте. Телесикл и Кониск, аполлониаты.	III в. до н. э.	

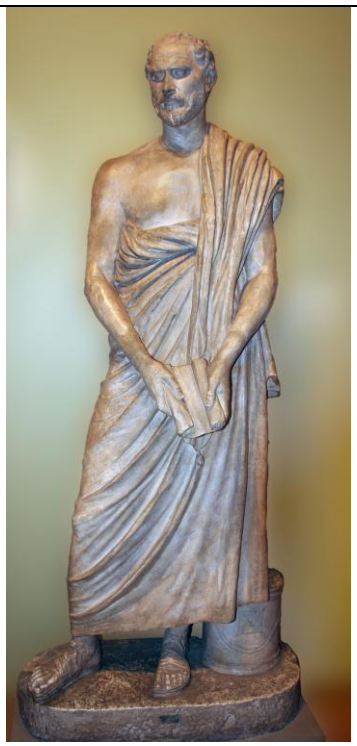
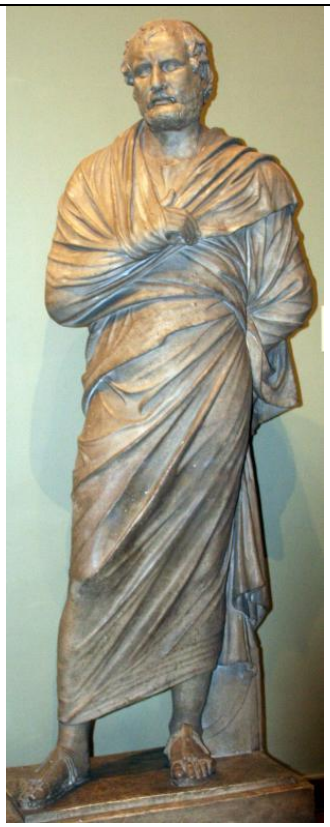
Таблица 8. Статуя Биона Борисфенита (предположительно)

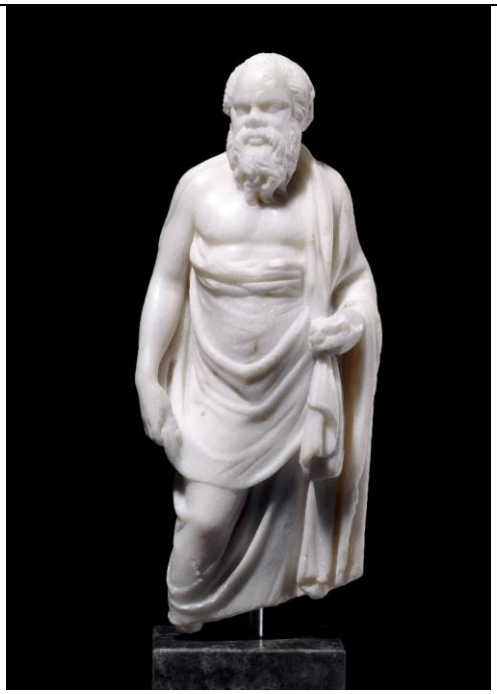
1. Фрагментированная статуя «Антикитерского философа», предположительно, Биона Борисфенита. Национальный археологический музей Афин. Инв №№ Х. 13400, Х. 15008, Х. 18932, Х. 15090, Х. 15091, Х. 15105, Х.15108 (по: National Archaeological Museum: The Temporary Exhibition of the Mechanism and the Antikythera shipwreck. URL: http://www.namuseum.gr/object-month/2013/mar/mar13-en.html дата обращения: 25.12.2016).	2. Графическая реконструкция статуи «Антикитерского философа», выполненная Дж. Н. Свороносом (по: Antikythera Philosopher (Sculpture). URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/artifact?name=Antikythera+Philosopher&object=Sculpture дата обращения: 25.12.2016)

ПРИЛОЖЕНИЕ II. Иконография интеллектуалов в памятниках античного искусства и аналоги северопричерноморским портретам

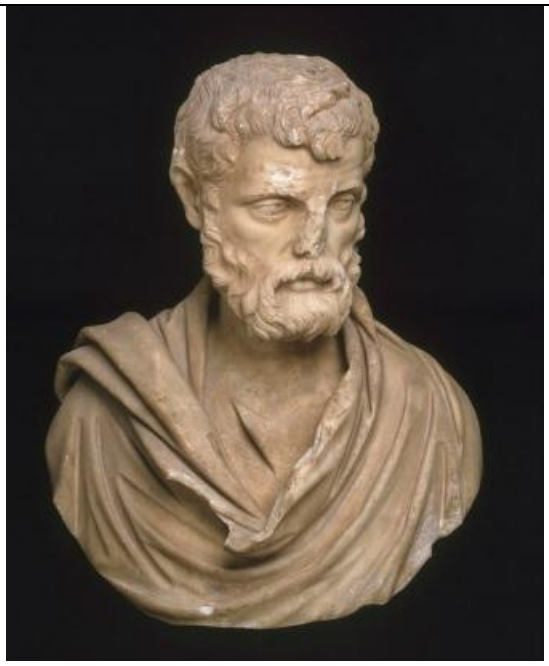
Таблица 1. Скульптурные портреты

1		Герма киника Антисфена. Нач. III в. до н. э. Капитолийские музеи. Инв. № MC 583 (по: Хафнер, 1984, с. 54).
2		Бюст стоика Посидония. I в. до н. э. Национальный музей Неаполя (по: Йохансен, 1987, Рис. 19).

3		Демосфен. Римская копия с греческого оригинала нач. III в. до н. э. Копия: ГМИИ им. А. С. Пушкина. Инв. № II.1.и 538 (по: Учебный художественный музей им. И. В. Цветаева: Искусство Древней Греции. URL: http://www.art-cvetaev.ru/data/exhibits/5_hall/292_Demosfen_statuya/ дата обращения: 16.07.2017)
4		Эсхин. Римская копия с греческого оригинала нач. III в. до н. э. Копия: ГМИИ им. А. С. Пушкина. Инв. № II.1. и 517 (по: Учебный художественный музей им. И. В. Цветаева: Искусство Древней Греции. URL: http://www.art-cvetaev.ru/data/exhibits/5_hall/289_Eshin_statuya/ дата обращения: 16.07.2017).

5		Софокл. Римская копия статуи 30-х гг. IV века до н. э. Копия: ГМИИ им. А. С. Пушкина. Инв. № II.1.и 524 (по: Учебный художественный музей им. И. В. Цветаева: Искусство Древней Греции. URL: http://www.art-cvetaev.ru/data/exhibits/5_hall/290_Sofokl_statuya/ дата обращения: 16.07.2017).
6		Статуэтка Сократа, 200–100 гг. до н. э. или римская копия. Британский музей, № 1925,1118.1 (по: The British Museum: Collection online. URL: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=460533&partId=1&searchText=philosopher&images=true&page=6 дата обращения: 20.08.2017).

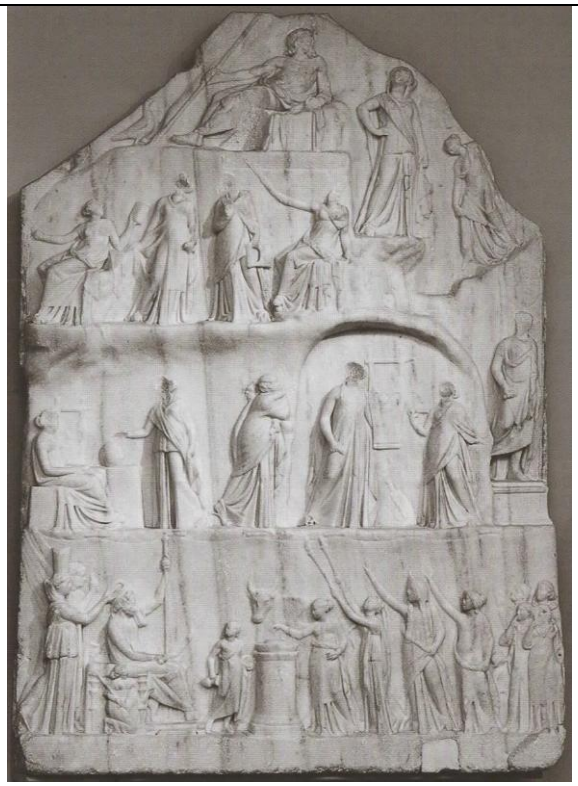
7		Статуя философа, III в. до н. э. Дельфы (интерпрет. Р. Смита; по: Smith, 1994, pic. 1c).
8		Статуя философа, III в. до н. э. Римская копия (интерпрет. Р. Смита; по: Smith, 1994, pic. 1d).

9		Статуи философов с виллы Диониса. 1-е вв. н. э. Дион, Македония (по: Пантермалис, 1997, с. 54–55).
10		Герод Аттик. Бюст ок. 161 г. н. э. Париж, Лувр. Инв. № 2536 / Ma 1164 (по: Louvre: Collection. URL: https://www.louvre.fr/en/oeuvre-notices/herod-atticus-philosopher-and-rhetor дата обращения: 20.08.2017).

11		Юлиан Отступник. 361–363 гг. Париж, Лувре (по: Робертс, 1999, с. 135).
12		Статуя горгиппийского правителя Неокла. II в. ГМИИ им. А. С. Пушкина. Инв. № II 1а 817 (фото автора).

13		Статуэтка мальчика-«оратора». III–II вв. до н. э. Бостон, Музей изящных искусств (по: Museum of Fine Arts Boston: Collections. URL: http://www.mfa.org/collections/object/boy-orator-152715 дата обращения: 20.08.2017).
14		Статуэтка африканского мальчика-«оратора». Ок. 150–50 гг. до н. э. Бостон, Музей изящных искусстве (по: Museum of Fine Arts Boston: Collections. URL: http://www.mfa.org/collections/object/statuette-of-an-african-boy-orator-152717 дата обращения: 20.08.2017).
15		Терракотовая статуэтка юноши в образе мыслителя. III в. до н. э. Париж, Лувр (по: Zanker, 1995, p. 92, Fig. 51).

Таблица 2. Рельефы

1		Афинский мраморный рельеф с изображением сыновей боспорского царя Левкона I. 346 г. до н. э. (по: Ант. насл. Кубани, Т. 2, 2010, с. 33).
2		Рельеф Архелая из Приены. Апофеоз Гомера. Ок. 225–205 гг. до н. э. Британский музей (по: Суриков, 2017, ил. 32).

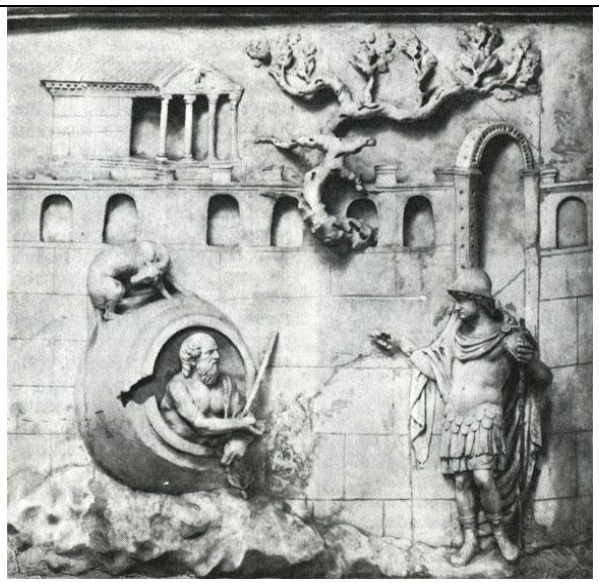
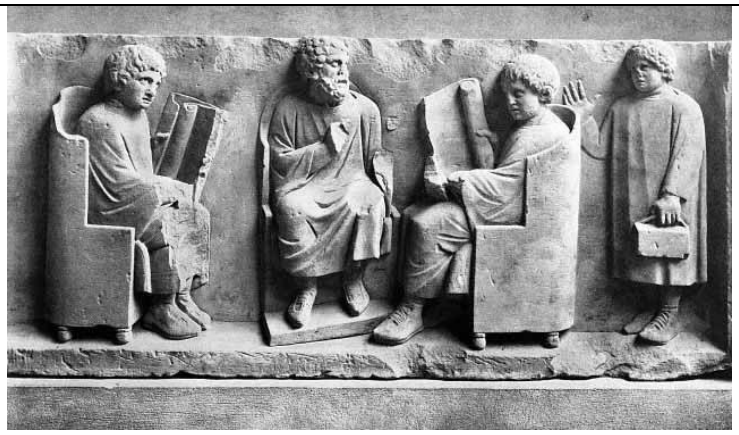
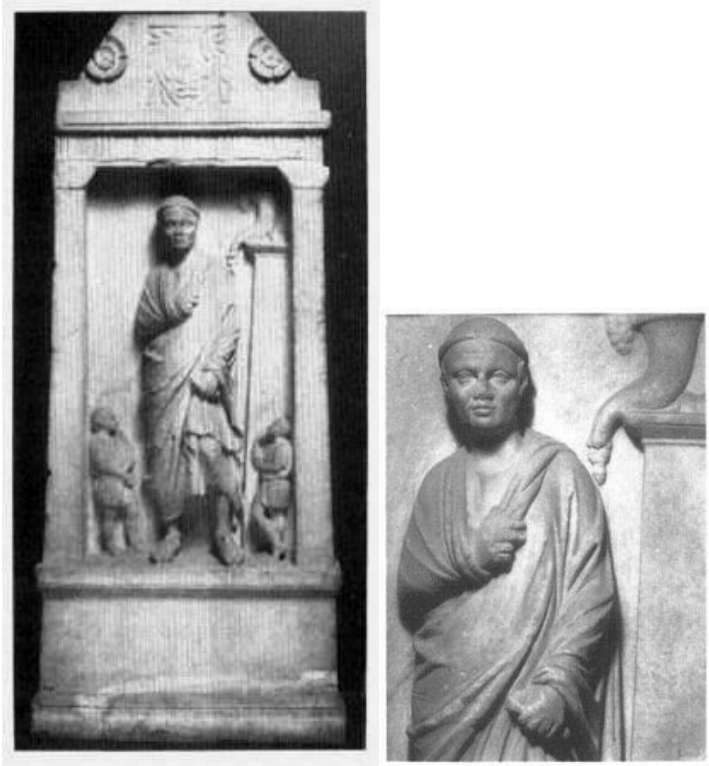
3		Рельеф из Виллы Альбани, Рим. Ок. 50 н. э. (по: Хафнер, 1984, с. 126).
4		Барельеф римской эпохи. Трир (по: Борухович, 1976, с. 173).

Таблица 3. Надгробные рельефы

1		Позднеэллинистическая стела из Археологического музея Стамбула (фотография из коллекции Д. Оссемана. URL: http://www.pbase.com/dosseman/stelai дата обращения: 16.07.2017)

2		Надгробие из Смирны. II–I вв. до н. э. Государственный музей Лейдена, инв. № S.N. Ns. 1; P.-M. no. 256 (по: Zanker, 1994, p. 231, pic. 4).
3		Надгробие из Смирны. II–I в. до н. э. Ince Blundell Hall; инв. № 161 (по: Zanker, 1994, p. 231, pic. 5).

4		Надгробие из Смирны. II–I вв. до н. э. Государственный музей Лейдена, инв. №. Pb. 27; P.-M. no. 170 (по: Zanker, 1994, p. 231, pic. 6).
5		Надгробие из Смирны. II–I вв. до н. э. Вена, Музей истории искусств, инв. №. I. 1052 (по: Kunsthistorisches Museum Wien. URL: http://www.khm.at/objektdb/detail/ 50075/?offset=28&lv=floorplan дата обращения: 16.07.2017)

6		Надгробие из Смирны. II в. до н. э. Балтимор, Художественный музей Уолтерс (по: The Walters' outstanding collection: Ancient Greece. URL: http://art.thewalters.org/detail/17081/grave-relief-of-a-woman-depicted-as-a-muse/ дата обращения: 20.08.2017).
7		Надгробие супружеской четы с Виа Статилиа. I в. до н. э. Рим, Капитолийские музеи, Дворец консерваторов (по: Бритова, Лосева, Сидорова, 1975, с. 21, илл. 18).
8		Надгробный памятник с портретами двух мужчин. Середина I в. н. э. Брешиа, Городской музей Санта-Джулия. Инв. № MR 3082 (фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=4005 дата обращения: 16.07.2017).

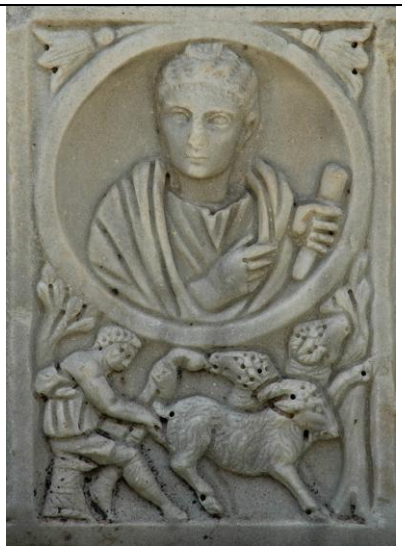
9		Мужской надгробный рельеф. Пальмира. Римский период, II–III вв. н. э. Стамбул, Археологический музей (фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=4005 дата обращения: 16.07.2017).
10		Рельеф Иеди Бела и его сына Забде Атеха. Пальмира. Римский период, 200–273 гг. н. э. Стамбул, Археологический музей. Инв. № 3823 T (фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=3785 дата обращения: 16.07.2017).
11		Памятник актерской семье Гая Силия Батилла. 2-я пол. I в. н. э. Верона, Музей-лапидарий Маффеи. Инв. № 28667 (по: Museo Lapidario Maffeiano: Collezioni. URL: https://museomaffeiano.comune.verona.it/nqcontent.cfm?a_id=44638&tt=museo дата обращения: 16.07.2017)

12		Стела Дексифана и Трасона, сыновей Трасона, и раба-педагога Гермеса. Никомедия, II в. до н. э. Лувр, № Ma 4498 (по: Louvre: Collection. URL: http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=26148 дата обращения: 5.09.2017).

Таблица 4. Рельефы на саркофагах

1		Философ, читающий и комментирующий книгу. Фрагмент «Саркофага Плотина». Мраморный саркофаг III в. н. э. Рим, Музеи Ватикана. Григорианский музей светского искусства. Инв. №. 9504 (по: Wegner, 1966, № 116, Taf. 64b)
2		Саркофаг-ленос с изображением процессии вступления консула в должность (processus consularis). Рим. Ок. 270 г. н. э. Инв. № 126372. Рим, Национальный римский музей, Палаццо Массимо в Термах (фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=3750 дата обращения:

		16.07.2017)
3		«Саркофаг братьев» или «Сенаторский саркофаг». 240–260 гг. н. э. Инв. № 6603. Неаполь, Национальный археологический музей (фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=5149 дата обращения: 16.07.2017)
4		«Саркофаг братьев», фронтальная панель. 220–250 гг. н. э. Пиза, Кампосанто. Инв. № B 1 est (фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=5755 дата обращения: 16.07.2017)

5		Саркофаг с изображением Музы и философа. Сер. III века н. э. Рим, Италия, Музей Ватикана, Григорианский музей светского искусства, Инв. №. 9512th (по: Wegner, 1966)
6		Саркофаг-стригилато с изображением времен года и портретом покойной в клипеусе. Деталь. 270-е гг. н. э. Остия, Археологический музей. Инв. № 1163 (фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=5161 дата обращения: 16.07.2017).
7		Саркофаг-стригилато. Мрамор. 2-я пол. III в. н. э. Рим, Капитолийские музеи, Новый дворец, Внутренний двор. Инв. № MC9 (фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=1399 дата обращения: 16.07.2017).

8		Саркофаг муз. Рим. 180–200 гг. н. э. Вена, Музей истории искусств (фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=4565 дата обращения: 16.07.2017).
9		Саркофаг с изображением музыкального состязания между музами и сиренами.3-я четв. III в. н. э. Нью-Йорк, Метрополитен-музей. Инв. № 10.104 (фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=5542 дата обращения: 16.07.2017).
10		Девять муз, Афина и Аполлон. Фронтальный вид саркофага. Сер. II в. н. э. Остия, Археологический музей. Инв. №№ SBAO 59954, 59955 (фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=6811 дата обращения: 16.07.2017).

11		Саркофаг муз. Рим. 1-я пол. II в. н. э. Париж, Лувр. Инв. № MR 880 (Ma 475) (по: Louvre: Collection. URL: https://www.louvre.fr/en/oeuvre-notices/sarcophagus-muses дата обращения: 16.07.2017).
12		Саркофаг с изображениями покойных в окружении Муз в арках (фронтальная панель). Рим. Ок. 250 г. н. э. Пиза, Кампосанто. Инв. № C 22 est (по: фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=6302 дата обращения: 16.07.2017).

13		Саркофаг с мифом о Селене и Эндимионе. Фриз крышки.Середина II в. н. э. Рим, Капитолийские музеи, Дворец консерваторов. Инв. № МС 725 (фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=4727 дата обращения: 16.07.2017).
14		Саркофаг. 2-я пол. III – 1-я пол. IV в. н. э. Остия, Археологический музей (фото И. А. Шурыгина. URL: http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=6814 дата обращения: 16.07.2017).

Таблица 5. Раннехристианские саркофаги.

1		Саркофаг с предсказанием отречения Петра. Ок. 310–350 гг. Музеи Ватикана. Музей Пио-Христиано. Cat. 31495 (по: Pius-Christian Museum. URL: http://www.museivaticani.va/content/museivaticani/en/collezioni/musei/museo-pio-cristiano/sarcofagi-_a-strigilature/sarcofago-con-predizione-della-negazione-di-pietro.html дата обращения: 11.09.2017).
2		Саркофаг с Виа Салариа. Ок. 260 г. Музеи Ватикана. Музей Пио-Христиано. Cat. 31540 (по: Pius-Christian Museum. URL: http://www.museivaticani.va/content/museivaticani/en/collezioni/musei/museo-pio-cristiano/buon-pastore-e-giona/sarcofago-_della-via-salaria.html дата обращения: 11.09.2017).

3		Саркофаг со сценами Страстей Христовых. Сер. IV. Музеи Ватикана. Музей Пио-Христиано. Cat. 31525 (по: Pius-Christian Museum. URL: http://www.museivaticani.va/content/museivaticani/en/collezioni/musei/museo-pio-cristiano/sarcofagi-_a-colonne/sarcofago-con-scene-della-passione-di-cristo.html дата обращения: 11.09.2017).
4		Саркофаг Агапы и Кресцентиана. Ок. 325–350 гг. н. э. Музеи Ватикана. Музей Пио-Христиано. Cat. 31489 (по: Pius-Christian Museum. URL: http://www.museivaticani.va/content/museivaticani/en/collezioni/musei/museo-pio-cristiano/sarcofagi-_a-colonne/sarcofago-di-agape-e-crescentianus.html дата обращения: 11.09.2017).

5		«Догматический» саркофаг. Ок. 340 г. Музеи Ватикана. Музей Пио-Христиано. Cat. 31427 (по: Pius-Christian Museum. URL: http://www.museivaticani.va/content/museivaticani/en/collezioni/musei/museo-pio-cristiano/sarcofagi-_a-doppio-registro/sarcofago-_dogmatico.html дата обращения: 11.09.2017).
6		Саркофаг двух братьев. Ок. 325–350 гг. Музеи Ватикана. Музей Пио-Христиано. Cat. 31543 (по: Pius-Christian Museum. URL: http://www.museivaticani.va/content/museivaticani/en/collezioni/musei/museo-pio-cristiano/sarcofagi-_a-doppio-registro/sarcofago-_dei-due-fratelli.html дата обращения: 11.09.2017).

Таблица 6. Мозаичные и живописные портреты

1		Т. н. Эзоп на краснофигурной чаше. Ок. 440 г. до н. э. Рим, Музеи Ватикана (по: Zanker, 1995, p. 34, pic. 19).

2		Карикатура на дискутирующего софиста на краснофигурном аске. Ок 440 г. до н. э. Париж, Лувр (по: Zanker, 1995, p. 34, pic. 20). .
3		Академия Платона. Мозаика из Помпей (Вилла Т. Симиния Стефана). Нач. I в. до н. э. Неаполь, Национальный археологический музей. Инв. № 124545 (по: Museo archeologico nazionale di Napoli: Mosaics. URL: http://www.museoarcheologiconapoli.it/en/room-and-sections-of-the-exhibition/mosaics/ дата обращения: 16.07.2017).
4		Семь мудрецов и Муза Каллиопа. Мозаика виллы близ Баальбека. 2-я пол. III в. (по: Хафнер, 1984, с. 22).

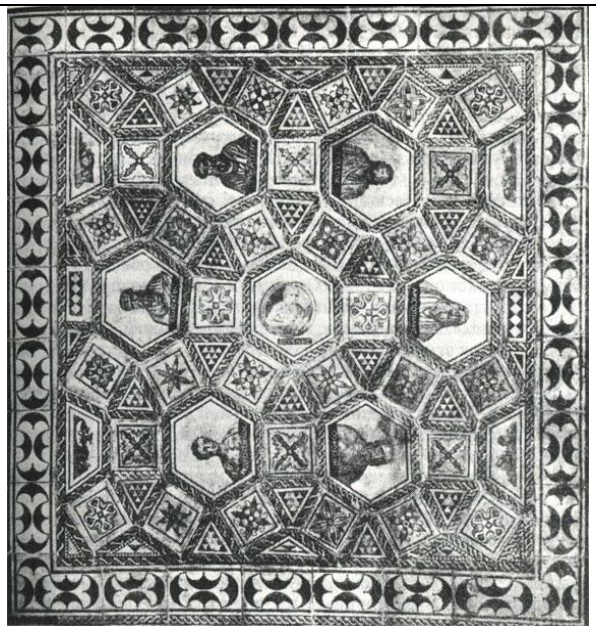
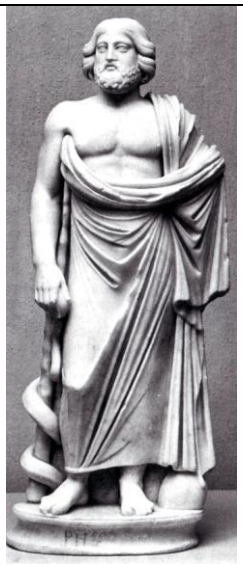
5		Философы. Мозаика из Римско-Германского музея, Кельн (по: Хафнер, 1984, с. 23).
6		Кратет Фиванский и Гиппархия. Фреска из виллы Фарнезина, Рим (по: Хафнер, 1984, с. 158).

Таблица 7. Изображения Асклепия и врачей.

1		Асклепий. Кон. II – нач. III вв. н. э. Пафос, Окружной археологический музей (по: Daszewski, Michaelidis, 1998, p. 56).

2		Синкретический Зевс-Асклепий. Фанагория. I–II вв. н. э. (по: Трейстер, 2013, с. 408).
3		Кувшин с рельефными изображениями Асклепия и Гигиеи. Херсонес. III в. н. э. ГБУК «Государственный историко-культурный заповедник «Херсонес Таврический». Инв. № 7806443 (по: Пятышева, 1971, с. 76).
4		Римская фреска из гробницы Патрона, греческого врача I в. до н. э. Лувр, Инв. № P 37 (по: Louvre: Collection. URL: https://www.louvre.fr/en/oeuvre-notices/funerary-painting-patron дата обращения: 7.02.2018).

5		Погребальный рельеф – врач и просители. Венеция. Ок. 50 г. до н. э. – 50 г. н. э. (по: Афонасин, Афонасина, 2017, Приложение).